

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СМАЗ

ДЕЛО № 11-003

ГЛАВНАЯ ПРОФЕССИЯ — РАЗВЕДКА

Всеволод Радченко

ХРАНИТЬ вечно ЛЕТ

Annotation

Это рассказ кадрового разведчика о своей увлекательной и опасной профессии. Автор Всеволод Радченко прошел в разведке большой жизненный путь от лейтенанта до генерал-майора, от оперуполномоченного до заместителя начальника Управления внешней контрразведки. Он работал в резидентурах разведки в Париже, Женеве, на крупнейших международных конференциях. Захватывающе интересно описание работы Комитета государственной безопасности в Монголии в 1983–1987 годах в период важнейших изменений в политической жизни этой страны, где автор был руководителем представительства КГБ. В заключительной части книги есть эссе об охоте на волков. Этот рассказ заядлого охотника не связан с профессиональной деятельностью разведчика. Однако по прочтении закрадывается мысль о малоизвестных реалиях работы разведки. Волки, волки, серые волки...

- [Всеволод Кузьмич Радченко](#)
 - [Об авторе](#)
 - [Вместо предисловия](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвёртая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Послесловие](#)
 - [Иллюстрации](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Всеволод Кузьмич Радченко

Главная профессия — разведка

Благодарю дорогую Олю, Николая и Макса Ярышевых, без помощи которых эту книгу я еще очень долго бы писал.

Об авторе

«Вот уже не одно столетие всё, что связано со шпионами, притягивает внимание писателей, журналистов и историков, как, впрочем, и читающей публики. Используя всевозможные профессиональные приёмы, авторы пытаются описать успехи, приключения и человеческие трагедии, связанные с древним искусством шпионажа, часто при этом неразборчиво смешивая факты с вымыслом. К сожалению, большинство книг на эту тему написано людьми, весьма далёкими от профессии разведчика. Многие из них давали излишнюю волю своему воображению, стараясь получше описать психологический прессинг, соблазны и нервные нагрузки, связанные с этой опасной профессией, которым неизбежно подвергаются практически все неординарные люди, посвятившие ей свою жизнь.»^[1]

Книга, которую читатель держит в своих руках, написана кадровым разведчиком, до конца верным присяге, занимавшим высокий пост в иерархии внешней разведки вплоть до 1991 года. Радченко Всеволод Кузьмич прошёл большой жизненный и оперативный путь: от лейтенанта до генерал-майора; от оперуполномоченного до заместителя начальника внешней контрразведки. Человек уникальных способностей, свободно владеющий английским и французским языками, кандидат юридических наук, защитивший диссертацию по оперативной тематике на базе изданной монографии, всегда был востребован в самых серьёзных мероприятиях внешней разведки, буквально с его первого прихода на службу.

Предлагаемая книга — удивительный рассказ об истории нашей страны и прекрасной профессии разведчика.

Писать о работе во внешней разведке непросто. Не случайно широко известные имена наших разведчиков и описание дел внешней разведки появляются в печати только после разоблачения этих людей и дел спецслужбами противника, громких судебных процессов. Это хорошо теперь известные имена славных разведчиков Абея и Молодого. Имя же великого Зорге (Рамзай) было прославлено у нас лишь спустя двадцать лет после его гибели в японской тюрьме. Об Абея мы написали всё, что могли написать после его обмена на захваченного у нас и осужденного пилота самолёта-разведчика У-2; о Молодом — после его обмена на английского агента, осужденного у нас по делу Пеньковского; толчком в деле Зорге послужил фильм французского режиссёра Ива Чампи «Кто вы, доктор Зорге?», созданный на базе документальных материалов и рассказавший о

деятельности советского разведчика в Японии. Похожая ситуация складывается и в западных спецслужбах: о разоблачённом у нас агенте ЦРУ и СИС Пеньковском в США и Англии было «пролито море чернил» после того, как он был осуждён и расстрелян в Москве.

Автор, прослуживший сам многие годы во внешней контрразведке СВР, чётко знал информационные границы, которые нельзя переступить в рассказе о работе во внешней разведке. Рукопись, конечно, внимательно просмотрели в Службе. Замечаний было немного, и лишь одно из них было существенным: в отрывке (15 страниц) описывалась сложная и интересная операция с прямым участием автора, секретность этой операции ещё не исчерпала сроков, позволяющих предать её огласке. Автор, не вступая в дискуссии, удалил этот отрывок из книги.

Книга начинается рассказом об участии молодого разведчика в охране И. Сталина на торжественном заседании 7 ноября 1952 года, и уже в следующем за ним эпизоде описывается «наряд» на Красной площади при похоронах И. Сталина. Эти зарисовки как бы вводят читателя в атмосферу, общественный строй нашей страны того времени.

Интересными являются воспоминания о работе Комитета Государственной безопасности в Монголии через его Представительство в 1983–1987 годах, в период принципиальных изменений в политической жизни страны.

В заключительной части книги есть отрывок об охоте на волков. Это эссе заядлого охотника не связано с профессиональной деятельностью разведчика, но когда читаешь его, невольно проскальзывает мысль о реалиях работы разведок... Волки, волки, серые волки...

*Учёный секретарь Научно-оперативного Совета
внешней разведки в 80–90-х годах*

В. Н. Попов

Вместо предисловия

«Чем же ещё является шпионаж, как не одним из терминов для обозначения того, что мы делаем каждый день».

Джон Ле Карре

Это был 1952 год. Приближались ноябрьские праздники. 7 ноября, день Октябрьской революции, был главным торжеством в нашей стране. Первое главное управление (разведка госбезопасности Советского Союза) к мероприятиям внутри страны практически никогда не привлекалась. На этот раз всё было иначе. Нас, значительную группу офицеров разведки, в основном молодёжь, выделили в распоряжение Девятого главного управления КГБ, иначе говоря, управления кремлёвской охраны, как у нас его называли, «Девятка». Использование разведчиков было незатейливым, но, как тогда считалось, очень важным. Мы должны были занять многочисленные важные, с точки зрения безопасности Сталина, места в Большом театре во время торжественного собрания, посвящённого тридцать пятой годовщине Октября. С нами провели соответствующий инструктаж, подчеркнув важность и торжественность задания, затем провели репетицию прямо в зале Большого театра. Каждый занял своё место. Я получил первое место в третьей ложе бельэтажа, т. е. место, с которого хорошо видна сцена и которое закрывает собой два других места в первом ряду этой ложи. Сзади в ложе, стоя, разместился сотрудник «Девятки». Посторонних не было, а нас оказалось в зале довольно много. В каждой ложе, на всех ярусах и, естественно, довольно густо в партере.

Наступил день торжественного заседания — 6 ноября. Мы прибыли в театр задолго до того, как начали пускать гостей и приглашённых. Моя задача была предельно проста — занять своё место и не покидать его на всём протяжении торжественного заседания и концерта. Не помню, чтобы меня как-то инструктировали следить за соседями по ложе. Но видимо, это подразумевалось. И вот появились приглашённые. В моей ложе размещалась делегация компартии Англии. Всего их было человек восемь, из них три женщины. Они долго уступали друг другу два места в первом ряду. Ни одного слова в мой адрес. Я был необходимым атрибутом, частью обстановки, мебелью. Наконец все разместились, двое мужчин остались

стоять за рядами, а позади них (и так было в каждой ложе) — офицер-охранник. Проследовал на свои места президиум, встреченный, конечно же, бурными аплодисментами.

Теперь о главной фигуре на этом собрании, ради которой была проявлена такая щепетильность в организации охраны. Сталин прошёл в президиум не в центр, а занял самое крайнее место за столом, рядом с трибуной. Докладчик, не помню точно, кто это был, начал читать свой объёмный доклад. Но внимание всего зала сосредоточилось только на НЁМ... С трибуны продолжала литься речь, а из-за кулис тем временем вышел помощник и положил перед Сталиным пачку бумаг. Тот вынул очки, надел их (что было очень необычно, так как никто не видел Сталина в очках) и начал читать бумаги, делая какие-то пометки карандашом. Доклад читали долго, а Иосиф Виссарионович всё работал с бумагами, ни разу не поднял голову. Закругляясь, докладчик произнёс, как тогда полагалось, нескончаемую здравицу в честь «Великого вождя всех времён и народов». «Да здравствует! — и ещё, и ещё раз: — Да здравствует!». И далее — эпитеты в высшей и наивысшей степени, и наконец, умолк на самой высокой ноте... И тишина... Мёртвая тишина секунд 30, а то и 40. Сталин не спеша поднял голову, посмотрел в сторону трибуны и, поняв, что доклад окончен, спокойно снял очки, положил их на стол, встал и хлопнул в ладоши... Что тут началось! Зал стоя минут 20 бил в ладоши и скандировал «Ура! Великому вождю! Ура!». Я также бил в ладоши вместе с моими соседями-англичанами, которые ничуть от меня не отставали. Назовите это теперь массовым психозом. Но это было действительно всеобщее ликование. От Вождя как бы исходило гипнотическое воздействие. Все без исключения смотрели только на НЕГО, и овация продолжалась бы ещё сколько угодно, но ОН приподнял руку и стал усаживаться, и только тогда буря эмоций стала стихать. Дальше всё было по намеченной программе. ОН перешёл в директорскую ложу, начался фантастический концерт: Козловский, Лемешев, Михайлов, самые известные скрипачи, выступления балетных звёзд, народные ансамбли — и все на одной сцене, плавно сменяя друг друга. Но мы не забывали нашего главного задания на этом вечере, и ничто не могло усыпить нашей бдительности, ведь ОН был ещё в зале, хотя уже в ложе, но на виду. Впоследствии всем нам была объявлена благодарность за образцовое выполнение задания. Это был мой первый «выход» за пределы кабинета хорошо известного здания на Лубянке.

Но уже вскоре случилось и второе огромное событие. На этот раз по совсем не радостному поводу — 5 марта Сталин умер.

Меры по обеспечению порядка и безопасности были приняты

исключительные. И вновь на обеспечение безопасности было брошено наряду с другими службами и 1-е Главное управление. Вновь мы были отданы в распоряжение Главного управления охраны, «Девятки». Гроб с телом вождя был выставлен в Колонном зале Дома Союзов. Огромные толпы людей устремились к Дому Союзов со всей Москвы, из пригородов и других городов, со всей страны. Где-то на дальних подступах, в районе Пушкинской площади, произошли давки, были даже трагические исходы. Подступы к Дому Союзов были оцеплены тройным кольцом солдат и перекрыты тяжёлыми грузовиками. Траур был воистину всенародным, и многие были просто в трансе. Нас, из разведки, по три человека со специальными провожатыми из Управления охраны проводили через линии оцепления, мы пролезали через кабины грузовиков, и нас включали в очередь, непрерывно проходящую у гроба.

Похороны были 9 марта. На этот раз наша роль была ещё более неестественной для офицеров разведки. Вся Красная площадь в длину была разделена пополам цепью (плечом к плечу) из молодых офицеров 1-го и 2-го главков. Перед нами — мавзолей, кремлёвские трибуны и довольно широкое пустое пространство. Сразу за нами — рядов восемь солдат из спецвойск с оружием, а уже позади них — колонны представителей трудящихся Москвы, по районам.

Я стоял прямо напротив мавзолея, и вся картина похорон проходила на моих глазах. День был ясный и холодный — 12 градусов мороза. Все участники похорон были уже на трибунах, когда на площади появился лафет с саркофагом покойного. Все были без головных уборов. На трибуне мавзолея появились все члены Политбюро, маршалы, военачальники и руководители социалистических стран. Начался митинг. Выступили все, кто мог стать новым вождём СССР: Хрущёв, Молотов, Маленков, Берия. Спустя некоторое время Хрущёв получил всю полноту власти в стране, заняв пост Генерального секретаря партии, а трое других вскоре сошли с политической арены с печальными финалами. И вот руководители на руках внесли гроб в мавзолей Ленина. На фасаде мавзолея уже появилась надпись «Сталин». Всё руководство и приглашённые из социалистических стран потянулись живым ручьём, чтобы пройти мимо установленного у мавзолея гроба. Многие плакали. Нас из оцепления отпустили только после ухода руководителей партии в Кремль. Так я стал очевидцем похорон Сталина и открытия новой страницы в истории страны. У меня сохранились фотографии, сделанные профессиональным фотографом: Сталин в гробу. Нам их выдали после похорон.

Глава первая

Первый год работы

Ещё в первый год моей работы в аппарате разведки во французском подразделении произошло событие, повлиявшее на перипетии моей судьбы в разведке. Я сидел в комнате с другом, молодым товарищем Соколовым, который работал в отделе уже года три. Он вёл все дела по контрразведывательной линии во Франции. У него был большой сейф, точнее, металлический шкаф, полный папками с делами. Формуляры на агентуру, рабочие дела агентов, дела на различные объекты спецслужб в стране, наблюдательные дела по различным враждебным организациям (эмигранты, троцкисты и т. д.) и, наконец, дела по советской колонии. Всего до сотни томов — полный шкаф. В это время у меня ещё особого задания не было, и я с интересом следил, как мой товарищ по памяти давал справки на запросы архива («проверки») о различных лицах, поставленных на учёт по всем этим делам. Он писал ответы сам или диктовал мне, не заглядывая в дела: «кто, где, когда» или «проходит другое лицо, совпадение случайно». Он помнил тысячи имён и для убедительности предлагал мне иногда проверить его ответ, найдя имя в одном из дел. Вердикт был окончательным и шёл в архив за его подписью.

В этот день меня вызвал заместитель начальника отдела. Он будничным тоном сказал, чтобы я «принял дела» у Соколова. На мой вопрос: «Какие дела?» ответ был простым: «Все! Завтра доложишь, что приказ выполнен».

Не совсем понимая, что это всё значит, я сообщил об указании Соколову. Тот для верности переспросил, но тут же сказал, чтобы я переписывал из его личного формуляра дела в свой и сверял «наличие». Создавалось впечатление, что Соколов был готов к такому повороту событий и только заметил: «Убирают совсем. Как еврея». Я принял шкаф с делами и стал «хозяином» огромного (как я потом понял) богатства нашей службы — всех дел по спецслужбам Франции и других дел контрразведывательного направления в этой стране.

Соколов больше не появлялся, он был переведён в архив даже не Министерства Госбезопасности, а в архив органов милиции. Этот случай был не единичным. По той же причине в Самару был откомандирован зам. начальника европейского отдела Лапин, уволился сотрудник отдела

Гарнунг (он говорил, что ведёт своё происхождение от шведских корней, но это, видимо, не убедило «Кадры»).

Мои впечатления от увиденных дел, от понимания наших «возможностей» в этой стране были очень сильными. Я с рвением принялся за изучение материалов и вскоре приступил к анализу самого сложного группового агентурного дела. По делу поступали к нам уже несколько лет ценнейшие материалы, но в то же время имелся ряд сомнений, даже подозрений, что в них преднамеренно скрывают важные факты, или что это вообще дезинформация.

Я провёл возможную сверку подтвердившихся сообщений, сгруппировал все возможные «сомнения», проработал ряд материалов по рабочим делам источников, в том числе по документам на языке. Анализ позволил «отмести» имеющиеся подозрения. Получилось страниц сорок. И. о. начальника отдела Борис Малинин внимательно прочёл мой анализ и похвалил. Малинин пришёл в разведку из белорусских партизан, к которым был заброшен по линии НКВД во время войны. Храбрый, добрый и открытый человек. Но в отделе ему было непросто. Он говорил: «Третий год изучаю французский язык, но пока на втором семестре».

Совпало так, что отчёт отдела по французской линии был поставлен на заслушивание у нового начальника разведки Панюшкина. Панюшкин пришёл в разведку с должности заведующего отделом ЦК, а ранее был послом в Китае. Очевидно грамотный политик, но в разведке ещё человек новый, Малинин, чтобы не наговорить «лишнего» в докладе по широкому кругу вопросов работы во Франции, предложил Панюшкину послушать результаты анализа важного группового агентурного дела, т. е. вышеупомянутое моё сообщение. Для этого я был приглашён прямо к начальнику разведки. На заслушивании присутствовал первый заместитель начальника ПГУ генерал Сахаровский (вскоре он стал начальником разведки). Мой доклад заинтересовал Панюшкина, да и Сахаровского. Возникали дополнительные вопросы и даже бурное обсуждение. Заслушивание продолжалось часа полтора. Малинин больше молчал, но остался очень доволен результатами нашего похода к «большому» шефу.

Примерно к концу первого года работы в аппарате Первого главного управления дежурный передал мне приказ явиться в обозначенный им кабинет (на седьмом этаже старого здания). Время было назначено на 23.30. Тогда такое позднее приглашение не удивляло, так как вся служба сидела на своих местах часто до глубокой ночи. Я, конечно, быстро выяснил, кто занимает указанный кабинет. Это был кабинет Судоплатова, начальника специального подразделения «террористического отдела»,

который числился в ПГУ, но при этом пользовался полной самостоятельностью. Я зашёл доложить о полученном мной вызове своему начальнику. Он выслушал меня, но осторожно воздержался от каких-либо рекомендаций. В 23.30 я явился на седьмой этаж в указанный кабинет. В приёмной сидел не секретарь, а, видимо, дежурный офицер в форме майора. Мне предложили подождать. В ожидании я просидел минимум полчаса. Такое ожидание, я думаю, входило в сценарий «приёма» у Судоплатова. Наконец, майор был вызван в кабинет и затем пригласил меня войти. Я вошёл. Большой тёмный кабинет, верхний свет не горит, включена только настольная лампа, за столом сидит человек. Он предложил мне сесть за приставной столик и, ничего не объясняя, задал два или три вопроса по моей биографии. Здесь я увидел, что в стороне, у стены горит маленькая лампочка, стоит ещё один стол, сидит человек и что-то записывает. В этот момент хозяин кабинета вдруг попросил рассказать о «делах», которые я вёл лично. Не задумываясь, я отчеканил, что информацию по этому вопросу могу докладывать только своим прямым начальникам или кому-либо по их указанию. «Чтобы Вы понимали мою компетентность, — заявил Судоплатов (а это был он), — вот ваше личное дело». Он протянул мне папку — моё досье. Положив папку на столик, я начал листать дело. В этот момент Судоплатов перегнулся через стол и вырвал у меня папку. Он из-за своей оплошности (конечно же, он не должен был давать мне моё досье) был просто взбешён и заявил, что я могу идти. Больше я никогда не сталкивался со службой Судоплатова. Может быть ещё и потому, что вскоре после осуждения Берии в июле 1953 года «террористический отдел» был ликвидирован, а сам Судоплатов приговорён к десяти годам тюрьмы, тогда это был высший срок тюремного заключения. Он провёл все десять лет «от звонка до звонка» в известной Владимирской тюрьме.

Хочу сказать, что моя работа по всем полученным мною делам как бы ввела меня в круг людей из разных подразделений внешней контрразведки. Именно поэтому я в дальнейшем стал начальником направления линии «Кр» в службе «А», заместителем резидента по «Кр», а затем и заместителем начальника Управления внешней контрразведки. Я был хорошо знаком с Григорием Фёдоровичем Григоренко, бывшим зампредом КГБ и начальником 2-го Главного управления. Григоренко был заместителем начальника службы «А», когда я там был начальником направления по мероприятиям в области контрразведки, и являлся моим непосредственным начальником. Человек недюжинного ума и сильной воли, он очень болел вопросами продвижения, утверждения и осуществления проводимых моим направлением мероприятий. Скажу ещё,

что он был заядлым шахматистом, и я с ним не раз играл «блиц» после работы. Игра проходила при куче болельщиков, азартно и даже сопровождалась криками. Тем временем Григоренко резко пошёл на повышение: начальник управления «К» в ПГУ, затем начальник 2-го главного управления и наконец — зампред КГБ.

По работе, а потом и лично, я хорошо знал Филиппа Денисовича Бобкова, первого зампреда КГБ и создателя 5-го Управления. Бобков Филипп Денисович был «начальником политической контрразведки» госбезопасности страны, как он сам озаглавил свою книгу в 2006 году («Последние двадцать лет. Записки начальника политической контрразведки»). Он был непосредственным создателем всесильного в то время 5-го Управления КГБ. Управление охватывало все сферы политической и культурной жизни страны, начиная от борьбы с террористами и националистами и заканчивая провинциальными университетами и театрами. Несмотря на всем известные факты «преследования диссидентов», высылки за рубеж Солженицына, Аксёнова и всей подобной работы 5-го Управления, могу сказать, что Филипп Бобков — умный и далеко неординарный человек, хорошо знающий все тонкости работы чекист. Один пример (а их было много).

Передаю рассказ из первых рук. Молодой способный медик, некто М., уже доктор наук, публикует работу с новыми идеями в области урологии. Вскоре его заметили за рубежом и пригласили выступить со своим докладом в США.

Для нашего медика — большое событие. Подготовка, сборы, переводы доклада — всё закрутилось. И тут выясняется, что вроде бы комиссия ЦК партии не даёт разрешения на поездку. Причина хотя и не сообщается, но очевидна: наш М. — еврей. Огорчён М. был ужасно. Но какой-то умный человек даёт ему совет попытаться попасть на приём в КГБ к Бобкову. М. мне рассказывал, что Бобков его принял, спокойно выслушал и попросил подождать пару дней. А на другой день М. позвонили и сказали: «Почему Вы не приходите за загранпаспортом?». Прошли годы, М. стал известным профессором, академиком, руководителем крупной клиники, но остался убеждённым почитателем не только Бобкова, но и всей нашей сложной системы и самой власти.

Моим шефом в Москве во время моей работы в Швейцарии, т. е. начальником службы «К», был Виталий Константинович Бояров. Позже он стал начальником 2-го Главного управления КГБ, и при нём контрразведка добилась очень заметных успехов, скажем даже выдающихся успехов. Он же был моим главным оппонентом при защите мной закрытой

кандидатской диссертации в Академии им. Андропова. (Для этой защиты я тогда получил специальное разрешение приехать на неделю в Москву из Женевы.) К Боярову я сохранил самые тёплые чувства и по личностному обаянию, и в связи с его профессионализмом разведчика и организатора.

И Григоренко, и Бобков, и Бояров — все трое выдвиженцы лично Андропова, а он, как видим, умел и не боялся продвигать вверх по карьерной лестнице умных и способных людей.

Глава вторая

Первая командировка

Швейцария

Женева

Шёл второй год моей работы в 1-м Главном управлении Министерства государственной безопасности, позднее КГБ, т. е. в советской разведке. Работал я в европейском отделе, занимался текущими делами нашей резидентуры во Франции. Где-то в конце апреля раздался телефонный звонок секретаря отдела, и мне было сказано, что меня вызывает к себе Коротков Александр Михайлович. Генерал Коротков был в это время заместителем начальника Первого главного управления, одним из четырех или пяти генералов, которые были в то время в разведке. О нём подробно пишет в своей нашумевшей книге бывший начальник специального диверсионно-террористического подразделения МТБ Судоплатов. Коротков в своё время был его заместителем. В ПГУ Александр Михайлович был известен как «крутой матёрый» профессионал.

В приёмной Короткова находилась его секретарша Вера. Я её знал, так как своим улыбчивым и милым характером она обаяла всю молодёжь разведки. На мой вопрос Вера сказала, что речь пойдёт, видимо, о включении меня в группу разведчиков в составе правительственной делегации на международном совещании по Вьетнаму. Совещание должно было начаться буквально в ближайшие дни в Женеве. Проблема заключения мира во Вьетнаме и раздела Вьетнама на Северный и Южный имела очень большое значение в тот период обострения «холодной войны». Советскую делегацию возглавлял Вячеслав Михайлович Молотов (тогда министр иностранных дел). Группу разведки в нашей делегации будет возглавлять, как сказала Вера, сам Коротков. Вооруженный этой краткой информацией, я вошёл в просторный кабинет и, поздоровавшись, остановился недалеко от стола. С Коротковым я был не знаком и практически никогда не встречался. Коротков внимательно взглянул на меня, как будто оценивая, и, не предлагая мне присесть, сказал: «Поедешь с нашей делегацией в Женеву, — и после короткой паузы добавил: — в качестве устного переводчика делегации».

Как потом выяснилось, в группу разведки, направленную в составе

нашей делегации в Женеву, срочно понадобился сотрудник со знанием французского языка для работы с источниками разведки, которые, как выяснилось в последний момент, смогли прибыть на эту исключительно важную конференцию. Слова Короткова были для меня полной неожиданностью. Особенно неожиданным было его замечание, что я должен ехать в качестве устного переводчика делегации. По своей неопытности я воспринял это всё буквально, и, не задумываясь, сказал, что никогда не работал устным переводчиком и, видимо, не смогу справиться с такой работой. Подняв голову, Коротков с усмешкой заметил: «А, наверное, 10 % надбавки получаешь за хорошее знание французского языка?». Не пытаясь острить, а совершенно автоматически, я ответил, что я и за английский язык, который знаю много хуже, также получаю 10 %. Коротков в свойственной ему иногда грубоватой манере сказал: «Иди». И добавил ещё что-то, вероятно не для печати. Уже когда я был около дверей, он меня остановил, звонком вызвал секретаршу, которая сразу появилась в дверях, и сказал: «Вера, объясните ему, куда ехать в МИД за паспортом, а также всё, связанное с его отъездом в Женеву».

И вот уже через два дня, без какого бы то ни было предварительного изучения справок или документов по обстановке в стране и материалов конференции, как это обычно делается, я оказался в Женеве.

Швейцария и сейчас занимает одно из первых мест в мире по уровню жизни, а тогда разница была заметна даже в сравнении с другими странами Европы, не говоря уже о Советском Союзе. Разница была разительной. Это было заметно во всём: магазины, машины, одежда людей, чистота улиц, состояние дорог.

Делегация разместилась хотя и в старом, но шикарном пятизвёздочном отеле «Метрополь», в самом центре Женевы, с видом на Женевское озеро.

Специфика состояла в том, что делегация была большая, и сама важность встреч с западниками, а это были американцы, англичане и французы, носила столь важный характер, что швейцарцы (отель в то время принадлежал муниципалитету Женевы) предоставили «Метрополь» целиком в распоряжение советской делегации. В дверях рядом со швейцарским портье стояли наши охранники, и никто посторонний в отель войти не мог, и даже в большой и шикарный ресторан «Людовик XIV», который по этой причине оставался практически пустым. Члены же нашей делегации предпочитали обедать в скромных ресторанчиках или кафе, которых кругом было множество. В то время наша резидентура в Женеве была совсем скромной, рабочих помещений у неё практически не было. Всё было сосредоточено на одной вилле, где поселился сам Молотов, двое

его ближайших помощников и охрана. Весь остальной штаб был в «Метрополе», включая рабочие помещения нашей группы и комнату, приспособленную под кабинет Короткова. Здесь же работали два шифровальщика, приехавших из Москвы, и наш специалист по опертехнике. До официального открытия конференции оставалось дня три. Это совпадало со временем первой обусловленной встречи с нашим агентом, с которым я должен был работать. Встреча с агентом (назовем его условно М.) была назначена по всем правилам агентурной явки: опознавательные признаки, пароль, отзыв. Коротков приказал мне за эти три дня максимально освоить город, подобрать места встреч, маршруты движения, подчеркнув, что это для меня очень важно, так как «уверенность в поведении разведчика всегда положительно действует на агента», тем более, что я выглядел очень молодо, а мой будущий первый партнёр по работе был уже человеком далеко не молодым. В первый день я знакомился с городом с помощью нашего резидента в Женеве, который должен был показать мне места, нежелательные для проведения агентурных встреч. Как было мне уже известно из теории, это были территории, прилегающие к полицейским участкам, охраняемым учреждениям, банкам, вокзалам, а также места с сомнительной репутацией. Заметим, что таких мест в Женеве не так и много. Я с энтузиазмом принялся за работу, и если в первый день с резидентом мы ездили на машине, то второй и третий день я ходил по городу с картой в руках до позднего вечера только пешком. Женева и сейчас — маленький компактный и очень уютный город, а в 1954 году там было менее 180 тысяч жителей. Женевское озеро с набережными, на которых находятся наиболее известные отели, река Рона с её мостами, многочисленные скверы и парки — всё это очень украшает всемирно известный город. Мест для возможных агентурных встреч было предостаточно: небольшие кафе, рестораны, и, благодаря летнему времени, парки и скверы. Сложнее было с подготовкой проверочных маршрутов, так как это действительно требовало уже более тщательного изучения города и много времени. Приближался день моего выхода на первую в моей жизни агентурную встречу. Накануне утром Коротков вызвал меня и дал краткий инструктаж, подчеркивая, что агент опытный и, честно говоря, не хуже нас знающий, что нам требуется. Важно наладить с ним личные отношения и создать рабочую атмосферу, а конкретные задания возникнут и будут возникать постоянно в ходе конференции. Закончив свою беседу, Александр Михайлович неожиданно сказал мне, чтобы я взял аванс в нашей кассе и сегодня же приобрел себе новый скромный, но приличный костюм, ботинки, другие элементы гардероба, отвечающие западным

меркам. Дело в том, что в 1954 году наша московская одежда значительно отличалась не только от западной моды, но и просто выделялась несовременным покроем. И несмотря на то, что я был в новом добротном московском костюме, Коротков справедливо считал, что при поставленной передо мной задаче, я не должен был отличаться от среднего европейца. Я думаю, что он был абсолютно прав, и таким, как может показаться на первый взгляд, мелочам в нашей работе необходимо придавать самое серьёзное значение. Дальнейшая моя жизнь и работа в разведке неоднократно убеждали меня в том, что мелочей в агентурной работе не бывает. Уже к вечеру я появился в нашей импровизированной резидентуре одетый во всё новое. И, как я понял, мой внешний вид получил молчаливое одобрение моих «матёрых коллег». В этот день из центра поступило сообщение, что в Женеву прибывает ещё один источник, с которым я также должен был в дальнейшем работать.

Первая встреча прошла абсолютно без сучка и задоринки — прямо как в романах. И я её помню, как будто это было вчера. М. имел в руке газету, которая являлась условным опознавательным знаком. Уже при моём приближении он, видимо, почувствовал, что это именно я ему нужен. Чётко ответил полагающиеся слова отзыва на произнесённый мною пароль. Я бы сказал, что с первых же слов М. продемонстрировал свой дружеский настрой. В то же время, несмотря на разницу в возрасте и в жизненном опыте, он с большим вниманием выслушал подготовленные нами рекомендации по его работе в Женеве, по собственной инициативе повторил все условия связи: время и место встречи, маршруты движения, места и время запасных встреч, сигналы срочного вызова, одним словом, необходимые атрибуты бесперебойной работы. М. даже дал понять, что он полностью принимает мою «руководящую роль» в оперативной части организации работы и рассказал, какие предпринимает шаги, чтобы получить максимальный доступ к необходимой информации.

26 апреля 1954 года началось Женевское совещание, которое явилось важным международным событием и широко освещалось в прессе. Напомню, что в марте-апреле 1954 года развернулось крупнейшее сражение вьетнамского народа против французских оккупантов. Сражение закончилось катастрофическим разгромом французских частей и взятием вьетнамцами главного опорного пункта французов — города-крепости Дьен Бьен Фу. Французский экспедиционный корпус, насчитывающий во Вьетнаме более 200 тысяч человек, был поставлен на грань уничтожения. Известно, что война в Индокитае потребовала от Франции напряжения всех её сил. Французам к этому времени начали активно помогать

Соединённые Штаты. Американцы откровенно заявляли, что не могут допустить «распространения коммунизма в этой части света». Мир во Вьетнаме и последующий раздел Индокитая был основным вопросом повестки дня конференции. Вторым вопросом была проблема мирного урегулирования в Корее. Основными участниками конференции были СССР, США, Англия, Франция и Китай, который стал полноправным участником благодаря активному давлению СССР. Работа конференции осложнялась также тем, что при рассмотрении каждого вопроса состав её, кроме пяти основных членов, менялся. При рассмотрении индокитайского вопроса приглашались представители Лаоса, Камбоджи, Сайгонского правительства и правительства Демократической Республики Вьетнам, а при рассмотрении вопроса о Корее — соответственно, представители Южной и Северной Кореи, а также целого ряда стран, участвовавших своими вооружёнными силами на стороне Южной Кореи.

Американскую делегацию возглавлял небезызвестный госсекретарь США Дж. Фостер Даллес, демонстрировавший свою решимость «бороться с коммунизмом на всех азимутах». Французская делегация во главе с весьма реакционным деятелем Жоржем Бидо демонстрировала свою полную лояльность с американцами и фактически пыталась отстаивать позицию восстановления колониального режима в Индокитае.

Английскую и делегацию КНР возглавляли такие известные политики, как министр иностранных дел Англии Антони Иден и министр иностранных дел КНР Чжоу Эньлай. Французы, подстрекаемые американцами, намеревались вести переговоры по индонезийской проблеме «с позиции силы». Для этого в конце мая правительство Франции объявило о досрочном призыве в армию нового контингента, который должен был призываться только в конце 1954 года. Франция не скрывала, что проводит досрочный призыв в целях усиления экспедиционного корпуса в Индокитае. Американцы же, со своей стороны, угрожали прямым вмешательством в эту войну.

Конференция началась. Было согласовано, что на ней будут два сопредседателя. С нашей стороны — это Молотов, со стороны западников — это был весьма популярный в политическом мире министр иностранных дел Англии Антони Иден.

Молотов и Иден очень часто встречались наедине и, как правило, на нашей вилле. Основные вопросы согласовывались именно на этих встречах, носивших строго закрытый характер. Иден, конечно, занимал прозападную, в принципе согласованную с американцами, позицию, но был более сдержан и не пытался навязывать американскую, крайне

неуступчивую и даже агрессивную позицию, которую держал госсекретарь США Джон Фостер Даллес. Интересно, что Иден, видимо, желая максимально сохранить конфиденциальность встреч с Молотовым, предложил, чтобы перевод делал только один переводчик — наш. Это был тогда Олег Трояновский. Иден заявил, что он перевод Олега лучше понимает. Я также подружился с Трояновским, и долгие годы мы были с ним в дружеских отношениях. Олег сделал блестящую дипломатическую карьеру: был послом в Японии, представителем Советского Союза в ООН и затем — послом в Китае.

В Женеву прибыла также большая делегация из Китая. Китай своим присутствием демонстрировал свою особую заинтересованность в решении вопросов Вьетнама и Юго-Восточной Азии в целом. На нашу работу это оказывало определенное влияние, так как китайцы, будучи нашими союзниками в то время, постоянно проводили «консультации» с нашей делегацией. Интересны факты, как китайцы старались продемонстрировать свое присутствие в Женеве. Например, Чжоу Эньлай дал в одном из самых шикарных отелей Женевы приём. Очевидно, что нужен был подходящий, но в то же время оригинальный предлог для организации такого приёма. И он был найден: приём проводился в честь великого Чарли Чаплина, который в это время жил в Швейцарии, не в Женеве, но сравнительно недалеко, в небольшом городке Вивей. На этом приёме, естественно, почти в полном составе присутствовала и советская делегация.

Многообразными, сложными были вопросы, возникшие в ходе дискуссий на конференции. Например, разделение воюющей страны на два государства, и речь шла о создании самостоятельных государств с прямо противоположными идеологическими режимами. Решение этих вопросов — очень непростое дело, так как всплывало переплетение самых различных интересов и проблем. Холодная война уже была в полном разгаре, и это, в свою очередь, никак не увеличивало возможности сторон быстро и успешно договориться. В нашей же работе, т. е. в работе разведывательной группы, это также давало себя знать. Постоянно возникали новые проблемы, приходилось тщательно следить за всеми нюансами переговоров. Требовалась исключительно внимательная подготовка к встречам с нашими источниками — в первую очередь, а также к беседам со связями, т. е. с дипломатами других стран и с журналистами, которых было великое множество вокруг конференции. Коротков демонстрировал нам пример огромной работоспособности и необходимой в его положении особой информированности. Он фактически сам являлся «последней инстанцией», выпускающей разведывательную информацию,

как для Молотова в Женеве, так и для Москвы, куда ежедневно направлялись обширные телеграммы. Коротков лично докладывал важную информацию Молотову и в этой связи ежедневно, а то и дважды в день, ездил на нашу виллу, где был штаб Молотова. Несколько раз, когда информация, получаемая, в частности, мною, носила очень срочный характер, Коротков брал на виллу и меня, на тот случай, если у главы делегации возникли бы какие-либо уточняющие вопросы. Отмечу, что на вилле Коротков чувствовал себя абсолютно своим человеком, постоянно дружески общался с помощниками Молотова, с членами делегации и с советскими послами стран, участвующих в конференции. Наши послы также были в составе делегации. Молотов всегда принимал Короткова вне всякой очереди, а для Короткова, и в целом для нашей группы, было очень важно учитывать в своей работе все нюансы интересов штаба нашей делегации и, конечно, лично главы делегации Молотова. Александр Михайлович сам не раз говорил, что важно не только доложить информацию главе делегации при поездке на виллу, но и самим «подзарядиться». Хочется сказать несколько слов об особой атмосфере товарищеского дружелюбия и взаимопонимания, которая установилась в нашей группе. Этим мы были обязаны нашему руководителю, который в условиях напряжённой работы демонстрировал простоту и, как правило, неформальные отношения со всеми товарищами. В то же время, на его примере все мы — и опытные разведчики, и начинающие (я имею в виду себя), наглядно убеждались, какое значение имеет его опыт и, я бы сказал, особое чутье в оценке, в первую очередь, информации и оперативной обстановки. У меня возникли первые официальные контакты среди западных дипломатов, но я их использовал мало, так как плотно был загружен непосредственной агентурной работой. Помню, как через некоторое время неожиданно возник вопрос о моем «прикрытии». Напомню, что я прибыл в составе делегации в группе переводчиков МИДа. Прошло уже недели три, а я, будучи действительно очень загружен по линии разведработы, даже не появлялся в комнатах отеля, где расположилась группа переводчиков. И вот однажды, во время завтрака, ко мне подошёл руководитель группы переводчиков министерства и в дружелюбном тоне сказал мне, что в их рабочем помещении существует мой стол, который меня дожидается. Я в лёгкой панике тут же доложил о состоявшемся разговоре Короткову. Секунду подумав, он сказал, что в сложившейся обстановке мне лучше вообще не появляться на рабочем месте в группе переводчиков, так как если я буду там появляться на короткое время и сразу исчезать, это только повредит делу и привлечёт ко

мне ненужное дополнительное внимание. Вопрос же с руководителями прикрытия он урегулирует сам. Таким образом, этот немаловажный аспект — моё «прикрытие» — был решён на весь период конференции, которая с небольшим перерывом продолжалась почти 5 месяцев.

По нашим делам 2–3 раза мне пришлось проехать по стране, и так как времени на туристические поездки практически не оставалось, эти выезды были для меня очень интересными. Швейцария в целом поражала не только красотами своих горных хребтов и голубых озёр, но в первую очередь — ухоженностью всех без исключения маленьких и больших городов, прекрасными (уже в то время) автомобильными дорогами, отсутствием на этих дорогах старых автомобилей, как будто все швейцарцы и даже иностранные туристы в Швейцарии ездили только на новеньких и добротных автомобилях. Этот высокий уровень жизни был заметен практически повсюду. Как-то пришлось мне заехать недалеко на французскую территорию. Французская граница от Женевы находится в 5–7 километрах, но разница в уровне жизни тогда была видна практически сразу. Многие дороги во Франции заметно нуждались в ремонте, дома в маленьких городах, видимо, не ремонтировались с довоенного времени, магазины, кафе — всё это заметно отличалось от Швейцарии. Высокий уровень жизни производил впечатление не только на меня, в первый раз выехавшего за пределы нашей страны (а мы жили тогда, большинство из нас, более чем скромно), но и на повидавших мир моих товарищей по группе, и на советских дипломатов с серьёзным стажем работы за рубежом. Запомнился такой эпизод, произошедший как-то после приёма, проводимого нашей делегацией, когда приглашённые гости уже разошлись, а члены нашей делегации ещё оставались в зале, обсуждая текущие вопросы. Среди наших дипломатов находился философ, академик Юдин, бывший тогда советским послом в Китае. Кто-то из товарищей громко спросил Юдина, как он с философской точки зрения представляет себе коммунизм в Швейцарии, и он, не задумываясь, остроумно ответил, что «это будет та же Швейцария, но с двойными чаевыми».

Хочу припомнить некоторые эпизоды из моей оперативной работы в Женеве. Один из них был довольно курьёзный, другой же — более чем серьёзный. Эти эпизоды произвели на меня такое сильное впечатление, что я по прошествии многих лет помню всё, как будто события происходили вчера. Я работал с нашим источником, который давал информацию, содержащую множество деталей: географические названия, восточные имена политических и военных деятелей, нюансы позиций западников. В этой связи на встречах я вынужден был, несмотря на хорошую память, кое-

что записывать при получении устной информации. Это было не всегда удобно с оперативной точки зрения — писать на встрече всегда сложно, вне зависимости от того, проходит ли встреча в кафе, парке, ресторане, музее, не говоря уже о том, что это нереально, когда встреча проводится просто на улице. И вот мы решили для сохранения полученной информации от М. использовать записывающий аппарат. В нашей группе был специальный работник по оперативной технике, который осуществлял, в первую очередь, проверку и защиту нашей «импровизированной» резидентуры, а также помощь в проведении операций с использованием уже имевшейся в то время, может быть, не очень совершенной, но достаточно добротной спецтехники. Я был коротко проинструктирован, как пользоваться аппаратом, который был замаскирован у меня на поясе, а микрофон выведен на руке в виде часов. Было решено, что в случае необходимости я могу сказать о наличии записывающего аппарата и нашему источнику. Место встречи вполне располагало к спокойной и продолжительной беседе. И нами был подготовлен ряд дополнительных вопросов, которые я должен был ставить в ходе беседы. Встреча была назначена в парке «Буа де ля Боте» на окраине Женевы, недалеко от слияния Роны, вытекающей из Женевского озера с её притоком Арвой. Встретившись и погуляв по парку несколько минут, мы присели с моим партнёром на заранее выбранную скамейку. Была первая половина дня, в парке людей почти не было. Я включил записывающий аппарат и, слушая очень внимательно, уточняя необходимые детали информации, которые были мне не до конца ясны, спокойно работал, имея в виду, что всё у меня идёт на запись. Я не записывал, как обычно, названий и имён. Встреча продолжалась на этот раз довольно долго, погода была прекрасная, партнёр не спешил, и мы расстались, довольные друг другом. Я поспешил в резидентуру, предвидя, что работы по обработке информации будет ещё много. Каков же был мой ужас, когда пленка оказалась практически неразборчивой: были слышны только отдельные звуки или слова, текст же восстановить было невозможно. Наш специалист-техник также был очень смущён и даже поначалу растерян. Он демонстрировал сначала мне, а потом и Короткову работу аппарата, диктовал всякие фразы — и громко, и шёпотом — всё добросовестно воспроизводилось. Однако моя плёнка была «нечитаемой».

Наконец, специалист пришёл к заключению, что на всём протяжении моего разговора с агентом присутствовала какая-то постоянная стабильная помеха. Я же уселся за непростую в данном случае работу — восстанавливать всю информацию по памяти. Отдельные моменты в информации были очень актуальны и носили достаточно срочный характер,

но всё-таки огрехи в моей работе могли присутствовать. Естественно, шеф был недоволен, «технар» и я — расстроены. И вот, к концу рабочего дня, наш специалист уговорил меня ещё раз съездить на место встречи и проверить, что же произошло с аппаратурой. Оказалось, что всё было значительно проще, чем представлялось нам в различных выдвигаемых версиях: скамейка, на которой велась беседа, хотя и была в тихом месте парковой аллеи, но находилась на склоне высокого берега реки, не очень далеко от воды. И прямо под нами оказался небольшой — метр, может быть, полтора — перепад реки, маленький водопадик, он-то и создал своим постоянным журчанием «защиту» от любого технического подслушивания, и, естественно, именно он «добросовестно забил» всю мою запись. Век живи — век учись!

Второе, более серьёзное происшествие случилось на встрече с другим нашим источником. Я несколько раз встречался с этим человеком. Он передавал нам обширную информацию, в основном носившую «околоконференционный», если можно так сказать, характер: реакцию в кулуарах на различные демарши сторон и характеристики на нужных нам людей. В целом, в данной конкретной ситуации активной дипломатической работы на конференции и вокруг неё, это было весьма полезно. Было известно, что наш агент, поддерживая с нами строго агентурные отношения, тем не менее, иногда, без нашего ведома, встречался с представителями польской и чехословацкой разведок, имел контакты с компартией своей страны и мог находиться в поле зрения западных спецслужб. Учитывая летнее время, встреча была назначена в прекрасном парке Женевы «Парк дез О-Вив» — «живая вода». Парк находился на правом берегу Женевского озера и отличался очень ухоженным видом, симпатичными аллеями, подстриженными кустарниками. Днём в нём гуляли в основном мамы или бонны с детьми на нескольких детских площадках. Я выехал на встречу на нашей машине с оперативным шофёром и, тщательно проверившись (хочу отметить, что за нами во время конференции швейцарцы наружного наблюдения практически не вели, ограничиваясь контролем на выходе из наших учреждений и прослушиванием телефонов), оставил машину на приличном расстоянии в одном из примыкавших к парку жилых кварталов. К месту встречи я отправился, как обычно, на несколько минут раньше назначенного времени. Идя по аллее, я ещё издали увидел моего партнёра. Большая длинная аллея была пуста, и наш человек неспеша шёл один в мою сторону, так мы сближались. Вдруг, сзади агента, назовём его Густав, на порядочном расстоянии, метрах в 150-ти, а то и в 200-х, появилась ещё одна фигура.

Заметив меня (а мы уже практически сблизилась с Густавом) фигура неожиданно свернула с аллеи и спряталась за толстое дерево. Этот манёвр привлёк моё особое внимание. Через несколько секунд я увидел, как человек осторожно выглядывает из-за дерева. Густав в это время уже сел на скамейку, и я, находясь в нескольких шагах от него, сел на эту же скамейку, только на другой её конец. Я сразу, не глядя на Густава, пояснил, что у меня есть подозрение, что за ним идёт слежка. Действия Густава также были для меня полной неожиданностью: он вынул из кармана пиджака небольшой пакет, набитый, как потом стало ясно, его письменными донесениями и даже двумя-тремя копиями протоколов заседаний экспертов западных делегаций, и молча положил пакет на скамейку между нами. По формальной теории, возможно, мне не следовало брать пакет, но я знал, что Густав много лет работает с нами и, пусть допуская иногда своего рода недисциплинированность, никогда не был заподозрен в предательстве. Как-то практически не задумываясь, действуя инстинктивно, я накрыл пакет полою плаща и, подвинув к себе, положил его даже не в карман, а за пазуху. В этот момент на другой стороне поляны, на которой мы сидели, за живой изгородью возникло движение. Кусты, которые были метрах в пятидесяти от нас, раздвинулись, и я заметил физиономию человека. Сомнений не было — это была слежка, довольно примитивная, но слежка. Не глядя на Густава, не потеряв присутствия духа, я спокойным и тихим голосом объяснил ему, что сегодняшнюю встречу мы на этом прервём, назначил место нашей следующей встречи и предложил прибыть на эту встречу по проверочному маршруту. Маршрут был заготовлен мною заранее, поэтому пояснения мои были краткие, но достаточно чёткие. Густав, как человек опытный, понимал меня буквально с полуслова. В заключение я предложил ему продолжить как бы его прогулку по парку, а сам пошёл через некоторое время в обратном направлении. Выйдя из парка на первой же улице, достаточно малолюдной в это время дня, я быстро понял, что наружка идёт за мной. Теперь я видел двух людей, ведущих слежку в самом классическом варианте: один — поближе ко мне — шёл по противоположной стороне улицы (мне показалось, что это был тот самый человек, который прятался за деревом), второй вёл меня на почтительном расстоянии, следуя прямо за мной. Понимая, что наружка, видимо, приняла решение установить мою личность, и не собирается осуществлять какую-либо провокацию, я не проследовал к машине (она имела дипломатические номера, и там находился наш водитель), а двинулся по кварталу вверх, зная, что в конце квартала по перпендикулярной улице проходит трамвай. Мне повезло: появился трамвай, проехал мимо меня и, повернув метрах в 20–30 от меня,

остановился. Прибавив шаг, а за углом пробежав пару десятков метров, я вскочил в уже трогавшийся трамвай. Почувствовав неладное, наружник выскочил из-за угла, но было поздно — трамвай набрал скорость.

Машин не было видно, в то время в Женеве их было ещё не так много. Возможно, у наружника и была машина, но я на первой же остановке сошёл с трамвая и удалился в жилые кварталы, перехватил проходящее мимо такси и уехал из района встречи. При детальном разборе происшествия мои действия получили одобрение Короткова. Наш анализ показал, что наружное наблюдение велось достаточно примитивно и, скорее всего, действительно осуществлялось швейцарцами. Такой контакт между швейцарской и французской спецслужбами существовал с целью попытки выявить в необычной обстановке международной конференции контакты Густава, который, как потом подтвердилось, действительно находился в поле зрения французских спецслужб.

Было принято решение проводить следующую встречу с Густавом, осуществив за ним контрнаблюдение по проверочному маршруту. В контрнаблюдении принимал участие сам Александр Михайлович и ещё два опытных товарища, сам же я ждал условного сигнала для выхода на встречу в стороне, в маленьком кафе. На этот раз всё прошло нормально, никаких подозрений не возникло; помню только, что была жаркая погода, и довольно грузный Коротков, прошагав 2–3 квартала проверочным маршрутом, был весь мокрый. Я запомнил его тёмную спину в рубашке, когда он, проходя мимо кафе, подал мне условный сигнал выходить на встречу. В дальнейшей работе мы приняли, конечно, меры, чтобы обезопасить наш контакт с Густавом — ввели в практику моментальные встречи с передачей только подготовленных материалов, контрнаблюдение на его маршруте при выходе на встречу, но это уже скорее будет повторение теоретических азов оперативной работы в моём изложении, которые в полном объёме используются в странах с жёстким режимом и сильными контрразведывательными службами.

Конференция перевалила за середину, и Коротков решил лично провести встречу с Густавом, который приносил нам большую пользу своей своевременной и важной информацией. Организация встречи была поручена мне. Я выбрал и предложил Александру Михайловичу маленький, довольно скромный ресторанчик в пригороде. Летом там можно было занять столик на улице под зелёной крышей из вьющихся виноградных лоз. Предложение было принято. Мне запомнилось в этом ресторанчике рыбное блюдо — морской волк в укропе. (Сейчас и у нас такой рыбный волк бывает в продаже.) Рыбу заворачивают в длинные

стебли укропа, обвязывают ниткой и опускают в кипящее масло. Пять минут — и блюдо готово. Рыба благоухает поджаренным укропом.

В условленном месте мы забрали Густава к нам в машину и уже через десять минут были в уютном ресторанчике. Я выступал в роли переводчика, но в этом не было большой необходимости, так как Густав прилично знал немецкий, а Александр Михайлович владел им как родным. Разговор начался с обмена любезностями. Коротков поблагодарил Густава за отличную работу и от имени службы подарил ему швейцарские золотые часы одной из лучших мировых марок. Тогда мне казалось, что это очень дорогой подарок (я покупал часы, ориентируясь на рекомендации Короткова). Густав — человек, конечно, знающий, он высоко оценил наш подарок и наше к нему внимание. Беседа пошла в тоне взаимопонимания и доброжелательности. Тема конференции обсуждалась недолго, так как Александр Михайлович хорошо владел предметом разговора. Его больше интересовали взгляды и оценки Густава на общее положение дел в мире, и особенно в Советском Союзе. Напомню, что это был только 1954 год. Взгляд был доброжелательным, но всё же — со стороны, и поэтому был интересен. Забегая вперёд, скажу, что мне повезло работать с Густавом во время моей командировки в Париж. Густав находился в то время на связи у нашего резидента Михаила Степановича. Михаил Степанович был загружен работой сверх всякой меры и иногда, нечасто, когда он не мог выйти на заранее обусловленную встречу с Густавом, проведение этих встреч поручалось мне, как знающему Густава. После инструктажа, полученного от резидента, на встречу меня вывозили наши товарищи, и они же прикрывали проведение самой встречи. Встречи проходили нормально. Я был искренне рад общению с Густавом, и мы встречались, как старые знакомые. Потом от меня требовался краткий отчёт о встрече и подробное изложение информации для возможной передачи в центр.

Напоминаю, что выезд за рубеж, в Женеву в 1954 году, был моим первым, и в этой связи хочу рассказать о нескольких забавных эпизодах, не имеющих прямого отношения к разведывательной работе.

В это лето в Лозанне, т. е. всего в 60 километрах от Женевы, где мы находились, должен был состояться финал первенства мира по футболу. Тогда первенство проводилось несколько иначе, чем сейчас. В финал вышли 2 команды: прекрасно игравшая в то время команда Венгрии, включавшая в свой состав ряд блестящих игроков во главе со всемирно известным Пушкашем, и команда Западной Германии, уверенно идущая к высшим ступеням футбольного Олимпа. Игра должна была состояться в воскресенье. Планировался небольшой перерыв в работе конференции, и

было решено, что часть нашей группы во главе с Коротковым поедет посмотреть этот матч. С погодой нам не очень повезло. Непрерывно шёл дождь. Наши места были под навесом, но всё равно сидеть на трибунах было не очень приятно — погода была промозглая. Ещё больше не повезло венграм, их высокая техника полностью разладилась, поле быстро превратилось в сплошное болото, и они (у меня сложилось такое впечатление) действовали, как на замедленной съёмке. Немцы же, не обладая в то время «бразильской техникой», продолжали с завидным упорством месить грязь стадиона, и это вскоре начало давать свои результаты. Не хочу вдаваться в детали игры, я их не помню хорошо, помню только, что венгры проиграли. В конце первого тайма, уже солидно «отсырев» на трибуне, Коротков сказал мне, чтобы я шёл заранее в ресторан, находящийся прямо под нашей трибуной, занял столик и заказал на всех (нас было пятеро) по рюмке хорошего коньяка. Я так и сделал. Столик был занят, поставлены 5 стульев, расставлены рюмки, и в самом начале перерыва между таймами появилась наша компания. Я начал делать заказ официанту, но Коротков, прервав меня, попросил заказать тонко нарезанный лимон с сахарным песком. По-моему, чисто русская привычка — пить коньяк под такую закуску. «А также, — подчеркнул Александр Михайлович, — скажи ему, чтобы он наливал по полной рюмке» (первоначально официант разлил, как и положено, примерно на одну треть довольно больших пузатых рюмок). Я с большим трудом объяснил, какой лимон нам требуется, так как официант не сразу это понял, и потом попросил налить полные рюмки. Он вновь появился с бутылкой и налил примерно две трети каждой рюмки. Как говорят на западе, «дабл». Коротков сказал под смех наших товарищей: «Ты что, не знаешь французский язык и не можешь объяснить ему, что такое полная рюмка?» Я, одновременно объясняя по-французски, что нам нужны рюмки, налитые до краёв, показывал ему пальцем, как следует налить коньяк. Наконец это было сделано. Мы дружно выпили коньяк залпом. Коротков сказал: «Ну, ещё по одной — и пойдём!». История повторилась: гарсон сначала налил по одной трети рюмки, затем, когда я настоятельно попросил налить по целой, налил две трети, и когда я потребовал налить рюмки до краёв, он отправился куда-то за дверь и принёс новую бутылку. Рюмки были налиты. Мы бодро выпили по второй, но здесь произошло самое неожиданное — из служебных дверей появился хозяин с бутылкой коньяка и громко объявил: «Дорогим гостям третья рюмка за счёт заведения». К этому моменту ресторан, в связи с перерывом на футболе, наполнился людьми, и все присутствующие повернулись к нашему столику. Хозяин профессионально

разлил коньяк в наши рюмки до краёв. Александр Михайлович хотя и улыбался, но тихо сказал: «Отказываться не будем, но и реклама эта нам совершенно ни к чему. Оставайся, — обратился он ко мне, — расплачивайся, благодари, а мы пошли». Вся компания вышла, а хозяин ещё несколько минут выражал мне своё удовольствие от нашего присутствия и предлагал посетить его ресторан в другой, не футбольный день.

Вот ещё один небольшой эпизод. Он произошёл непосредственно со мной. В отеле, где разместилась наша делегация, в известном «Метрополе», был ресторан «Людовик XIV». Это ресторан высшей категории. В связи с тем, что отель был полностью закрыт для посторонних, а члены нашей делегации в ресторан такого класса за свой счёт не ходили, он был постоянно пустым в обеденное и тем более в вечернее время. Однажды, уже не помню при каких обстоятельствах, я явился к себе в номер в восемь часов вечера, не поужинав, и хотя есть особенно не хотелось, решил, что нужно всё-таки что-то перекусить. Суточные мы получали вполне приличные, и я решил не искать другого места и взять что-нибудь лёгкое прямо в отельном ресторане. Когда я явился, довольно большой зал был пуст, и я оказался в полном одиночестве. Уселся. Разглядывая меню, обратил внимание на строчку десерта — «клубника со сливками». Решив, что, возможно, такого лёгкого ужина мне будет достаточно, тем более цена была вполне приемлемая — 5 франков, заказал этот десерт. Вскоре принесли мой заказ, но не совсем в том виде, в котором я ожидал его увидеть: на стол была поставлена большая ваза, полная прекрасной клубники, кувшинчик, вполне приличный, со сливками и сахарная пудра. Сознаюсь, что я первый раз в жизни сидел в таком ресторане, но был достаточно воспитан, чтобы понимать, что клубнику нужно взять двумя ложечками и положить себе в тарелку, залить сливками и другой ложечкой есть. Я так и сделал. Клубника была великолепная. Я захотел ещё и повторил всю операцию. Здесь я подумал, что, вероятно, официант может подсчитать потом, сколько примерно порций я съел, и решил не экономить. Когда я положил в тарелку клубнику в четвертый раз, опустошив примерно половину вазы, обратил внимание, что вдоль дальней стены зала выстроились, видимо, все скучавшие официанты (их было человек 6), и они с интересом издали наблюдали за мной. Помню, что меня это не смутило. Наконец, на пятой порции я решил, что получил удовольствие и нужно «солидно» закончить, и попросил счёт.

Каково же было моё удивление, когда в счёте стояли всё те же 5 франков. В нашем специальном учебном заведении нам читали небольшой

курс протокола, но никто мне не объяснил, что в хорошем ресторане всегда, если ты заказываешь на десерт фрукты, приносят, например, целую вазу с фруктами, но нужно взять один, в крайнем случае, два плода... Но об этом я узнал позднее. Мой рассказ об ужине в «Людовике XIV» у моих старших товарищей вызвал искренний смех.

Конференция затягивалась. Но тут 17 июня 1954 года получило вотум недоверия французское правительство Ланьеля-Бидо. Это и означало фактический провал политики Франции в Индокитае, т. е. политики «с позиции силы». Полномочия получило правительство во главе с левым радикалом Мендес-Франсом. Мендес-Франс, который одновременно стал и министром иностранных дел, 10 июля возглавил практически новую делегацию Франции в Женеве. Уже 20 июля в Женеве было подписано соглашение о прекращении военных действий во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже, и после напряжённой «торговли» установлена временная демаркационная линия, проходящая немного южнее 17 параллели. Она же в дальнейшем и стала границей Южного и Северного Вьетнама. Отмечу, что одновременно американцы сколачивали военный блок в Юго-Восточной Азии и добивались согласия Англии и Франции на участие в этом блоке. Женевское совещание и его итоги явились серьёзным поражением не только французской внешней политики, но и, в первую очередь, агрессивной политики США. Именно в этой связи американцы заняли в итоге особую позицию в Женеве и заявили, что они лишь принимают к сведению женевские соглашения, а президент США Эйзенхауэр вслед за окончанием женевского совещания объявил, что США не были участниками этих решений «и не связаны ими». Можно сказать, что эта позиция американцев и стала отправной точкой дальнейшей агрессивной политики США в Индокитае, а позднее и печально известной войны США во Вьетнаме.

Наша работа на конференции в Женеве проходила и закончилась достаточно успешно. Молотов, а соответственно и руководство нашего ведомства, высоко оценили работу разведки. Для меня же лично те несколько месяцев, которые я работал в группе Короткова, были большим везением. Это была хорошая школа работы в области политической информации, школа работы в напряжённой оперативной обстановке и, что очень важно, знакомство и работа бок о бок с опытными разведчиками и отличными людьми, которые составляли небольшой коллектив разведки в Женеве во главе с воистину матёрым и талантливym разведчиком — доброй памяти Александром Михайловичем Коротковым.

Глава третья

1955 год

Вторая командировка в Женеву

Весной 1955 года активизировались переговоры как по официальной, так и по неофициальной линии по вопросу организации первой встречи в верхах. В середине мая на переговорах министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции была достигнута договорённость о желательности осуществления саммита, а в начале июня согласовано место встречи в верхах и дата его проведения. Местом встречи была выбрана Женева, а начало встречи было назначено на 18 июля. В повестку дня предполагалось включить следующие вопросы: германский вопрос (западники собирались требовать воссоединения Германии, фактически поглощения ГДР Западной Германией), проблемы европейской безопасности, вопросы разоружения, контакты между Западом и Востоком.

Такая повестка дня и была утверждена в Женеве на второй день после открытия совещания. Делегацию США возглавил президент США генерал Эйзенхауэр, за его спиной постоянно была одиозная фигура Государственного секретаря Дж. Ф. Даллеса. Французская делегация прибыла во главе с премьер-министром Франции Эдгаром Фором, англичан возглавил Антони Иден. С нашей стороны возглавляли делегацию двое: формально — премьер-министр Булганин, а фактически — генеральный секретарь ЦК КПСС Хрущев. Для возможной встречи на личном уровне с Эйзенхауэром на несколько дней в Женеву приезжал маршал Жуков, они были знакомы с Эйзенхауэром со времён, когда оба были главнокомандующими своих армий при завершении разгрома немцев в Германии, и в целом, всю Вторую мировую войну. «Братья по оружию», как тогда писала пресса.

Этой встрече Москва придавала очень большое значение. По всем линиям к ней тщательно готовились, группу разведки в Женеве вновь было поручено возглавить генералу А. Короткову, а он, в свою очередь, включил в эту группу в основном тех же товарищей, которые работали на Женевской конференции 1954 года. Таким образом, в группу был включён и я.

Большое значение также придавалось вопросам охраны глав нашей делегации, и в Женеву выехала целая группа из управления охраны во главе с начальником управления генералом Захаровым.

Министр Государственной безопасности, в то время Иван Серов, решил лично, за несколько дней до приезда делегации, слетать на рекогносцировку в Женеву. С ним на его личном самолёте должен был лететь и Коротков. Обстоятельства сложились так, что наш агент, с которым мне было поручено работать на этот раз в Женеве, приезжал туда также на несколько дней раньше. По решению Короткова, согласованному с Серовым, я тоже летел в Женеву на этом самолёте.

Лететь должны были на Ил-14 с центрального аэродрома, который расположен около метро «Аэропорт», прямо из Москвы. По разрешению Короткова меня, так же как и его самого, провожала жена, и мне запомнился момент нашего отлёта.

Серов приехал за несколько минут до назначенного времени со свитой. Его провожали несколько генералов разведки и генералов авиации. Серов подошёл к ним, и через несколько минут лётчик доложил, о готовности к отлёту. Коротков и я стояли с жёнами несколько в стороне. Вдруг Серов повернулся в нашу сторону и спросил: «А это что за бабы?». Коротков ответил, что это его жена и жена летящего с ним сотрудника, показывая на меня. Серов громко сказал: «Тогда целуйтесь и полезли». Правда, в дальнейшем общении в самолёте (в самолёте больше никого не было, кроме лётчиков и адъютанта Серова) он держался очень просто и дружески, расспрашивая меня о Женеве и Швейцарии, и в целом оставил приятное впечатление.

Но дальше всё складывалось не так просто. У Серова была запланирована остановка в Берлине, где его встречала большая группа товарищей. Это было руководство нашего представительства в ГДР, посол и руководство немецкого министерства государственной безопасности. Было принято решение переночевать в Берлине и лететь в Женеву только на следующий день. Ближе к вечеру Коротков подошёл ко мне и сказал, что прибывать мне завтра вместе с Серовым в Женеву — значит «засветиться», а это, несомненно, отразится на моей только ещё начинающейся карьере. Как выяснилось, самолёт Серова был заявлен в Женевский аэропорт как официальный, с указанием имени министра. Его как известную личность могли встречать и журналисты. Выход был найден: из Москвы с посадкой и дозаправкой в Берлине в этот же вечер летел ИЛ-14 правительственной эскадрильи с грузами для делегации. Коротков тут же договорился, что меня и ещё одного нашего товарища из берлинского аппарата, который также был включен дополнительно в нашу группу, отправят в Женеву на этом самолёте.

И вот мы в грузовом Ил-14 где-то часов в 12 ночи прилетаем в Женеву.

Самолет сажают на какой-то дальней посадочной полосе, видимо, для грузовых самолетов, и пилот нам указывает на огоньки, что виднеются вдалеке, на другой стороне лётного поля — это и есть пассажирский аэропорт, и нам следует туда топтать пешком, «другого варианта нет». И мы отправились в направлении этих огоньков, с чемоданами в руках, в темноте. Времена действительно были другие, так как, придя в аэропорт, мы не застали не только лиц из паспортного контроля, пограничников или таможни, но и вообще никакой охраны, и, пройдя через аэровокзал, просто вышли на привокзальную площадь, отыскали такси и приехали в уже известный мне по первой командировке отель «Метрополь», где разместился рабочий состав делегации. Руководство делегации должно было прилететь только через пару дней. Так я прибыл во вторую свою командировку в Женеву.

На этот раз пребывание в Женеве было не столь длительным, всего около месяца. Помимо выполнения основных задач разведки значительное внимание мы уделяли помощи группе охраны главы делегации. В советскую делегацию на саммите входила группа сотрудников Девятого главного управления КГБ, так тогда называлось управление кремлёвской охраны. Группа обеспечивала охрану Булганина и Хрущёва — глав нашей делегации. Группу охраны возглавлял начальник Девятого управления генерал-лейтенант Захаров. Захаров поддерживал постоянный контакт с Коротковым и знал всю нашу команду разведки. Мы часто исполняли обязанности охраны вместе с нашими товарищами из «Девятки». Я, в частности, несколько раз выполнял задания Захарова по наблюдению внутри Дворца наций ООН в Женеве, где проходили главные встречи глав делегаций на саммите. Это объяснялось тем, что у меня был пропуск во все помещения Дворца, и я прилично владел французским языком. Организация охраны и наблюдения во Дворце для сотрудников «Девятки» была, несомненно, делом сложным, так как служащие ООН продолжали работать на своих местах, к ним прибавились ещё журналисты и персонал из делегаций стран-участниц саммита. Словом, по Дворцу перемещалась большая масса людей.

Однажды Коротков попросил меня, опираясь на хорошее знание мною французского языка, организовать для Захарова консультацию у хорошего специалиста-пульмонолога. Захаров действительно постоянно покашливал, а иногда и просто надрывно кашлял и явно был нездоров. Я через директора нашего отеля организовал для него приём у видного женевского профессора, и через несколько дней мы с Захаровым отправились туда. Я при этом постоянно выступал переводчиком. После тщательных осмотров,

опираясь на результаты сданных анализов, рентгеновские снимки, профессор, помню, сказал, что диагноз очевиден — это «бронхит курильщика». Он дал свою рекомендацию наладить чёткий режим жизни: сон, белково-витаминное питание, ежедневные прогулки на воздухе и т. д. Также он добавил, что можно не ставить сложной задачи — бросить курить, если человек курит более 30 лет и изменения в бронхах уже не обратимы. Но всё же необходимо удержать организм на рабочем уровне, и это вполне выполнимо. Он заявил, что помимо режима и нескольких циклов приёма лекарственных препаратов (в Швейцарии решение вопросов с медикаментами уже тогда было на высоком уровне) следует жёстко ввести в свой режим условие — выкуривать не более пачки сигарет в два дня, т. е., не более 10 сигарет в день. Захаров остался очень доволен консультацией с профессором и выразил признательность мне и Короткову. Препараты мы вместе с Захаровым приобрели уже на другой день, и он их сразу начал принимать. Захаров сохранил доброе отношение ко мне и даже в конце конференции в деликатной форме предложил мне перейти на работу в Девятое управление. Я был благодарен за предложение, но твёрдо отказался.

Но всё же главным и постоянным моим заданием во время саммита были встречи с очень важным нашим источником, как мы выражаемся, «ценным» агентом. Было принято решение встречи в Женеве не проводить — слишком маленький город, переполненный агентами спецслужб. Поэтому на встречи я выезжал в города Лозанну, Морж и другие городки франкоговорящей Швейцарии, расположенные в основном на берегу Женевского озера.

Дискуссия на совещании сразу приняла острый характер. Американцы заявили, что в германском вопросе главным должно явиться объединение Германии на основе «свободных выборов», и что только на этой базе может решаться вопрос о европейской безопасности. Нам стало известно, именно от наших источников, что в лагере западных держав возникли определённые разногласия: и англичане, и французы заявили, что не смогут безоговорочно присоединиться к позиции американцев, так как было очевидно, что такая постановка вопроса абсолютно неприемлема для Советского Союза. Вскоре эта отличающаяся от американской позиция была высказана премьер-министром Франции Фором. Для западников возникла необходимость закулисных сепаратных переговоров, на которых помимо проблем совещания обсуждалась также позиция, высказанная вне рамок совещания канцлером ФРГ Аденауэром. Советская делегация в это же время выдвинула известный проект «Договора о коллективной

безопасности в Европе».

Западники со своей стороны усилили сепаратные переговоры, добиваясь того, чтобы единым фронтом выступить на совещании. Исключительно активную роль в работе совещания и в работе нашей делегации играл Хрущёв. В этой обстановке наша информация, особенно о меняющихся планах и тактике западных держав, нюансах в позициях отдельных делегаций, имела первостепенное значение. Могу только сказать, что разведка справилась с этой задачей. И в конечном итоге на совещании создавалась более благоприятная обстановка, и были одобрены министрами иностранных дел стран-участниц совместные директивы и финальное коммюнике.

В этих документах практически полностью была учтена позиция Советского Союза. Москвой и мировой общественностью итоги Женевского совещания рассматривались, как серьёзный успех советской делегации с далеко идущими последствиями. В мировой печати появился даже особый термин «дух Женевы», означающий возможность нахождения общих согласованных позиций по таким важнейшим вопросам, как вопросы европейской безопасности, разоружения и т. д.

Женевское совещание 1955 года также подтвердило исключительное значение личных встреч руководителей крупнейших мировых держав для решения важнейших международных вопросов.

Глава четвёртая

Париж

Сотрудник международной организации ЮНЕСКО

Летом 1955 года в Москве началось, фактически без моего участия, моё оформление в длительную командировку во Францию, в ЮНЕСКО — в необычное в то время для нас место по прикрытию. СССР всего лишь год с небольшим, как вступил в эту организацию, и в ней ещё не было ни одного советского международного служащего. Не было также и представительства, которое было создано позднее. Советской стороне был представлен небольшой список вакансий в ЮНЕСКО. Наш денежный взнос в организацию мы уже проплатили, а с направлением наших людей, как обычно, продолжали раскачиваться. Руководство европейского отдела ПГУ решило, что нужно попытаться использовать это направление работы под новым прикрытием. Выбор пал на меня.

Припоминаю, что Александр Михайлович Коротков, узнав о моем оформлении (он не имел прямого отношения к европейскому отделу), выразил своё скептическое отношение к этому прикрытию. В это время он был назначен руководителем нашего представительства в Берлине. Когда мы вернулись из Женевы в Москву, вопрос о моей кандидатуре был уже согласован в Министерстве иностранных дел. Мне показалось, что это может быть интересная работа, тем более речь шла о Париже, а вся моя подготовка в институте и разведывательной школе была связана в первую очередь с Францией.

Помню, что Коротков даже предложил мне поехать с ним на работу в Берлин, но незнание немецкого языка (этот язык я учил только в средней школе и полностью забыл), а также тот факт, что я приеду в Берлин в качестве «протеже» Короткова, повлияли на моё решение отказаться от этого, скажем, лестного предложения. И я в срочном порядке продолжил своё оформление в ЮНЕСКО.

Как раз в это время в Москву по делам ООН приезжал руководитель управления кадров ООН из Нью-Йорка, которому ЮНЕСКО поручило провести беседы с возможными кандидатами, предлагаемыми нашей стороной для работы в ЮНЕСКО в Париже. Когда я ещё находился в

Женева, мои московские руководители решили выбрать для меня должность в департаменте кадров в ЮНЕСКО, что в общем-то, с позиции разведки, вполне логично. Доступ к личным делам чиновников, изучение широкого круга возможных кандидатов на различные должности в организации, короче, поиск возможных объектов нашего интереса. Но в ЮНЕСКО в кадрах тоже были опытные люди. После изучения моей биографии наш вариант был отклонён в весьма деликатной форме, и для меня предложили должность среднего уровня в департаменте социальных наук, так как основное моё образование по диплому было экономист-международник.

Не вникая в суть дела, начальство приняло решение дать согласие на «социальные науки». Встреча с шефом кадров ООН в Москве состоялась в представительстве ООН. Это был англичанин лет 55, несомненно, опытный «людовед». Кстати, англичане очень любили направлять своих людей в отделы кадров международных организаций. Как правило, это были отставники из английской разведки, заслужившие поощрение в годы войны и в первые годы «холодной войны», так как зарплата в международных организациях была намного выше, чем в правительственных учреждениях Великобритании.

Помню, как мой собеседник в самой деликатной форме представился на английском языке, упомянув при этом, что он сам по национальности англичанин. Далее он спросил, на каком языке (в моей анкете были указаны французский и английский языки) я бы хотел беседовать, и хотя задним числом я понял, что это было глупостью с моей стороны, я заявил, что готов беседовать на английском, равно как и на французском. Это было, конечно, наивное решение, так как французский язык я учил в серьёзном языковом вузе, совершенствовал год в разведывательной школе с опытными педагогами и уже дважды работал с языком за рубежом, притом первый раз достаточно длительное время. Английский язык был моим вторым языком, и я учил его в разведывательной школе ускоренным темпом — 4 семестра за год, и заканчивал изучение, уже работая в ПГУ. Экзамены за полный курс сдал на отлично, буквально за 2–3 недели до встречи с ооновским кадровиком. Беседа прошла, как мне показалось, успешно: я ответил на различные очень простые вопросы, рассказал немного о себе, и на этом мы расстались.

Уже значительно позднее, работая в ЮНЕСКО, я имел возможность ознакомиться с заключением ооновского чиновника о встрече со мной. Помню, он указал, что в целом я «произвёл положительное впечатление интеллигентного молодого человека», а далее было коротко сказано,

дословно: «предпочёл беседовать на английском языке, английский язык — рудиментарен». Этот эпизод имел свои последствия.

Я, в сопровождении второго секретаря нашего посольства, который по совместительству занимался делами, связанными с ЮНЕСКО (доброй памяти Валентина Забарина), прибыл на представление в департамент социальных наук. Исполняющим обязанности директора департамента был француз Ги де Ляшарьер, о котором сообщу несколько слов позже. Беседа с Ляшарьером, конечно, велась на французском, мой провожатый из посольства прекрасно говорил на этом языке. И мой французский также, видимо, был вполне удовлетворительным.

Ляшарьер остался доволен нашим знакомством. Далее мой провожатый из посольства откланялся, и Ляшарьер сказал, что подошло время, назначенное нам для встречи с генеральным директором ЮНЕСКО. В то время это был американец Эванс, типичный техасец, получивший назначение в ЮНЕСКО как компенсацию за свои услуги на прошедших трудных очередных выборах американского президента.

И вот когда мы по длинному коридору направлялись в сторону кабинета генерального директора, Ляшарьер вдруг остановился и сказал: «Хотя это и международная организация, но мы находимся во Франции; я думаю, несмотря на то, что доктор Эванс американец, беседу мы будем вести на французском». Потом я уже понял скрытый смысл его предложения, связанный с моими слабостями в английском языке. В свою очередь, Эванс был явно не силен во французском. Ляшарьер довольно подробно представил меня, попутно уточняя по-французски у меня некоторые детали. Реплики Эванса были односложные и с таким американским произношением, как говорят, будто он «держал горячую картофелину во рту», что отдельные слова просто нельзя было разобрать. В этой связи встреча закончилась очень быстро, видимо, ко взаимному удовлетворению. Так началось моё пребывание во Франции.

Я столкнулся, особенно на первых порах, с большими трудностями. Во-первых, моего французского языка оказалось недостаточно для того, чтобы самостоятельно работать, особенно над написанием документов. Во-вторых, в области социальных наук, а в ЮНЕСКО это сводилось к модной в то время на западе социологии, мои познания были просто нулевые. Напомню, что тогда в Советском Союзе социологии просто не существовало, а те её маленькие ростки, которые появились в первые годы советской власти, были полностью искоренены. Выручало меня, с одной стороны, то, что департамент социальных наук главным образом занимался администрацией науки, организацией конференций, симпозиумов,

заклучением контрактов на различные исследования, а с другой стороны — очень внимательное и, я бы сказал, доброе отношение ко мне моих коллег по организации.

Со своей стороны, я сразу же занял позицию, не претендующую на знание предмета, заявляя, что я являюсь экономистом-международником и с социологией только начинаю знакомиться.

Ги де Ляшарьер, исполняющий обязанности директора департамента, относился ко мне не только со вниманием, но и просто по-дружески. Во время войны Ляшарьер работал на дипломатической должности в посольстве Франции в Москве и сохранил к России самые тёплые чувства. Его отношение ко мне сыграло исключительную роль в том, что я как-то закрепился в ЮНЕСКО. В департаменте были и другие люди, проявляющие ко мне полную доброжелательность.

Помню, как-то в мою комнату зашёл редактор журнала «Социология», который выпускался в департаменте, Фридман. Он был человеком большой эрудиции, знающим несколько языков, в том числе и русский, пассивно, но на достаточно хорошем уровне. То ли специально, то ли так получилось, Фридман сказал мне, что перечитывает «Войну и мир» Льва Толстого и спросил, не знаю ли я, как переводятся с русского и что означают некоторые слова, которых нет в словарях: «доезжий, ловчий, выжлятник». Я объяснил ему, что это охотничьи термины и рассказал, что они обозначают. Тогда я не придавал этому значения, но этот маленький эпизод сыграл в моём пребывании в ЮНЕСКО определенную роль. Через некоторое время мой секретарь рассказала мне, что Фридман, который пользовался в департаменте и вообще в ЮНЕСКО большим авторитетом, при достаточно широкой аудитории наших коллег заявил, что новый молодой русский сотрудник является настоящим интеллигентом, и он, Фридман, может это с достоверностью утверждать.

Особо хочу сказать о двух девушках-секретарях в моем отделе. Одна из них — канадка Адет, она была секретарём руководителя отдела англичанина Филипса, но значительную часть времени работала со мной, так как Филипс часто находился в командировках, а вторая — француженка Мари, собственно мой секретарь. Как я сейчас понимаю, они делали 90 % моей работы. Например, при поступлении какого-либо письма, запроса и тому подобного они подбирали соответствующие документы, относящиеся к запросу, составляли коротенькую справочку, о чём идёт речь, если вопрос был ранее известен, и прилагали проект (draft) ответа на моё одобрение. Иногда я что-то поправлял, но обычно ставил на проекте свои инициалы, и это означало, что письмо можно готовить начисто за соответствующими

подписями: моей, начальника отдела, начальника департамента и т. д.

Спустя примерно год был назначен новый директор нашего департамента, это был известный учёный из Англии профессор Маршалл, который согласился занять эту должность только по одной причине — зарплата в ЮНЕСКО была несравненно выше той, которую он получал за все свои труды в «London School of Economics». В ЮНЕСКО он прибыл уже в предпенсионном возрасте, имея в виду получить также высокую пенсию по линии международной организации. Быстро выяснилось, что Маршалл с большой симпатией относится к России. Это были ещё годы, когда, несмотря на разгар холодной войны, многие сохраняли уважение и даже дружеские чувства к России, разгромившей гитлеризм. Его отношение ко мне значительно укрепило моё положение и дало мне возможность держаться более свободно, т. е. иногда уходить раньше, выезжать в город днём. Хочу напомнить, что главной для меня была не работа в ЮНЕСКО, а разведывательная работа, за которую с меня спрашивали в нашей резидентуре в Париже.

Где-то в середине срока моего пребывания в Париже произошёл такой случай. Чиновник, занимающийся административными вопросами в нашем департаменте (бюджетные расходы, командировки, работа технического персонала и т. д.), некто Ашкенази попытался 2–3 раза сказать мне, что он не сумел меня застать на рабочем месте, фактически сделал мне замечание в связи с моими частыми отлучками. Я не могу исключить, что он сотрудничал с французской контрразведкой и специально приглядывал за мной. «Надо что-то делать, — подумал я, — иначе этот тип будет всё больше и больше ставить мне „палки в колёса“ и осложнит мою жизнь». План ответных действий был исключительно прост.

Как правило, сотрудники ЮНЕСКО опаздывали на работу на 10–15 минут. Отношение к этому было терпимое, но, как я рассказал выше, Ашкенази однажды заявил мне, что он ждал моего появления на рабочем месте чуть ли не в течение часа. И вот я, придя пораньше и удостоверившись, что Ашкенази ещё нет на месте, открыл дверь своего кабинета, разложил бумаги и стал ждать, когда же он пройдет в свой кабинет. Вопрос к нему был у меня также заготовлен. Мне повезло, Ашкенази опоздал минут на 30. Я тут же, с бумагами в руках, догнал его в коридоре и, зайдя вместе с ним в его кабинет, «взволнованно» сказал, что я чуть ли не час жду его, так как сам профессор Маршал, т. е. наш директор департамента, просил меня доложить о подготовке конференции, а все финансовые и организационные вопросы зависят от него, Ашкенази.

Ашкенази, державшийся за место в ЮНЕСКО двумя руками, был

искренне перепуган, всячески извинялся, но самое главное, после этого не только не пытался делать мне замечания, но раскланивался со мной ещё издали, выражая «своё почтение».

Вместе со мной работали две молодые женщины, мои ассистентки. Одна из них — индуска, дочь крупного чиновника правительства Индии, с хорошим университетским и домашним образованием, и в то же время — сама скромность и олицетворение добросовестности в работе. Любопытно, что она была полной вегетарианкой и одевалась только, по индийскому обычаю, в сари. Я вернусь к ней позднее в связи с моей командировкой в Индию.

Вторая ассистентка была француженка, очень симпатичная женщина лет двадцати семи, незамужняя. Она работала по временному контракту в связи с каким-то специальным проектом ЮНЕСКО. Контракт ее заканчивался, и она, имея отличное образование не только французского университета, но и английского колледжа, искала себе подходящую работу в международных организациях. Однажды, обедая вместе с другими сотрудниками департамента в столовой ЮНЕСКО, я услышал, как она рассказывала, что получила положительное решение о приёме её на работу в одно из самых секретных подразделений штаба НАТО (в то время штаб был в Париже). Доложив об этом нашему резиденту, я получил подтверждение, что это место для разведки имеет несомненный интерес (я и сам был в этом уверен). Тут же было получено задание — попробовать провести вербовочную разработку моей коллеги.

Не теряя времени, в один из ближайших дней я дождался, когда Надин собралась уходить домой, и как бы случайно предложил подвезти её до дома, зная, что машины у неё нет. Всё прошло отлично, разговор принял уже личный характер и закончился выражением обоюдной симпатии. События развивались стремительно: за короткий промежуток времени мы 2–3 раза поужинали, и я сделал ей небольшой, но симпатичный подарок ко дню рождения. Выяснилось, что Надин, как и многие женщины, совершенно не интересуется политикой, и разговора на темы «о преимуществах социализма и язвах, недостатках в странах капитала» явно не получились. За это время контракт Надин в ЮНЕЭСКО закончился, и она действительно перешла на работу в интересующее нас место. Возник вопрос, как говорят в разведке, «о вербовочной базе».

Материальная основа не вырисовывалась, так как она была из обеспеченной семьи и поступила на работу с весьма приличной для Франции зарплатой. Идеологическая основа, видимо, требовала больших усилий и длительного времени, и её успех также вызывал сомнение.

Оставалось практически лишь только развитие личных отношений, как основы возможной вербовки. Надин довольно подробно рассказывала, где она работает и чем занимается, но для реальной информационной отдачи речь могла идти только о детальном изложении или копировании ею наиболее важных документов, с которыми она сталкивалась на новой службе.

Однажды наша встреча проходила в уютном ресторанчике, летний вечер способствовал доверительной обстановке. После встречи я повёз Надин к ней домой в пригород Парижа. По дороге она рассказала мне, что её отец в настоящее время уже ушёл с государственной службы, занимается бизнесом и сейчас находится на юге Франции по своим делам. Надин жила в отдельном домике с пожилой управительницей, скажем, домработницей, которая жила в их семье многие годы. Матери у Надин не было — она умерла несколько лет назад. Рассказав всё это, Надин сообщила, что по субботам домработница уезжает к своим родным, и пригласила к себе домой «на чашку кофе». Было где-то после одиннадцати вечера, мы встречались с Надин уже несколько месяцев, и сама форма приглашения не оставляла сомнений, что она приглашала меня к себе со значительно большим чувством, чем дружеская симпатия.

Я довольно неуклюже отказался от приглашения, через несколько дней ситуация повторилась. Мы долго во всех деталях обсуждали создавшееся положение с моим резидентом. Рогов Михаил Степанович (под этой фамилией он работал за границей) был хорошо известным руководителем в разведке, с большим жизненным опытом и опытом закулисной жизни нашей службы. Обсуждение показало, что дальнейшее развитие отношений с Надин может идти только по интимной линии. Помню, что мне самому и Михаилу Степановичу очень хотелось добиться успеха в этом деле, но помню также, что он осторожно, но достаточно ясно дал мне понять, что такое развитие этого дела имеет много сомнительных и даже отрицательных сторон. Даже в случае успеха вербовки, где-то в сознании начальства, как он выразился, останется «мутный след в моей биографии». Мало того, он спросил, люблю ли я свою жену, и, получив от меня утвердительный ответ, начал искать другие пути развития ситуации. Был принят план, в соответствии с которым и с учётом сложившихся более чем добрых отношений, я должен был открыто сказать Надин, что от её согласия помогать нам, зависит моя дальнейшая карьера в Москве, и объяснить ей, в чём может заключаться её помощь. И со стремлением как-то изменить ситуацию, было решено, чтобы я уговорил Надин продолжать деловые отношения с моим старшим товарищем по службе, специалистом в

той области интересов, с которой была связана работа Надин.

Всё развивалось по плану. Надин согласилась с моими «хитроумными доводами», знакомство с новым нашим человеком состоялось. Я, естественно, был признателен Надин за её понимание ситуации и, как было обговорено нами с резидентом заранее, сделал ей хороший подарок. Мы с ней, как говорят в таких случаях, расстались добрыми друзьями, а мой коллега должен был попытаться развить с ней агентурные отношения на материальной основе. Встречи моего товарища, как мне было известно, проходили хотя и редко, но на конспиративных началах, и сложилось даже впечатление, что дело продвигается вперёд. Но когда Надин узнала, что я уехал в Москву, а это нетрудно было узнать, так как я увольнялся из ЮНЕСКО, она в самой деликатной форме сказала нашему работнику, что внимательно изучила правила поведения сотрудников своего учреждения и будет вынуждена сообщить о своих встречах с официальным представителем Советского Союза своему руководству.

Наш товарищ работал в советском посольстве. После такого поворота событий было признано целесообразным прекратить дальнейшую разработку Надин и, учитывая её желание, не настаивать далее на встречах. Мои же личные симпатии к ней полностью сохранились.

За время моей работы в Париже в ЮНЕСКО было несколько интересных случаев, которые мне особенно запомнились. Я не хочу здесь рассказывать о работе с двумя нашими агентами, которые были переданы мне на связь, и работа с которыми проходила без существенных накладок и давала свои положительные результаты. Случаи, о которых я хочу рассказать, как мне кажется, довольно типичны и поэтому представляют интерес.

Пришло указание центра провести встречу с нашим важным нелегалом, с тем, чтобы он мог в Париже перейти на другие документы, получив их от нас, и выехать сначала в Прагу, а затем, уже по новым документам, в Москву для встреч с руководством службы. Проведение встречи с нелегалом, в связи с тем, что он хотя и понимал русский язык, но говорил только по-английски, было поручено мне, под руководством ответственного сотрудника нашей резидентуры по нелегальной линии. Казалось бы, задача была достаточно простой, но события приобрели напряжённый характер.

Место встречи было выбрано центром не очень удачно — у триумфальной арки «Карусель», всего в сотне метров от Лувра. Конечно, как рассуждали в центре, появление иностранца у арки было вполне естественным, так как там бывает много иностранных туристов, а наш

нелегал прибыл во Францию как турист, и выезд его в Москву по временным документам не нарушал выработанной легенды, которая гласила, что он находился всё это время в туристической поездке по Франции.

Но положение несколько осложнилось тем, что я должен был являться на место встречи два раза в неделю и ждать, и ждать. Майкл, назовем его так, не появлялся. И я начинал себя чувствовать не очень уютно, так как на месте встречи полагалось ждать в течение 10 минут.

На встречу меня вывозил опытный представитель управления N, он обычно находил себе место где-нибудь на скамейке, вдалеке от арки, с тем, чтобы видеть только меня. Так прошло две недели. На третьей неделе случился курьёз. Я уже собирался уходить, когда у арки появился человек с трубкой во рту. Хотя субъект и вызвал у меня сомнения, так как он выглядел уже пожилым человеком, а Майкл должен был быть довольно молодым, но опознавательный признак был налицо — трубка, и я обратился к нему с паролем. Пароль звучал приблизительно так: «Простите, сейчас не без 10 минут 6 на ваших часах?». Хотя в это время в Париже было где-то около двух часов дня. Отзыв, как я помню, должен был содержать цифру 12 и выглядеть примерно так: «Нет, на моих часах 12 минут седьмого». Человек, к которому я обратился с достаточно дурацкой фразой на английском языке, по-английски же ответил, что либо он спятил, либо в этом городе все сумасшедшие, и быстрым шагом пошёл прочь.

Наконец, на четвёртую или даже пятую неделю появился человек, в котором я безошибочно признал Майкла. Он приближался к арке быстрым шагом и, главное, не курил трубку, а держал её в руке за мундштук, помахивая ею из стороны в сторону. Мы обменялись паролем, и я попросил Майкла следовать за мной в менее людное место, на другую сторону Сены.

Уже по первым фразам чувствовалось, что Майкл очень взвинчен. Это, в частности, проявилось в том, что когда мы перешли через мост и прошли несколько шагов по набережной, он вдруг нервно спросил меня: «Кто следует за нами?». Дело в том, что наш работник Николай, который вёл за нами контрнаблюдение, неосторожно перешёл с одной стороны моста на другую не на месте перехода, а срезав угол. Это сразу заметил боковым рением Майкл, настолько его нервы были напряжены. Я объяснил, что этот человек ведёт контрнаблюдение, прикрывая нас от возможных случайностей. Майкл, нервничая, попытался мне сделать замечание, что он имеет указание встретиться только с одним человеком, который предъявит ему пароль, и что никто больше не должен знать о нём.

Я спокойно, но твёрдо пояснил Майклу, что здесь, в Париже, мы —

хозяева и мы обеспечиваем его и нашу безопасность, и попросил его перейти к делу, т. е., доложить последние данные о себе, а также всю информацию, которую я должен буду сообщить о нём в центр. Мой спокойный и уверенный тон благотворно подействовал на Майкла, и далее встреча вошла в нормальное русло.

Мы обусловили короткую встречу на следующий день, на которой я должен был взять его «железные документы», вручить ему временные документы для проезда в Прагу и сообщить дополнительные указания центра, если они будут. Вторая встреча с Майклом прошла нормально, как мне показалось, и был произведён обмен документами, и уже в этот же вечер Майкл должен был выехать поездом с Восточного вокзала по намеченному маршруту. Договорились с ним о контрольной встрече на непредвиденный случай на следующий день утром. На эту встречу он должен был вызвать меня условным телефонным звонком на мой домашний номер до восьми утра. Всё шло гладко. Звонка не было. Я прибыл на Восточный вокзал, чтобы убедиться, что Майкл действительно уехал. Мне удалось довольно быстро заметить его, садящегося в свой вагон в поезд на Прагу, и я спокойно «растворился» среди других провожающих.

Но этим дело не закончилось, поэтому мне и запомнилась вся эта история. В 7 часов утра на моей квартире прозвучал условный звонок. По разработанной схеме я отправился к нашему заместителю резидента, который и должен был меня вывозить на эту контрольную встречу. Мы жили в городе близко друг от друга. Проверившись по ещё пустынным улицам, мой старший товарищ сказал мне: «Давай проедем мимо самого места встречи, чтобы я лучше представлял, о каком месте идёт речь». Встреча была намечена в небольшом скверике, в стороне от мест, посещаемых туристами. Мы проезжали мимо намеченного места встречи где-то в половине девятого. Встреча же была назначена на 10 часов утра. Я сразу издали увидел, что Майкл сидит на скамеечке, и сказал об этом своему старшему партнёру. Тот переспросил, уверен ли я, что контрольная встреча намечена на 10 часов, и хотя я предлагал прямо выходить на контакт с Майклом, мой шеф сказал, что будем в этом случае точно действовать по намеченному плану. Мы уехали в другой район и ещё раз проверились.

И ровно в десять я вышел на встречу. Первые слова, которые сказал Майкл, со мной ли его настоящий паспорт. Как и было условлено, я принёс его паспорт и, видя его возбуждённое состояние, тут же, по его требованию, вручил паспорт ему. Он же возвратил мне свои временные документы и сообщил, что в поезде встретил своего знакомого, который

знает его настоящую фамилию. Испугавшись, что на одной из границ может вскрыться, что он «не тот человек», Майкл якобы с помощью инъекции, инсценировал сердечный приступ и сошёл с поезда на первой же станции километрах в 150 от Парижа. Объяснение звучало не очень убедительно. Вспомнили, как на первой встрече агент нервно расспрашивал меня о том, что происходит в Москве. В частности, проводятся ли аресты лиц, связанных с группой Молотова — Маленкова и «примкнувшего к ним» Шепилова...

Напомню, что Молотов, Маленков и Шепилов в 1957 году выступили с критикой некоторых действий Хрущёва. Молотов и Маленков были ведущими членами Политбюро при Сталине. Шепилов, поддерживающий критические замечания Молотова и Маленкова, был ранее редактором газеты «Правда», а в 1956–1957 годах стал министром иностранных дел и кандидатом в члены Президиума ЦК. «Оппозиция» была, как писали тогда, «разгромлена» на пленуме ЦК партии, а Шепилов получил кличку «примкнувшего к ним». Все фигуранты «оппозиции» были уволены со своих постов: Молотов направлен послом в Монголию, Маленков послан в Среднюю Азию на небольшую хозяйственную работу, а Шепилов исчез без «назначения».

И хотя я правдиво объяснял ему, что всё абсолютно спокойно, было ясно, что этот вопрос его очень волнует, так как он покинул Родину ещё в послевоенные годы, когда сталинские репрессии вновь набирали силу. Он жил в Америке, пользуясь лишь американской информацией, видимо, его нервное состояние в связи с вызовом в центр можно было понять. Тем более, как я узнал уже позднее, он капитально обосновался в Штатах, был женат и даже имел детей. Обусловили новую встречу. Он просил уточнить у центра, следует ли ему обязательно ехать в Союз и нельзя ли ограничиться его отчётом в Париже. Молния, которая пришла из Москвы, звучала примерно так: «Сообщите Майклу дословно: я, Коротков Александр, приказываю ему получить, как условлено, новые документы и, как условлено, тем же маршрутом прибыть в Прагу. Никаких обсуждений по этому вопросу больше не требуется, выехать в Прагу сегодня же». Я встретился с Майклом и с небольшим металлом в голосе попросил его выслушать дословные указания центра. Я так и говорил: «Я, Коротков Александр...». Майкл молча взял у меня паспорт, вернул мне свои документы, попрощался и без всякого обсуждения ушёл. В этот же вечер я вновь видел, уже во второй раз, как он уехал с Восточного вокзала в направлении Праги. Через несколько дней центр сообщил, что Майкл благополучно прибыл в Москву.

Однажды я, как мне показалось, очень удачно познакомился с известным журналистом из газеты «Монд». Контакт развивался вполне успешно: приглашение на ланч со стороны журналиста, ответное приглашение с моей стороны. Мой новый знакомый охотно делился политической информацией. Учитывая то, что тогда я работал в резидентуре на политической линии, моя информация, очевидно, не носившая слишком секретного характера, но получаемая мною от очень квалифицированного человека, положительно оценивалась резидентом. Развитие моих отношений с журналистом получило одобрение. Была поставлена задача постепенно придать контакту с журналистом конфиденциальный характер, «просить его» готовить для меня информацию по определенным интересующим нас вопросам, и прежде всего о проблемах внутривнутриполитической жизни Франции в письменном виде и т. п.

Отмечу, что политическая обстановка во Франции действительно в этот период была очень сложной. Одно правительство сменяло другое с интервалом в 3–4 месяца. И вопросы, связанные с закулисной борьбой различных партий и политических лидеров, были нам действительно интересны. Развитие контакта с журналистом шло успешно и не внушало никаких опасений. Журналист начал готовить информацию по моим просьбам, можно сказать, «заданиям». Наступил момент, когда было решено, что я ему должен предложить более сложную работу с возможной выплатой за её выполнение определенного гонорара — так сказать, вознаграждения, но здесь произошёл небольшой инцидент, который нарушил наши планы.

Во время моего отсутствия в кабинете офиса мой телефон автоматически переключался на комнату, где работали секретари. Адет, французская канадка, была замужем за крупным журналистом левого толка и была хорошо знакома с широким кругом журналистов в Париже. И однажды, в моё отсутствие, журналист из «Монд», которого я уже зачислил в число «моих разработок», как выражаются в таких случаях в разведке, позвонил мне. Звонок приняла Адет. Вечером Адет заносила какие-то бумаги ко мне в кабинет и «между прочим» заметила, что мне звонили, и назвала имя моего журналиста из «Монд», а уже выходя, добавила: «Имейте в виду, это — un pedaie». Я сделал вид, что не придавал её информации никакого значения, но, обеспокоенный, вскоре отправился в библиотеку, чтобы посмотреть в специальном словаре «Арго» (словарь жаргонных слов), что означает это выражение. Я не знал других значений, кроме прямого значения — педаль. Выяснилось, что это сочетание

обозначает ещё и — пассивный гомосексуалист. Видимо, отсутствие серьезного опыта не позволило мне самому заподозрить неладное, а разработка шла так успешно, что это заслонило мне глаза.

При обсуждении с резидентом было решено, что мы не будем предпринимать поспешных шагов, а проверим информацию. Как говорится: шила в мешке не утаишь. И информация вскоре получила подтверждение из других источников резидентуры. Было решено, что поскольку этот контакт может меня как-то компрометировать в кругу моих коллег в ЮНЕСКО, я должен постепенно, но в то же время твёрдо отойти, а затем и порвать отношения с журналистом. «А жаль!» — помню, что именно такое ощущение было у меня в тот момент. Он был действительно очень осведомленным и недюжинного ума человеком, но уж очень охотно шёл на развитие отношений.

Вопросы французской внутренней политики особенно занимали нас в тот период. Положение в Алжире продолжало осложняться, военных успехов французы так по-настоящему и не смогли добиться в этой партизанской войне. Нарастал протест левых сил, набирала очки французская компартия, а правительство, правые силы и так называемые центристы демонстрировали полный разброд.

15 апреля 1958 года получило недоверие очередное правительство Франции во главе с кабинетом Гайяра. И уже в мае в Алжире был создан «Комитет общественного спасения», который состоял из группы военных, представителей крайне правых и проявлявших особую активность сторонников де Голля.

При поддержке армии комитет отказался подчиняться Парижу и потребовал призвать к власти генерала де Голля. Политический кризис нарастал с каждым днём. 1 июня 1959 года национальное собрание уполномочило де Голля формировать новое правительство и поручило разработать новую конституцию. Это был крах Четвёртой республики. Важное место в ряду причин этого краха занимала и внешняя политика Франции. Поражение в Индокитае и тупиковая ситуация в Алжире обострили националистические настроения во Франции — всё это привело к прямому разгулу шовинизма и открытым антипарламентским настроениям. Широкое недовольство вызывало и подчинённое положение Франции в НАТО, усиление зависимости от США. Приход де Голля фактически продемонстрировал установление режима личной власти и имел самые глубокие внутривнутриполитические и внешнеполитические последствия.

Я говорю об этом, чтобы подчеркнуть, что наш интерес к проблемам

внутренней политики Франции и такой проблеме, как позиция Франции в НАТО, был исключительно высок. Я упорно работал над тем, чтобы быть специалистом достаточно высокой квалификации в этих вопросах, так как только в этом случае моя работа в разведке могла давать положительные результаты. Мне очень помогала работа с нашими агентурными источниками, которые находились у меня на связи, а также контакты с французами из различных политических кругов Парижа.

В этой связи хочу вспомнить два небольших эпизода. ЮНЕСКО располагалось в старинной шикарной гостинице в самом центре Парижа на авеню Клебер — в отеле «Majestic». Здание старое, но с прекрасной архитектурой: и фасад, и основные вестибюли, и залы — все очень красивы, а зал, где проходили заседания Совета ЮНЕСКО и собрания представителей всех стран — членов организации, просто великолепен. Любопытно, что во время войны в отеле размещался главный штаб гестапо на оккупированных немцами территориях.

Окна моего кабинета выходили на угол маленькой улочки Лаперуз, и прямо против моих окон находился вход в небольшую гостиницу с таким же названием — «Лаперуз». Не вникая сейчас в детали деголлевского переворота, хочу только сказать, что штаб де Голля до прихода его к власти размещался в этой маленькой гостинице. С двух сторон на углах стояли чёрные «ситроены» («лягушки»), в которых круглые сутки сидели люди. За два дня до обращения со стороны парламента Франции к де Голлю с призывом взять власть в свои руки в отеле появился сам де Голль, а перед дверями, прямо на улице, стояли 3–4 дюжих парня в штатском, откровенно проверявших и обыскивавших каждого входящего в гостиницу. Визитёров оказалось много. На поклон к генералу поехали самые различные политические деятели, бывшие и действующие министры, лидеры практически всех партий, пожалуй, кроме коммунистов. Это была очень интересная картина. Многих по фотографиям в газетах или по дипломатическим приёмам я мог узнавать и мог наблюдать как бы за своего рода пульсом политической жизни Парижа.

Уточнять детали происходящего помогал мне мой необыкновенный контакт с советником американского посольства. Познакомил меня с американцем наш резидент, также советник, и контакт получил своё развитие. При этом мне было сказано, что контакт с американцем может быть очень полезен, так как он сам хочет иметь постоянный выход на «советские круги», чтобы иметь канал для передачи нам определенной информации. Американский советник, как нам было известно, был связан с крупными промышленными кругами Штатов, а также, чего он, собственно,

и не скрывал, был связан с ЦРУ.

В то время в тактике американских отношений с нами прямой контакт с кем-либо из советских представителей часто использовался американцами на различных уровнях. В первую очередь, конечно, такие контакты были в самих Соединенных Штатах, но видимо, американцы считали полезным иметь один, а может быть и больше таких контактов в главных центрах Европы.

Американец часто встречался со мной. По своему характеру он был разбитной и весёлый человек, и хотя был немного старше и явно с большим опытом работы в сфере дипломатии, держался со мной на равных, не делая никаких усилий, чтобы как-то выведать у меня детали моей личной жизни или какую-либо посольскую информацию. Одним словом, не пытался изучать меня с разведывательных позиций. В то же время американец охотно рассказывал мне о перипетиях политической жизни во Франции, а он был весьма информирован в этих вопросах и жил в Париже уже более семи лет.

Если по вопросам, связанным с США и, в частности, с работой своего посольства, он был довольно сдержан, то сведения о французской политической кухне не являлись для него каким-либо секретом, и он даже специально подчёркивал, что готов сообщать мне все известные ему нюансы этой кухни. Именно он достаточно детально комментировал мне приход де Голля к власти, расстановку политических сил, позицию армейских кругов и тому подобное. Хорошо помню, как в начале нашего знакомства американец сообщил мне сенсационные сведения, что англичане и французы приняли решение провести вооруженную интервенцию против Египта.

Англия и Франция вместе с Израилем планировали интервенцию против Египта в связи с национализацией летом 1956 года президентом Египта Насером «Всеобщей компании Суэцкого канала». Основные капиталы и доходы от эксплуатации канала принадлежали англичанам и французам, и они решили «поставить Египет на место».

Сообщая эту весьма важную информацию, американец подчеркнул, что сведения являются достоверными и носят исключительно серьёзный характер. Он также отметил, что не готов в деталях говорить о позиции США по этому вопросу, но в то же время знает, что правительство США не разделяет планы этой интервенции и ни в коем случае не окажет интервентам поддержки. При этом мой американский знакомый назвал дату начала войны. Естественно, эти сведения немедленно были доложены в Москву. И агрессия против Египта началась точно в тот день, который

указал американец.

30 октября 1956 года начала военные действия израильская армия, а 31 октября бомбёжки начали проводить англичане и французы. 5 ноября англо-французские войска высадилась в районе Порт-Саида. Сразу же, уже 5 ноября Советское правительство сделало резкое заявление, подчеркнув, что готово прямым применением силы сокрушить агрессоров и восстановить мир на Ближнем Востоке. Уже 6 ноября английское правительство заявило о том, что англичане прекращают огонь в Египте, на другой день к этому заявлению присоединилась Франция, 8 ноября за ними последовал Израиль.

Таким образом, решительная позиция СССР сыграла исключительно важную роль в разрешении этого крупного международного кризиса и укрепила авторитет Советского Союза в Египте и на Ближнем Востоке в целом.

В связи с американским советником мне запомнился маленький эпизод, который произошёл не в Париже, а в Женеве. Я прибыл в Женеву в командировку в качестве представителя ЮНЕСКО на первую Всемирную конференцию по мирному использованию атомной энергии, которая открылась летом 1958 года. И вот на одном из больших приёмов, который давала, как я помню, наша делегация, ко мне через весь зал, к моему удивлению, направился мой американец, радостно приветствуя меня. И тут же с американской непосредственностью поинтересовался, что я могу делать на этой конференции. На моё пояснение, что я здесь в командировке и представляю ЮНЕСКО, он с радостью заявил мне, что ему «приказали» посмотреть со стороны, как выглядит в целом конференция, и особенно — что делает их американская делегация. Мы оба имели косвенное отношение к проблемам ядерной энергии.

Американец пригласил меня на ланч в один из известных мне женевских ресторанов. Он с удовольствием сообщил мне информацию о деятельности и планах делегации США на конференции, но по здравому анализу я решил, что информация не заслуживает того, чтобы её сообщать в Москву, а поделился ею только с руководством советской делегации.

Моё пребывание в Париже, по согласованию с центром, приближалось к своему завершению. Именно это явилось одной из причин того, что мне была поручена рискованная операция. В Париже к этому времени я чувствовал себя совершенно уверенно, но как в центре, так и мой начальник в Париже рассматривали предстоящую операцию, как рискованную и ту, которая может стать причиной не только провала, но и «хорошего дипломатического скандала». Речь шла об установлении связи и

работе со старшим офицером французского генштаба. К офицеру был сделан подход, а точнее, проведена вербовка «в лоб» нашей службой в одной из стран Восточной Европы.

Вербовка проводилась на компрометирующих материалах: офицер был уличён в гомосексуализме, а его связь с партнёром была тщательно задокументирована. Таким образом, было несколько усложняющих мою работу моментов: во-первых, вербовка на таком компромате — всегда операция обоюдоострая и связана с тем, что объект вербовки ненавидит вербовщиков всей душой; во-вторых, первоначальная операция проводилась в дружеской стране, а это, как показывала практика, нередко было связано с утечкой информации; в-третьих, офицер довольно быстро уехал из страны, и с ним практически не было проведено закрепляющей работы, и возникали сомнения, не доложил ли он о нашем вербовочном подходе к нему своему начальству. Правда, предварительное изучение и проведённая нами установка «по месту жительства», т. е., говоря нормальным языком, выяснение его положения в Париже, показали: он по-прежнему жил с семьёй и аккуратно ежедневно отправлялся на работу.

Мой первый телефонный звонок к нему на квартиру и приглашение встретиться в определённое время в обусловленном ещё во время вербовки месте положительного результата не дали. На место встречи он не явился. Позвонив вторично, я попал на его жену, самого же офицера не было дома. Как и было продумано заранее, я сказал жене, что нахожусь проездом в Париже и являюсь другом её мужа по стране их зарубежного пребывания. Просил передать её мужу, что буду ждать его вечером в такое-то время в кафе, «которое он хорошо знает», имелось в виду обусловленное место встречи. На другой день мы тщательно проверились на машине. На встречу меня вывозил мой товарищ по резидентуре Евгений. Контакт с офицером был обусловлен у выхода со станции метро, находившейся рядом с известным офицеру кафе.

Место было не очень удачным — это был район Монпарнаса, и в вечернее время прилегающие улочки кишели проститутками. Буквально через каждые несколько метров у входа в кафе и у крошечных отелей без названия стояли по две-три девушки. Находиться на одном месте было не очень приятно, а прогуливаться — ещё хуже, так как тут же к тебе обращались с достаточно выразительными призывными возгласами.

Евгений, сопровождавший меня товарищ, достаточно удачно устроился у окна кафе, находящегося на другой стороне площади, и мог хорошо наблюдать картину моего возможного контакта с объектом. Машину мы, конечно, оставили далеко в стороне. Я вышел к месту встречи

за 3 минуты до назначенного времени и за это короткое время привлёк к себе внимание 2–3 девиц, которые продефилировали рядом со мной.

Точно в назначенное время из метро появился мой офицер. Хотя я его никогда не видел в реальности, только фотографию изучил, его невозможно было не узнать: он был в форме. Дело в том, что во Франции вообще, а в Париже особенно, офицеры появляются в форме только на службе, в вечернее время в городе, а также в субботние и воскресные дни, в форме можно увидеть только полицейских.

Мы обменялись паролем и поприветствовали друг друга. Руки он мне не подал, и я своевременно воздержался, чтобы не протянуть ему свою. Как потом говорил наблюдавший эту сцену Евгений, он был уверен (а он знал суть дела), что сейчас произойдёт скандал и меня возьмут «под белые ручки» «за оскорбление чести мундира» — такая формулировка существует во французском Уголовном кодексе. Но этого не произошло, и мы отправились в сторону от значного места по заранее продуманному маршруту, который должен был позволить Евгению обнаружить, нет ли за нами слежки.

В связи с тем, что офицер был в форме, я принял решение в кафе не заходить, а провести первую встречу в движении, просто на улице. Первое, что сказал «Поль», а такова была кличка офицера, было: «Вы виделись с моей женой?». Это было сказано резким, агрессивным тоном. Хотя ответ мой был и не подготовлен, но я хорошо помню, что, выдержав паузу, я как можно более спокойным тоном сказал, что в этом пока не было необходимости, и я её лично не видел, а говорил с ней по телефону.

Как потом выяснилось, жена «Поля» позвонила к нему на работу, сообщив о моём с ней разговоре, и он ошибочно понял, что я был у него на квартире, и, не заходя домой, прямо со службы поехал на встречу.

Беседа завершилась в нормальных тонах, мы обсудили, куда он в настоящее время получил назначение, и обусловили следующую встречу через неделю. Короткий промежуток между встречами нужен был для того, чтобы попытаться закрепить наши отношения и начать агентурную работу.

В резидентуре было принято решение о том, чтобы линия моего поведения демонстрировала в первую очередь максимальное спокойствие, я не должен был ничем напоминать об «основе наших отношений», по возможности говорить с «Полем» даже на несколько отвлечённые темы, касаться политических проблем. Франция в это время по-прежнему жила напряжённой жизнью, и ещё шла война в Алжире. Задача, в частности, состояла в том, чтобы привести отношения в нормальное человеческое русло (о дружеских чувствах трудно было вести речь), начать получать от

«Поля» заслуживающую внимания информацию и постепенно перевести наше агентурное сотрудничество на материальную основу, давая офицеру первоначально подарки, а затем просто денежное вознаграждение.

Работа с «Подем» вошла в намеченное русло. Он стал спокойно обсуждать со мной возникающие вопросы и, как мне казалось, положительно оценивал линию моего поведения. Правда, следует отметить, что в мирное время информация офицера, даже из Генштаба, носит, как я убеждён, довольно ограниченный характер. И действительно, каких-либо сенсаций «Полю» не сообщал, и его сведения были скорее рутинного плана.

Прошло около полугода. Я должен был передавать «Полю» другому нашему товарищу. Наши встречи с офицером всё время обеспечивались контранаблюдением. Встреча по передаче «Поля» была организована следующим образом: я должен был вместе с ним пройти по небольшому маршруту и потом зайти в кафе, куда через десяток минут должен был зайти и наш товарищ. Была договорённость, что в кафе я сяду таким образом, чтобы через окно хорошо видеть прилегающую улицу, и если всё будет спокойно, то начну разговор о передаче, оговаривая необходимые условия долговременной связи. Если же возникнут какие-то подозрительные моменты, мой товарищ появится на улице в поле моего зрения, что будет сигналом к срочному завершению встречи.

Место было малолюдное, и вдруг я заметил моего коллегу прямо перед окнами, спокойно начал «закруглять» встречу, сразу оговаривая наш следующий контакт. Но в этот момент мой коллега появился в дверях кафе и, увидев нас, улыбаясь, направился к нашему столику. Не совсем понимая, что происходит, я на ходу перестроился и как ни в чём не бывало представил «Полю» моего коллегу, и мы уже втроём продолжили начатый разговор, объяснив «Полю» причины передачи его на контакт новому человеку. Спустя 5 минут, попрощавшись, я оставил собеседников в кафе.

В резидентуре уже выяснилось, что мой коллега потерял нас из виду, когда мы, неожиданно зайдя за угол, завернули в кафе, и, торопясь, сделал ещё круг по кварталу, упустив из виду, что он ни в коем случае не должен появляться в поле моего зрения, если я нахожусь в кафе. Мелочь. Но при разборе встречи резидент сделал нам, в первую очередь моему партнёру, строгое внушение, правильно считая, что эта мелочь могла сорвать встречу, а соответственно, и передачу связи и показать завербованному агенту нашу нервозность и недостаточно квалифицированную работу. Но всё пошло дальше в нормальном, если можно так сказать, русле. Потом я узнал, правда, что «Полю», как и абсолютное большинство французских офицеров, был направлен в Алжир.

Во время этой войны в Алжире большинство французских офицеров проходили как бы специальную службу. Некоторых отправляли туда на короткое время, а другие оставались там надолго для участия в военных действиях.

Через несколько месяцев моего пребывания в Париже в ЮНЕСКО приехал ещё один наш советский сотрудник, тоже работник разведки. Некоторое время мы жили вместе, имели на двоих одну машину, «владельцем» которой был мой новый товарищ — Степан.

Однажды, возвращаясь вместе домой то ли из ЮНЕСКО, то ли из посольства, мы заехали на бензозаправку, была небольшая очередь. Степан остался в машине, а я отошёл подальше в сторону, чтобы покурить; случайно я вышел на угол улицы и здесь обратил внимание, что прямо за углом припарковалась типичная машина наружного наблюдения, «ситроен»-шестёрка. В ней было три человека, а четвёртый покинул машину, перешёл на другую сторону улицы и стал так, чтобы видеть площадку бензоколонки, где в это время был наш автомобиль.

Это мне показалось странным, но ещё более странным показалось то, что за четырьмя-пятью машинами, на этой же улочке, припарковался другой «ситроен», также с тремя-четырьмя людьми в салоне.

Стёпа заправил машину, мы тронулись дальше, и я спокойно предложил ему посмотреть, нет ли за нами «хвоста». Он быстро убедился, что «хвост» есть. Был очень удивлён, но это послужило ему сигналом впредь внимательно следить за наличием наружного наблюдения.

Скоро выяснилось, что наружка идёт именно за Стёпой, так как я за собой, когда был один, её по-прежнему не видел. Наружка шла за Стёпой исключительно интенсивно, что было не похоже на обычную наружку французов. Так, например, машина наружки дежурила недалеко от нашего дома даже очень поздно вечером.

Через несколько дней, выйдя на балкон, я обратил внимание, что в отдалении, в тёмном месте стоит «ситроен», и было хорошо видно, как в нём вспыхивали огоньки от сигарет сидящих в нём людей.

Вскоре я должен был утром ехать на встречу с одним из наших товарищей, который уже затем на своей машине вывез бы меня на операцию: на встречу с находящимся у меня на связи источником. Мой утренний выход я прикрывал игрой в теннис, через плечо у меня была сумка и ракетка. Я отправился к стоянке такси с тем, чтобы поехать сначала на теннисный корт, а там уже встретиться с моим партнёром.

То ли перепутав меня со Степаном, то ли на всякий случай, учитывая мой необычный выход из дома, наружка пошла за мной. Она была

достаточно примитивна, и я её быстро обнаружил. Дойдя до площади, где обычно стояли такси, и не найдя там свободной машины, я остановился и стал ждать, осматриваясь вокруг. Наружники заметались, их машина притормозила и ушла за угол, и оттуда появился один, а затем и второй наружники, но здесь подошло такси, и они прямо на глазах у меня поспешили к своей машине.

Подъехав к теннисному корту, я нашёл там ожидавшего меня товарища и, поделившись с ним своей «мелкой» неприятностью, стал обсуждать наши дальнейшие действия. На встречу меня должен был вывозить опытный разведчик, заместитель резидента, и он принял решение: встречу отменить и действительно идти играть на корт. Закончив игру, мы выяснили, что наружное наблюдение меня бросило. Когда мой товарищ повёз меня к месту работы в ЮНЕСКО, мы убедились, что наблюдение не ведётся. В дальнейшем я получил подтверждение, что наблюдение ведётся только за Степаном.

В этом же, используя свои методы, убедилось и руководство резидентуры. «Почерк» работы наружного наблюдения в случае со Степаном не был похож на обычную работу французов. Это было явно специальное задание, ставящее себе целью не только выявить возможные контакты Степана, но и просто изучить и проанализировать внешнюю сторону его образа жизни. Более тщательный анализ, а затем и проверка связей Степана показали, что в его окружении имеется явный агент — видимо, не французский, а ЦРУ США.

Это была направленная разработка самого Степана. Несмотря на то, что никаких сомнений в преданности Степана не было, резидент, а затем и центр забеспокоились, так как такая разработка могла вылиться и в прямую провокацию против нашего товарища. Со своей стороны, я получил задание помогать Стёпе, особенно потому, что сам он, что вполне естественно, также стал волноваться. Думаю, что это не было совпадением: у Степана начали нарастать конфликтные отношения с его непосредственным руководством в ЮНЕСКО, и это, естественно, усиливало напряжение.

Можно смело предположить, что это была составная часть задуманной противником операции.

Было принято решение, чтобы под благовидным предлогом Стёпа подал в отставку в ЮНЕСКО, и вскоре он уехал домой. Степан некоторое время успешно работал в Москве в информационной службе, а затем ушёл от нас в науку и стал достаточно известным специалистом в области политологии. Вот так иногда складывается судьба разведчика, и обычно

поправить её очень трудно, а может, даже невозможно.

Моё положение в ЮНЕСКО значительно укрепилось. И хотя я не стал настоящим социологом, приобретённый опыт и чувство уверенности в себе, широкие связи в самой ЮНЕСКО и за её пределами в связанных с ней организациях способствовали моей разведывательной работе.

Новые интересные связи дала мне поездка в Дели на очередную сессию Генеральной конференции ЮНЕСКО в качестве главного редактора бюллетеня конференции. Поездка в Индию в этой роли позволила познакомиться и укрепить связи практически со всем руководящим звеном самого ЮНЕСКО, а также с дипломатами из целого ряда стран, работавшими в представительствах ЮНЕСКО или связанными с проблемами, решаемыми в этой организации. Особенно я сблизился и, можно сказать, подружился с ответственным чиновником ЮНЕСКО из директората организации. Связь, выражаясь разведывательной терминологией, приобрела в дальнейшем доверительный характер, и мой «контакт» в дальнейшем искренне помогал мне как в решении вопросов, связанных непосредственно с моей работой в ЮНЕСКО, так и в установлении связей и развитии контактов в интересующих меня политических кругах Парижа.

В связи с годичной конференцией ЮНЕСКО в Дели и активизацией работы советского представительства в штат русской секции бюро переводов ЮНЕСКО было введено две новые должности редакторов-переводчиков. Для переводчиков это были довольно высокие должности в ранге Р-Ч по градации ООН и, соответственно, высокооплачиваемые. На эти должности был объявлен конкурс, я же был включён в специальную комиссию по отбору кандидатур. Конкурс включал только перевод с французского на русский язык довольно большого и заковыристого текста. Главным условием конкурса было то, что текст должен быть переведён на «современный русский язык». В Москве проявили интерес, и на конкурс были представлены два кандидата. Одним из них был молодой атташе нашего посольства в Париже Юрий Дубинин, другим был также молодой сотрудник Европейского отдела МИД из Москвы. Все остальные кандидаты были из старой или новой эмиграции и поддержки Москвы не имели.

Мне было вручена целая стопка работ. Нужно было оценить каждую. Задача была облегчена тем, что уже в конце первой страницы перевода была фраза, которая у всех конкурсантов, кроме наших двух, была изложена с использованием старых довоенных терминов и явно попадала под невыполнение главного условия конкурса — перевод должен быть

сделан на «современный русский язык». Я принял твёрдое решение и подчёркивал только эту фразу (там было что-то об экономике сельского хозяйства), указывая — «несовременный язык». На работах наших ребят я написал: «замечаний нет». В таком, несколько вызывающем виде передал все переводы в комиссию, в которую входили: начальник бюро переводов ЮНЕСКО Соломон, хорошо знающий большое количество языков (слабо знал только русский), и известный в Париже переводчик князь Оболин — из старой эмиграции (был известен даже как личный переводчик де Голля). Несомненно, что Оболин кого-то протезировал и был просто шокирован моими рецензиями на конкурсные работы. Он настаивал, чтобы я пересмотрел мой подход и поставил каждой из них оценку «по заслугам». Я отказался что-либо менять. Соломон, как ему и следовало, занял нейтральную позицию. Тупиковая ситуация была разрешена на следующий день. Члены комиссии собрались у начальника управления кадров ЮНЕСКО. Начальник был немолодой, уверенный в себе англичанин — отставник из английской разведки, как я узнал позднее. (Англичане очень любят своих ещё не старых отставников из Intelligence Service устраивать на руководящие должности в кадровые службы международных организаций. Примеры были и в ООН, и в других ооновских организациях.) Англичанин спокойно выслушал мнение сторон и без колебаний принял окончательное решение в мою пользу. Он заявил, что на работу будут приняты кандидаты из СССР. И объяснил своё решение, процитировав условие конкурса о «современном русском языке». Заметим, что в этот период ЮНЕСКО стремилась хотя бы немного заполнить нашу квоту, имеется в виду «советскую квоту» в кадрах, так как взносы в организацию Советский Союз уже в течение нескольких лет платил исправно. Оба кандидата вскоре приступили к работе и поехали на конференцию в Индию. Юрий Дубинин стал на многие годы моим близким другом. Он зарекомендовал себя как отличный переводчик и вскоре был направлен в качестве личного переводчика Хрущёва во время его последнего визита во Францию. Затем Дубинин по настоянию посла Виноградова получил должность советника в советском посольстве в Париже, а позднее стал заведующим Европейским отделом МИДа в Москве. Он сделал, как говорят, блестящую дипломатическую карьеру: посол в Испании, затем успешный посол во Франции, заместитель министра иностранных дел и даже посол на Украине.

Во время работы конференции я был занят буквально с утра до ночи, так как бюллетень конференции выходил каждый день, и в нём не только сообщалась повестка дня различных комитетов на следующий день, но и

давалось краткое резюме выступлений делегаций за прошедший день. Моя работа заканчивалась только поздно вечером. Однако и в работе конференции, которая продолжалась почти месяц, возникали окна, и это позволяло мне немного познакомиться со страной. Особенно запомнилась поездка в священный город Бенарес.

Поездку организовал мой друг. Мы отправились в поездку на большой американской машине с профессиональным шофёром, который был в какой-то степени и нашим гидом. В поездке принял участие известный французский физик Пьер Оже, который был тогда директором департамента естественных наук ЮНЕСКО. Во время войны он принимал участие в реализации известного американского проекта по созданию атомной бомбы. В Большой Советской Энциклопедии Оже фигурирует, в частности, как автор известной в физике формулы, носящей его имя — Оже-эффект. Оже — человек очень симпатичный, покоряющий своей эрудицией. Совместная поездка позволила мне дружески сблизиться с ним.

Бенарес (другое название Варанаси) — это город с миллионным населением, а главное, он является центральным местом религиозного паломничества индуистов и буддистов. В год туда совершают паломничество более миллиона человек. Бенарес возник около VII века до нашей эры, и в его жизни отражается слияние нескольких культур. Город расположен в северной части центральной Индии на священной для индусов реке Ганг.

В этом городе более 1300 храмов самых различных ответвлений индуизма и буддизма, в том числе известный храм Золотой Шивы. Также сохранились несколько прекрасных дворцов XVI века, например, Манн Мандир. Припоминаю храм, где обезьяны заполняют парк и все галереи храма и, так как сами являются священными, ведут себя очень раскованно и могут сорвать шляпу с посетителя или, что бывает чаще, вырвать у туриста какой-либо блестящий предмет, самопишущую ручку, а то и сумку. Об этом, кстати, многократно предупреждают и гиды, и служители храма. Говорят, что обитатели храма раз в неделю большим поголовьем, превышающим сотню, а то и две сотни обезьян, делают налёт на местный базар, чтобы запастись провиантом, а это, главным образом, — самые различные фрукты. Или ещё один храм — храм, который туристы называют храмом любви, где стены украшены барельефами, изображающими различные позы соитий и просто любовные сцены. Индусы, видимо, большие специалисты в этом вопросе.

Но самое большое впечатление от Индии в целом, и от Бенареса в частности, на меня произвели люди. По улицам города текла шумная

людская река, и пока мы еле-еле продвигались на машине, по обе стороны дороги шли паломники. По правой стороне — в направлении Ганга, а по левой — уже возвращающиеся оттуда. На правой стороне довольно часто были видны группы, несущие прямо на руках умерших, завёрнутых по обычаю в матерью и обложенных традиционными гирляндами цветов.

Для нас была организована экскурсия на небольшом парходике по Гангу. По всему берегу реки со стороны Бенареса была видна кишачая масса людей. Они не задерживались «на пляже», а только раздевались, входили по колено, может быть по пояс в воду, проводили омовение в священной реке и тут же уходили, освобождая место для других. То там, то здесь, прямо на берегу чёрными клубами дымились костры, на которых кремировали умерших. Кремировали — это слишком громко сказано, так как дров в окрестности Бенареса очень мало. Наш провожатый объяснил, что превращение покойников в пепел скорее носит условный характер: как только костер прогорает, всё его содержимое спускается в реку. Наш провожатый, понимая, что зрелище для европейца выглядит, мягко говоря, странно, просил не фотографировать и довольно скупко комментировал всю эту картину.

В Индии, благодаря тому же Оже, я был приглашён в гости к одному ещё сохранившемуся тогда магарадже. Основные земли его владений были к тому времени национализированы, но огромный дворец и масса слуг говорили о былом величии. Сам магараджа был сравнительно молодой человек, получивший образование в Оксфорде в области естественных наук с упором на физику, и поэтому преклонялся перед Оже, и нас принимали на самом высоком уровне.

Застолье сменялось специфическими развлечениями: осмотром большой галереи-музея различного оружия, а затем катанием сразу на нескольких слонах. Удовольствие, конечно, относительное и требует привычки и хорошего вестибулярного аппарата, так как создаётся полное впечатление, что тебя бросает на волнах из стороны в сторону. Всё выглядело в высшей степени экзотично. Слоны были чистые, ухоженные, украшенные богатыми попонами, а люльки являли собой просто произведения декоративного искусства.

Особенно запомнилась мне демонстрация дикого тигра. Нас пригласили на большую террасу на втором этаже дворца. Там были поставлены несколько подзорных труб на треногах и лежали бинокли. Было сказано, что на опушке довольно отдаленного леса, думаю, метрах в пятистах, должен появиться тигр, для которого в определённое время и в определённом месте выкладывается барашек. Охота на этого тигра

запрещена, и как нам рассказали, случаев нападения тигров на людей в этом районе не отмечалось уже много лет.

Действительно, тигр появился с опозданием не более чем на пятнадцать минут, пока нас обносили различными напитками. Вся наша компания бросилась к подзорным трубам и биноклям, хотя тигра можно было видеть и простым глазом. Помню, что тигр не схватил барашка и не потащил в лес, а по-хозяйски, не спеша, начал его лопать прямо на опушке.

Благодаря письмам, которые написала ещё в Париже моя ассистентка индуска Нехалчан своим друзьям в Дели, меня пригласили на ланч или на ужин несколько заметных в индийском обществе человек.

Так я познакомился с помощником премьер-министра, с которым обедал по его приглашению в Поло-клубе. Мы сидели на открытой террасе, а на поле в это время проходила игра. Помощник был очень интересный собеседник и охотно, в дружелюбном тоне рассказывал о проектах, которые вынашиваются в правительстве.

Также я был приглашён в дом одного крупного бизнесмена. Это, видимо, бывает нечасто, обычно всё-таки такого рода встречи проходят в ресторанах или клубах, организованных в Индии на английский манер. Запомнилось, что бизнесмен в знак своего расположения ко мне (а он был родственником моей коллеги по ЮНЕСКО) в заключение нашего обеда преподнёс мне подарок.

Это была плетёная корзинка с крышкой; когда её открыли, там оказалась крупная живая кобра. Мой хозяин тут же успокоил меня, объяснив, что эта кобра совершенно безопасна, у неё удалены ядовитые железы, что она очень привыкла жить в доме, и может быть «членом семьи». Он обещал мне дать инструкцию, как за ней ухаживать, и заявил, что в доме, в котором живёт кобра, не заведутся мыши или кто-нибудь подобный.

Честно говоря, я был очень смущён этим подарком и представил себе, как мои коллеги в Париже, не по ЮНЕСКО, а по резидентуре, встретят такую экзотику в моём доме. Я был уверен, что это будет расценено как высшее проявление снобизма и пижонства, и несмотря на большой соблазн иметь в доме «такую красотку», а кобра действительно была очень красива, я твёрдо отказался принять этот, я думаю, дорогой подарок.

Находясь в Париже, я очень редко ездил в командировки, так как это мешало главному направлению моей работы и, более того, рассматривалось руководством резидентуры как, мягко выражаясь, совершенно нежелательные отвлечения от решения главных задач. Но однажды я не смог отказаться от такой командировки, так как директор моего

департамента, как я уже говорил, англичанин, профессор Маршалл, желая проявить ко мне своё доброе отношение, включил меня в план поездок и лично объявил об этом. Я должен был представлять ЮНЕСКО на конгрессе «International Federation of Mental Health», или «Международной федерации умственного здоровья» — это дословный перевод.

Федерация включала в себя представителей различных социологических учреждений, но в первую очередь — психиатров, теоретиков и клиницистов, в основном из англосаксонских стран, Скандинавии и Германии.

Меня встречал и опекал в Лондоне личный друг Маршалла — тоже англичанин, генеральный секретарь федерации. Делегаты конференции были в основном далеко не молодые люди. Может, именно поэтому моё присутствие на конференции, тем более в президиуме, вызывало интерес у многих делегатов, и этот интерес усиливался ещё и тем, что вскоре стало ясно, что я советский, русский. В это время Москва не имела никаких дел с такого рода международными организациями. Поездка на конгресс федерации была очень интересной и познавательной. Конгресс сопровождался несколькими крупными приёмами с участием лондонского политического и научного мира. Приём давал лорд-мэр в ратуше. А другие приёмы и обеды проходили в нескольких типичных лондонских клубах, таких как известный «Royal Automobile Club».

В первый же день я произнёс свою приветственную речь от имени ЮНЕСКО, и после этого на конгрессе мне особенно делать было нечего. Какие бы то ни было действия разведывательного характера мне не только не поручались, но и были запрещены. Кроме того, мой парижский шеф категорически рекомендовал мне не только не устанавливать контакты с нашей лондонской резидентурой, но и без острой необходимости даже не появляться в посольстве, так как наши товарищи и советские представительства были во все времена под очень пристальным наблюдением английских спецслужб.

Так как у меня на руках был международный паспорт, не было необходимости появляться в советском консульстве.

Я жил в центре Лондона, прямо по соседству с Гайд-парком, в известном в то время отеле «Marble Arch», что переводится как «Мраморная арка». Сама арка, кстати, была рядом. На третий или четвёртый день работы конгресса ко мне подошёл уже упомянутый ранее генеральный секретарь федерации. Он проявлял ко мне постоянное внимание, я бы сказал, заботу, и не без его участия я получал постоянные приглашения на все интересные встречи и обеды.

В частности, с его другом, членом английского парламента (так именуют членов палаты в английской прессе), я побывал в гостевой ложе на заседании парламента, когда слушался вопрос по военному бюджету, и все члены, как правительства, так и «теневого кабинета», были на своих местах. В ложе меня сопровождал молодой помощник МР, который называл мне известных деятелей среди депутатов и со знанием дела комментировал происходящее. В перерыве я был приглашён самим депутатом на обед в ресторан, который находился там же, в здании палаты. Это была скорее небольшая столовая для депутатов. Обедали скромно: без вина, но с хорошим стейком. Так я воочию увидел, как работает старейший парламент мира.

Находясь в английском парламенте, я вспомнил, как описывал в книге своих воспоминаний посещение парламента знаменитый Лонсдейл (Конон Трофимович Молодой) в тот период, когда он работал в Англии на нелегальном положении. Конон был моим большим другом — мы вместе с ним учились на одном курсе и вместе оканчивали институт (ныне экономический факультет МГИМО). После окончания наши дороги разошлись до того момента, когда Конона выручили из английской тюрьмы, обменяв его на агента СИС Гревилла Винна. В Москве мы поддерживали близкие отношения, и Конон рассказывал немало эпизодов из своей жизни. Вот лишь два из них, очень необычных и забавных.

Для усиления доказательной базы на суде над «советским шпионом» (я думаю, что читатель знает историю ареста Лонсдейла) английские спецслужбы доставили на заседание суда из Канады отца настоящего Лонсдейла. Конон жил и работал в Англии по легенде как рождённый в Канаде и был якобы сыном этого самого Лонсдейла. Лонсдейла-отца привезли на суд, чтобы свидетельствовать публично, что Конон не его сын, а другой человек. Но адвокат, которого «Бен» (наша кличка Молодого) нанял на заработанные в Англии деньги (он работал в фирме игровых автоматов), быстро выяснил, что сын Лонсдейла переехал из Канады в Финляндию вместе с матерью, когда ему ещё и года не исполнилось, и больше никогда с отцом не встречался. Адвокат целой серией вопросов полностью поставил в тупик Лонсдейла-отца и под смех зала доказал, что он физически не мог опознать человека, которого видел ещё младенцем, в результате чего тот признался, что сам не понимает, зачем его вызвали на это судебное заседание. Английская пресса высмеяла глупый провал организаторов суда, хотя, конечно, журналисты продолжали разоблачать «Бена» и происки советской разведки.

Второй эпизод произошёл с ним уже в тюрьме, когда Конон отбывал

начало своего бесконечно долгого срока — двадцать пять лет. Он, как грамотный юрист, тщательно изучил тюремный регламент и нашёл в нём положение, по которому заключённый имел право получать газету, издаваемую в его родном городе, за счёт тюрьмы. «Бен» попросился на приём к начальнику тюрьмы, подал тому соответствующее заявление, прося выписать для него газету из его родного города, из Москвы (к этому времени вопрос о том, что Конон из Советского Союза, уже был принят сторонами). Конон попросил выписать ему газету «Правда». Забавно, но англичане, подумав, выписали «Правду» для «Бена», признав, что нужно в любом случае соблюдать законы.

На другой день мой покровитель, секретарь федерации сказал мне, что я слишком много времени провожу на заседаниях и из-за этого не имею возможности познакомиться с Лондоном. Он, как бы между прочим, сообщил, что на следующий день конгресс будет слушать вопрос, связанный с Венгрией и проблемой венгерских беженцев после событий 1956 года. Эта тема, заметил он, «может быть для Вас не очень интересной».

Действительно, как я понял потом из протоколов заседаний конгресса, дискуссия по указанному вопросу носила резкий антисоветский характер, и моё положение на конгрессе было бы явно неудобным, а если бы я был вынужден или решился выступить, то это просто осложнило бы моё положение. Мой английский знакомый предложил мне на весь следующий день свою машину с опытным шофёром, который бы в качестве гида показал мне весь Лондон. Я понял деликатность ситуации и с радостью согласился со сделанным мне предложением. На другой день сразу после завтрака в отеле портье сообщил мне, что меня ждёт машина у подъезда. Я рассказываю об этом потому, что это была не просто машина. У подъезда стоял «роллс-ройс», а шофёр, который был одет в специальную форму, приветствовал меня на выходе из отеля и торжественно открыл передо мной дверь машины.

Как-то особенно запомнилось посещение в сопровождении моего «гида» лондонского Тауэра. Крепость и дворец, построенные ещё в XI веке, являются символом былой власти и мощи Англии. Два ряда крепостных стен, ров с водой, башни и в середине — большое мрачное здание. Долгое время Тауэр был резиденцией королей, а затем был превращён в самую знаменитую королевскую тюрьму. Вход на территорию Тауэра пролегал через огромные Ворота предателей. Это была не только тюрьма, но и место казней, пыток, место кровавых страниц в истории Англии. Здесь были казнены в XVI веке две жены короля Генриха VIII, Анна Болейн и

Екатерина Говард. История Тауэра хранит десятки казней, судьбы сотни заключённых. Среди заключённых был великий утопист Томас Мор, а одним из последних был ближайший помощник Гитлера Рудольф Гесс, прилетевший в Англию на своём самолёте в разгар войны с тайной миссией. (Суть и содержание переговоров англичан с Гессом не раскрыты до сих пор.)

На территории Тауэра живут несколько воронов, и всеми признанное известное поверье гласит, что если они исчезнут, то падёт Британская империя и правящая династия.

К воронам прикреплён специальный смотритель, который их охраняет и кормит. Мой «гид» рассказал мне историю, о которой я ранее ничего не слышал. Во время Второй мировой войны однажды вороны исчезли, их якобы сумели выкрасть ирландские сепаратисты. Исчезновение воронов вызвало большое беспокойство — ведь это психологический символ существования державы. Событие произошло в самый трудный для англичан период войны: немцы ежедневно бомбили Лондон и готовили высадку десанта. По указанию правительства (говорят, самого Черчилля) спецслужбы Англии приняли экстренные меры и быстро нашли новых птиц и водрузили их в Тауэр под усиленную охрану. «Символ» был восстановлен.

Большое впечатление оставляет музей сокровищ британской короны, находящийся в Тауэре. Самое ценное — это, прежде всего, короны: корона для коронации короля Чарльза II в 1661 году, которая по традиции должна использоваться в церемониях коронации и в наши дни; корона королевы Виктории 1838 года, с огромным рубином, увенчанная бриллиантом «Звезда Африки»; корона нынешней королевы Елизаветы, которая была сделана в 1937 году и украшена знаменитым бриллиантом «Кохинор». Эта корона и скипетр украшены самыми большими в мире бриллиантами «Куллинан-1» и «Куллинан», 2530 карат и 317 карат соответственно. Необработанный «Куллинан», весом в 3106 карат, был найден в Южной Африке в 1905 году и остаётся самым большим по весу за всю мировую историю. Он был разбит на части, и после гранения были получены Куллинаны 1 и 2.

Для сравнения скажу, что наш лучший и действительно прекрасный бриллиант «Орлов», который хранится в Алмазном фонде Кремля, весит 189,62 карата (он был куплен графом Григорием Орловым в подарок Екатерине II в 1773 году в Индии за 100 тысяч рублей, в то время — баснословная сумма). Англичане чтят свой Тауэр не менее, чем Вестминстерское аббатство и Британский музей. Про музей

драгоценностей и эти великолепные бриллианты написаны десятки книг и тысячи страниц. Утверждают, что только история «Кохинора» насчитывает несколько веков.

Могу отметить, что всю неделю, которую я жил в отеле после приезда за мной водителя на «роллс-ройсе», а эта машина приезжала за мной ещё несколько раз, я чувствовал особую почтительность всего персонала. Водитель оказался действительно знатоком Лондона и хорошим гидом, и это помогло мне познакомиться значительно подробнее с огромным городом. В целом эта поездка в Англию оказалась очень интересной, можно было развить целую серию контактов, но, скажем прямо, для моей разведывательной работы в Париже эти контакты были бы малоэффективными. Лондон произвел на меня большое впечатление даже после Парижа, и я искренне признателен профессору Маршаллу как за его доброе отношение ко мне, так и за эту поездку.

Наступил день моего отъезда из Франции. Я решился плыть из Гавра в Ленинград нашим пассажирским пароходом. Перед отъездом я купил автомобиль, и было удобнее погрузить его на палубу в Гавре и отправиться прямо до Союза морем, чем гнать машину через всю Европу. Мы с женой и дочкой выехали на своей новой машине, и нас сопровождал наш товарищ на другой машине. Вещей набралось много, и он ехал с нами, чтобы провести «на всякий случай».

При прощании в ЮНЕСКО меня пригласили в «кадры» и предложили сдать наши международные паспорта, мотивируя тем, что у меня есть мой дипломатический паспорт, и этого более чем достаточно для въезда в Союз. До сих пор, все годы работы в ЮНЕСКО, я ездил в отпуск и в другие страны по международному паспорту. Кадровики пояснили, что из Москвы я буду вынужден пересылать международные паспорта гарантированной почтой, и должен оставить расписку, что обязуюсь вернуть паспорт сразу по возвращении в Москву. Я, естественно, тут же вернул международные паспорта.

Мы прибыли в Гавр загодя. Команда погрузила вещи в каюту, а мой автомобиль закрепили на палубе. Посадка пассажиров, как было объявлено, должна была начаться часа за полтора до отплытия. И тут всё закрутилось. Оказалось, что нам, советским, требуется выездная виза, и начальник портового погранпоста чётко заявил, что помочь мне ничем не может. Я тут же позвонил в наше консульство в Париже и получил аналогичный ответ: «Помочь ничем не могу, тем более что в воскресенье МИД, конечно же, не работает». Дорогая супруга уже начала рыдать, а дочка весело сопровождала меня на все переговоры. Я принял решение, что

мы возвращаемся в Париж, а на следующий день я либо заберу обратно свои международные паспорта, либо «бегу» в МИД за выездными визами, затем покупаю билеты на следующий день на самолёт до Копенгагена, и там мы перехватываем свой пароход и спокойно плывём дальше, через Стокгольм и Хельсинки в Ленинград. До отплытия парохода остаётся минут 40, все нам сочувствуют. И здесь подходит начальник пограничников и сообщает мне, что проводить наш пароход в порт приехал префект приморского округа. Пограничник поясняет, что здесь это верховная власть, которая может ему (пограничнику) отдать любой приказ. Быстро иду к префекту. Его помощник выслушивает меня, докладывает шефу. Префект меня принимает. Я достаточно толково, мой французский это позволяет, объясняю ему ситуацию. Префект просит меня подождать в приёмной и даёт распоряжение помощнику соединить его по спецсвязи с Министерством внутренних дел, где, видимо, намерен проверить мою личность. Проходит 15 томительных минут. Меня приглашают вновь в кабинет, и префект желает мне счастливого пути, сказав, что пограничникам указания уже даны. Не хочу настаивать, но сомневаюсь, что у нас такой поворот событий был бы возможен. Мы поднимаемся на корабль последними, и нас встречает сам капитан. Пребывая в лёгкой эйфории, плывём домой с заходом в порт Лондона, Копенгагена, Стокгольма и Хельсинки. В каждом городе всего по несколько часов, но ведь интересно как!

И вот наш корабль покинул Хельсинки и направился к Ленинграду. В этот момент меня нашёл помощник капитана по политработе и вполголоса рассказал, что в Москве «разоблачили антипартийную группу Молотова, Маленкова, Кагановича». Я спросил, откуда информация, и узнал, что об этом сообщило радио Москвы. Я сказал помощнику, что если это сообщение московского радио, то следует включить трансляцию по всему кораблю, а не «строить многозначительных секретов». Он как будто только и ждал команды, чтобы осознать, что происходит и что надо делать. Часа через два-три наш корабль замедлил ход и затем совсем остановился. Я не сказал, что мы плыли на корабле «Вячеслав Молотов». Далее, с борта корабля была спущена люлька и два матроса очень ловко и довольно быстро закрасили название и вскоре отлично нарисовали новое название — «Балтика». Под этим названием мы и вошли в порт Ленинграда, а «Балтика» много лет плавала по Балтийскому и другим морям. Так что не следует спешить давать имена здравствующих вождей городам и кораблям.

После четырёхлетней работы в ЮНЕСКО у меня навсегда осталось приятное воспоминание о Париже. Первое время я в ЮНЕСКО был

единственным советским человеком. Года через два после моего приезда в Париж был назначен советский представитель при ЮНЕСКО. Этим представителем стал профессор-искусствовед, бывший президент общества культурных связей с зарубежными странами — Кеменов. У меня с ним сложились доверительные отношения, и я ему нередко помогал информацией и советами по различным возникающим вопросам работы в ЮНЕСКО, как сторожил. Помню, как Кеменов, подарив моей жене на день рождения небольшую парижскую миниатюрку, написал на ней: «Лучше быть уж к дому ближе, если нет — тогда в Париже».

В Париже несколько всемирно известных мест, но я хочу рассказать только об одном, менее заметном, но не менее важном для Парижа и французов, — это могила Наполеона, несомненно, самого великого человека в истории Франции и самого почитаемого до сих пор. Наполеон захоронен в соборе Дома инвалидов. Это один из шедевров классического стиля. Под главным куполом собора установлена гробница Наполеона. Наполеон умер 5 мая 1821 года в ссылке на острове св. Елены. Только через семь лет англичане, пленником которых он был, разрешили французам перевести прах императора во Францию. От Гавра, куда прибыл корабль с прахом, вверх по Сене и через Париж останки Наполеона провожала вся страна. Останки императора, по примеру египетских фараонов, замурованы в шесть гробов: два свинцовых и три из дорогих пород древесины. Гробы покоятся в большом саркофаге из красного гранита. По кругу главного зала собора стоят восемь статуй, символизирующих победы величайшего военачальника Франции, «охраняющих покой императора». В соборе захоронены его приближенные генералы Бертран и Дюрок, его сын — король Рима и братья Жером и Жозеф, а также маршалы Тюренн, Вобан, Фош и Лиотей.

Глава пятая

Москва

Управление «Д» (дезинформация)

По возвращении в Москву я был назначен в специальное подразделение, которое только что было создано. Тогда оно называлось «Управление Д» (дезинформации), позднее ему дали более благозвучное название — «Служба активных мероприятий». Я вновь попал под начало к шефу и создателю этой службы Ивану Ивановичу Агаянцу, он же был короткое время моим руководителем в начале карьеры в разведке, ещё в европейском отделе.

Агаянц, теперь уже посмертно, хорошо известен как талантливый разведчик и исключительного ума руководитель. Сейчас о нём регулярно пишут статьи в газетах, а журнал «Люди» (июнь 1998 года) опубликовал большой очерк с его портретом в генеральской форме.

За довольно длительное время работы в службе «А» я принимал участие в целом ряде крупных операций, за одну из которых был награжден знаком «Почётного чекиста». Абсолютное большинство операций службы «А» описывать и до настоящего времени невозможно. Пусть их анализирует Центральное разведывательное управление США. В задачи службы, в частности, входили мероприятия по разоблачению деятельности иностранных разведок, направленных против СССР, его внешней политики и его конкретных представителей за рубежом. В первую очередь эти операции были направлены на разоблачение ЦРУ и английской «Intelligence Service».

Упомяну для примера лишь несколько таких операций, и то только потому, что они носили характер контрпропаганды и широко освещались в печати.

«Записки Пеньковского»

В 1962 году был арестован и предан суду полковник Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооружённых сил СССР Олег Пеньковский. Вместе с Пеньковским на скамье подсудимых оказался мелкий английский бизнесмен Винн, который использовался

английской разведкой в качестве связника для работы с Пеньковским, так как он часто посещал Советский Союз и социалистические страны. История самого Пеньковского освещалась многократно в нашей и зарубежной печати, я её касаться не буду.

Я был подключён к «делу Пеньковского» с позиции контрпропаганды и поэтому присутствовал на слушаниях в суде, которые проходили довольно помпезно в Колонном зале Дома Союзов. Приговор суда был суров, но справедлив. Пеньковского расстреляли, а Винна осудили и через некоторое время обменяли на упоминаемого выше Лонсдейла. Как только американцы убедились, что Пеньковский действительно расстрелян, в ЦРУ было принято решение максимально использовать «такой заряд» для очередной пропагандистской компании, которые сменяли одна другую в этот период особенного обострения холодной войны.

Большими тиражами, сначала в США и Англии, а затем и в ряде других стран вышла книга, якобы являющаяся переводом на английский переданных Пеньковским англо-американцам своих личных записок. Она так и была названа «Записки Пеньковского». Книга являлась собранием «разоблачений» советской политики, якобы основанных на личных впечатлениях Пеньковского, полученных им в Москве от общения с видными фигурами, такими как маршал авиации Неделин, бывший Председатель КГБ генерал армии Иван Серов, начальник Главного разведывательного управления Генерального штаба генерал Иващутин и другими.

Даже первичный анализ книги, вышедшей только на английском языке, а как показало дальнейшее развитие событий, русского текста просто не существовало, подтверждал, что записки являются фальсификацией, основанной на устных сообщениях Пеньковского, записанных англо-американцами на встречах с ним за рубежом и приправленных солидной порцией пропагандистского вымысла.

Сделаю небольшое отступление. По моему глубокому убеждению, Пеньковский был типичным шизофреником с манией величия. Потерпев фиаско в своей оперативной работе разведчика в ГРУ, решил прославиться на стезе «мирового шпионажа». Я отлично помню, как на процессе во время допроса Винна Пеньковский вскакивал и кричал: «Нет, это было не так, я разоблачу этого английского шпиона до конца!». Он имел в виду Винна, хотя речь на суде шла в первую очередь о самом Пеньковском. Я сидел довольно близко от него в зале и видел явно ненормальный взгляд этого человека. Могу только попытаться представить, как сложно остаться нормальным, когда тебя публично судят за предательство. Но ведь известен

и ряд других примеров его «странного поведения». Находясь в командировке в Англии, он потребовал, например, чтобы его хозяева срочно сшили для него мундиры полковника американской и английской армии, сфотографировался в этих мундирах и потребовал, чтобы его представили лично королеве. Англо-американцы, очевидно, понимали психические отклонения Пеньковского, и, с точки зрения корректности работы с агентом, работали с ним безобразно. Встречи шли одна за другой, они спешили как можно быстрее получить от него любую доступную ему информацию.

В период работы с англо-американцами Пеньковский уже не работал в центральном аппарате ГРУ, а был под «крышей» в Государственном комитете по науке и технике. На мой взгляд, было ошибкой представлять Пеньковского, как на суде, так и в нашей печати, не как полковника ГРУ, а как сотрудника гражданского учреждения среднего звена. Стыдно, конечно, говорить о предательстве офицера Генерального штаба, но с другой стороны, смешно прикрываться фиговым листком, когда во всём мире писали и пишут о полковнике Пеньковском. В то же время начальству в ЦК, да и в КГБ, хотелось громкого дела с расстрельным финалом.

Американцы же использовали позднее имидж Пеньковского, как «рыцаря без страха и упрёка», чуть ли не спасшего мир от Третьей мировой войны. Дело в том, что Пеньковский якобы явился одним из источников информации о размещении советских баллистических ракет на Кубе. Итак, я уверен, что если бы суд, спокойно рассуждая, на базе вполне объективного медицинского заключения, не приговорил Пеньковского к расстрелу, а отправил на всю оставшуюся жизнь в «персональную палату» в институт Сербского — не было бы никакого «героя» Пеньковского, защитника западных свобод, не было бы и «Записок Пеньковского».

Оценив полученный текст «Записок...», было принято решение попробовать убедительно разоблачить фальшивку. Мы привлекли квалифицированных лингвистов, дали проработать «Записки...» опытному редактору, и вскоре вскрылся целый ряд нестыковок, даже прямых ошибок, которые можно было публично проиллюстрировать. Вот один только пример. В книге шла речь о генеральском госпитале, который, как было сказано в книге, находился в Москве в Серебряном бору. Известно, что такой госпиталь в Москве имеется, но находится не в Серебряном бору, на окраине Москвы, а в самом центре — в Серебряном переулке, между Старым и Новым Арбатом.

Для решения поставленной задачи подвернулся интересный и удобный случай. Так, на темы разведки, в том числе об ошибках ЦРУ, а особенно о

промахах КГБ, в Англии писал известный журналист польского происхождения Виктор Зорза. Его никак нельзя было заподозрить в просоветских настроениях, статьи его носили резкий, а иногда и злобный характер, и клеймили, в первую очередь, КГБ и его политику в отношении социалистических стран Восточной Европы. Он был достаточно объективным журналистом. У нас был подходящий контакт, которому было поручено встретиться с Зорзой и наглядно, на примере «Записок Пеньковского», продемонстрировать ему, что ЦРУ прибегает к методам откровенной фальсификации и обмана западной общественности.

Зорза взял из нашего анализа тезисы, разоблачающие сам факт, что «Записки» написаны не только не Пеньковским, но и вообще не русским человеком. Вскоре в крупнейшей английской газете «Гардиан» появилась сногшибательная статья на целую газетную полосу, в которой Зорза в стиле классного журналиста не только привёл наши аргументы о подделке «Записок», но и добавил целый ряд своих квалифицированных замечаний и наблюдений.

Разоблачение получило самый широкий резонанс во всём мире, включая США и Западную Европу. Естественно, статью цитировали и перепечатывали множество прогрессивных и левых изданий, не говоря уже о социалистических странах. Своего рода итог был подведён нашей статьёй, целым подвалом в газете «Правда».

Служба осуществляла и целый ряд других операций, которые носили не только разоблачительный характер, но, как правило, получали политическое звучание в соответствии с нашей позицией в «холодной войне». Примером такой акции может служить операция «Лиотей». Анализируя деятельность спецслужб противника, я обратил внимание на документ английской разведки, озаглавленный «Операция „Лиотей“». Документы «Интеллиндженс Сервис» в разное время передавали нам наши, не боюсь этого слова, великие помощники, такие, как всем известный Ким Филби, и Джордж Блейк. Не знаю точно, почему англичане назвали свой план подрывных операций против СССР «Лиотей», известно только, что Лиотей — французский маршал, завоеватель Северной Африки. Пишут, что в своей резиденции в городе Алжире, стремясь подчеркнуть, что французы обосновались здесь всерьёз и надолго, Лиотей приказал посадить вдоль дороги от резиденции к порту аллею наиболее красивых деревьев. Кто-то возразил ему, что эти деревья вырастут только через 30–40 лет, на что Лиотей сказал: «Тогда их надо было сажать ещё вчера».

Называя свой план «Лиотей», английский начальник разведки вкладывал в это тот смысл, что подрывные операции против такой страны,

как Советский Союз, должны проводиться в любом случае, даже если их конечный результат проявится через десятки лет. Не преувеличивая заслуг англо-американских спецслужб, замечу, что в определённой степени эта их тактика себя оправдала. План «Лиотей» содержал концепцию подрыва Советского Союза как изнутри, так и на внешнеполитической арене. Здесь были тезисы и о межнациональных противоречиях, и о поддержке центробежных сил в странах народной демократии.

Не буду на этом подробно останавливаться, так как направления подрывной деятельности против Советского Союза западных спецслужб хорошо известны. Замечу только, что в плане особое внимание уделялось разжиганию противоречий, а возможно, и вражды между СССР и Китаем. Именно потому что недоверие между этими странами наносило вред, подрывало и ту, и другую стороны, к чему, собственно, и стремились англо-американцы. План намечал целый перечень дезинформационных операций. Любопытно отметить, что англичане считали наиболее эффективным методом доведения дезинформации и провокационных сведений до нашего руководства не через каналы разведки, т. е., имея в виду работу с двойниками и выходы непосредственно на наших оперработников, а ставили на первое место публикации хорошо замаскированной дезинформации в открытой, но солидной печати. Кроме того, противник доводил дезинформацию до советских делегаций или наших дипломатов высокого уровня.

Их логика была проста: в разведке каждую полученную информацию будут анализировать специалисты, а при малейшем сомнении будут её проверять и перепроверять, прежде чем направить в Политбюро ЦК и правительство. Публикации же в прессе, «слухи» или беседы заметных политических деятелей могут ложиться прямо на стол высших руководителей и оставлять в их головах нужный след.

Было решено предать гласности документ СИС с планом операции «Лиотей» в советской и зарубежной печати. Это было сделано. Сыграло ли это заметную роль в противодействии планам противника? В пропагандистском плане — да. Но думаю, что ЦРУ и СИС работали, работают и будут работать по плану «Лиотей» или его модификациям.

Ким Филби. «My Secret War» («Моя секретная война»)

Работа в службе дала мне возможность близкого общения с такой легендой разведывательной деятельности, как Ким Филби. Мы помогли

ему пробить на Западе публикацию его книги «Моя тайная война» (английские службы этому сопротивлялись).

Ким Филби был хорошо известным, одним из бывших, руководителей английской разведки, многие годы работавшим на советскую разведку. В это время он уже нормально обосновался в Москве. До сих пор помню сенсационную статью, которая готовилась мной вместе с Кимом и была опубликована в газете «Известия»: «Здравствуй, Ким Филби!», где мы откровенно заявили, что один из бывших руководителей английской разведки многие годы работал для блага Советского Союза и теперь находится в Москве.

И уже в спокойной обстановке, в своей новой комфортабельной квартире, он написал мемуарную книгу. Написал о себе и, главное, о своей работе в Сикрет Интеллиндженс Сервис. Книгу он, естественно, передал в нашу службу, и в силу служебных обязанностей, она попала ко мне для решения различных, как выяснилось, многочисленных вопросов, а иногда и проблем. Скажу сразу, книга написана ясным простым языком и подкупает своей достоверностью, что нечасто бывает с мемуарной литературой. Вопросы работы Филби с советской разведкой были аккуратно опущены, и проблемы нарушения нашей «секретности» не возникали. Содержание и форма книги получили единодушное одобрение руководства и специалистов моего управления.

Книга написана, и встал вопрос об её издании. Естественно, что книга, написанная на отличном английском, рассказывающая об одной из самых секретных английских служб, должна была быть издана в Англии.

Рукопись от имени Филби была направлена в одно из самых солидных и достаточно «независимых» издательств.

Очень быстро вылезли уши английских спецслужб. Рассказ об огромном провале и разоблачениях, конечно, им был не нужен. Издательство «деликатно» сообщило, что в связи с возникшими проблемами секретности и именем автора «табу» на издание книги по английским законам будет снято, только если материал будет опубликован в достаточно солидном издании в третьей стране. Подвернулась оказия, и мы сумели предложить рукопись крупнейшему парижскому журналу «Пари-Матч». Было получено согласие с обязательным условием, что солидные отрывки из книги будут опубликованы при наличии интересных фотографий, в первую очередь, самого автора в московской обстановке. Фотографии сделали и передали в «Пари-Матч». Главная из них, которая стала известной, — Ким Филби у памятника Карлу Марксу на Театральной площади. Французы остались довольны и, никого не спрашивая,

опубликовали большой материал со всеми фотографиями. Лёд тронулся.

Англичане сообщили, что вопрос почти решён, но по английским правилам для снятия «табу» необходимо, чтобы публикации были на языке рукописи, т. е. на английском. Довольно быстро наши товарищи подыскали второстепенное, но достаточно крупное издание — журнальный вариант в Соединённых Штатах. В Штатах материал опубликовали почти без задержки. Теперь англичане сообщили, что приступают к изданию. Ещё одно, очень любопытное «но» возникло вскоре в Москве. Руководству службы позвонили из ЦК из секретариата Суслова и проявили интерес к книге Филби. Напомним, что Суслов, «серый кардинал», как его называли «за кулисами», был вторым человеком в Политбюро, и его влияние было очень высоко. Нам стало известно, что на имя Суслова пришло письмо от руководства английской компартии (прямо от первого лица). В письме выражалось беспокойство публикацией книги Филби. Было сказано: из текста книги очевидно, что Филби согласился работать на советскую разведку из-за марксистско-коммунистических убеждений (речь шла о пребывании Кима в довоенное время в университете), и это даёт читателю и английской общественности представление, как утверждалось, что советская разведка вербует английских коммунистов и с их помощью ведёт шпионаж в Англии. Аргументация была слабой, так как хорошо известно, что накануне войны, на фоне растущей угрозы со стороны гитлеровской Германии в английских университетах было массовое увлечение марксизмом. И в дальнейшем многие известные английские деятели были увлечены марксистскими теориями, сочувствовали компартии и доброжелательно относились к Советскому Союзу. Однако вопрос был поставлен на таком высоком уровне, что требовался быстрый и ясный ответ.

Меня пригласил начальник разведки и дал указание поехать в ЦК на встречу с первым помощником Суслова с рукописью книги и её русским переводом. Нужно было обязательно подготовиться к беседе и на конкретных примерах из книги доказать нашу правоту. Я прибыл в ЦК и был очень доброжелательно принят помощником Суслова, он как раз отвечал за связь с зарубежными компартиями. Беседа была продолжительной.

Наши аргументы были убедительными. Собеседник попросил оставить ему экземпляр перевода, а нас вместе с Филби — попробовать «смягчить» некоторые места книги, заменив главную причину прихода Филби в советскую разведку (приверженность марксизму) на более осторожные определения. Например, обозначив как главный

идеологический мотив, вопросы гитлеровской угрозы и проблемы борьбы за мир.

Помощник Сулова попросил прислать ему отредактированный вариант и обещал свою поддержку. Реакция нашего руководства была положительной, так как были опасения, что могут запретить издание вообще. Возможные поправки в рукопись были внесены, но, конечно, в окончательном варианте их должен был сделать сам Филби. Ким был очень недоволен такой редакцией и в самой деликатной форме продолжал отстаивать свою версию. Он говорил, что стремится написать книгу как можно правдивее, и любые отступления от этого принципа вызывали его сопротивление. И вот работа была закончена. Отослали рукопись с внесёнными поправками помощнику Сулова и вскоре получили одобрение этого варианта книги.

В это время Киму пришла мысль послать рукопись известному английскому писателю Грехэму Грину. Грин во время войны сам работал в разведке и хорошо был знаком с тематикой. Кроме того, он был критически настроен по отношению к спецслужбам, что явно выразил в своих романах, в частности, «Наш человек в Гаване». Г. Грин проявил большой интерес к книге Филби и вызвался написать небольшое предисловие, где отметил полную правдивость книги и компетентность автора.

Это был большой успех. Английское издательство тут же приступило к изданию без всякой дополнительной редакции. С предисловием Грина книга вышла в свет и вскоре была переиздана ещё в нескольких странах; естественно, во всех странах социалистического лагеря и, наконец, вышла в Москве на русском языке под названием «Моя секретная война». В самом начале работы над продвижением книги мы, как и полагалось, должны были получить согласие ЦК партии на издание за рубежом книги «нашего человека». Письмо в ЦК было отправлено, и соглашение было получено. Хочу отметить: я «догадался» указать в этом письме одной строчкой, что возможные гонорары будут отнесены на счёт лично автора, т. е. Филби. Вскоре выяснилось, что гонорары составили по тем временам приличные суммы, и это дало Киму некоторую «свободу» в материальном плане. Он, в частности, смог существенно помочь своему сыну, профессиональному фотографу. И не только деньгами, но и в росте его карьеры, так как получил возможность пригласить сына в Москву, где тот сделал серию хороших снимков.

Исключительное впечатление на меня произвело общение с Джорджем Блейком, бывшим заместителем отдела специальных технических операций английской разведки, который передал нам за время работы

невообразимое количество информации обо всей деятельности и внутренней кухне английских секретных служб. В ответ на одну из антисоветских акций англичан мы вместе с Блейком подготовили сенсационную статью для «Известий» — «Операция GOLD и другие», где впервые предали огласке ряд провалившихся англо-американских операций, в том числе операцию «Gold». В статье рассказывалось, что операция англо-американцев с прорывом в Берлине туннеля для подслушивания коммуникаций в Советской зоне была с самого начала известна нашим службам, а англо-американская новейшая аппаратура, снабжавшаяся длительное время нашей дезинформацией, была затем захвачена нашей разведкой.

В службе активных мероприятий приходилось работать по вопросам, связанным с пропагандой крупных событий в нашей жизни, которые также были связаны с разоблачением американской разведки за рубежом.

Дело «У-2»

В комплексе операций по обмену нашего разведчика на разведчика противника, разоблачённого у нас, участвовала и служба активных мероприятий. В конце пятидесятых годов в США уже несколько лет в заключении находился блестящий наш нелегал полковник Рудольф Абель. Руководство разведки и КГБ постоянно искало случая вырвать Абеля и вернуть его на Родину. Но случай не подворачивался.

И вот, 1 мая 1961 года к главе правительства Н. Хрущёву прямо на трибуне мавзолея В. И. Ленина, где Хрущев и другие руководители страны приветствовали демонстрантов, проходящих по Красной площади, подошёл помощник и что-то сообщил на ухо. Помощник сообщил, что где-то в приволжском районе в центре России сбит нашей ракетой американский разведывательный самолет У-2, который уже не первый раз делал полёт через всю страну на высоте более 20 000 метров, вне досягаемости наших зенитных установок или самолетов. Американцы таким образом вели разведку наших глубоко тыловых целей в тех районах, куда не имели доступа ни дипломаты, ни технические средства. Самолет был сбит нашей ракетой, но, что ещё важнее, лётчик-шпион остался жив и был захвачен. Как стало известно, ракета, удачно посланная нашей зенитной батареей, разорвалась близко от самолета, и от удара волной или от попадания осколка самолёт начал разваливаться. Лётчик, опытнейший ас, сумел на высоте в 22 000 метров катапультироваться, не замерзнуть, в нужное время

раскрыть парашют и приземлиться на колхозном поле, где его и задержали работавшие неподалёку колхозники. Лётчик в тот же день был доставлен в Москву.

В это же время, а именно на начало мая, была намечена встреча «в верхах». Президент США Дуайт Эйзенхауэр должен был встречаться с Хрущёвым в Париже. И весь мир ждал этой важной встречи в разгар «холодной войны».

Наше очень резкое заявление по поводу полёта У-2 сразу поставило под вопрос встречу лидеров двух стран. Эйзенхауэр уже прибыл в Париж. Факт, что американский лётчик жив, не был придан гласности. ЦРУ заверило своего президента, что лётчик, конечно же, погиб, а самолёт на этой высоте развалился на мелкие части.

Президент, при таком заверении своей разведки и по её прямой подсказке сделал громкое заявление о «непричастности США к какому-то эпизоду с самолётом в СССР». Как же подставило ЦРУ своего президента, когда всё вскрылось, а встреча в Париже была сорвана на глазах у всего мира.

Через день Хрущёв выступил на специальном заседании Политбюро ЦК КПСС. Он рвал и метал по поводу двуличия и наглости американцев и, наконец, заявил, что шпиона-лётчика нужно судить в нашей высшей судебной инстанции, приговорить к смертной казни и повесить на Красной площади.

Последовало полное молчание, и взоры всех присутствующих обратились к Руденко Роману Андреевичу, Генеральному прокурору страны. Он не был членом Политбюро партии, но был приглашён именно на это экстренное заседание.

Руденко, очень грамотный юрист, уравновешенный и спокойный человек, поднялся и сказал: «Закона нет. Нет закона». «Как нет закона? — не мог остановиться Хрущёв. — Напишите закон!». Указание повисло в воздухе, так как это уже не относилось к Генеральному прокурору. На другой день Хрущёв пригласил одного Руденко и попросил изложить возможные предложения.

Руденко подготовился, он уже был на допросах Пауэрса, так звали захваченного лётчика, и коротко изложил свои предложения. Так как Пауэрс шёл на сотрудничество со следствием, ничего особенно не скрывал и сообщил, что работал на ЦРУ по контракту, с задачей пролететь из Ирана в Норвегию на самолете У-2, постоянно фотографируя на полуавтоматических аппаратах территорию СССР по всему маршруту. Руденко предложил провести открытый процесс над американским

шпионом в Москве, пригласить на заседание суда семью Пауэрса и любых журналистов для широкого освещения всех перипетий дела в советской и мировой печати. Хрущёв был на этот раз спокоен. Задал несколько вопросов и полностью согласился с предложенным вариантом развития дела. Он заявил, что решение о суде будет принято, но непременным условием является то, что обвинителем на процессе будет Руденко, а все возникающие вопросы будут докладываться ему лично, Хрущёву. Вскоре о деле У-2 и о лётчике-шпионе Пауэрсе было широко объявлено в печати, и была назначена дата суда в Колонном зале Дома Союзов. В Москву приехали жена и отец Пауэрса, а так же один или два американских адвоката, которые даже и не собирались выступать на суде. В Парке культуры и отдыха им. Горького была открыта выставка обломков самолёта (то, что сумели собрать). Процесс проходил, с нашей точки зрения, очень успешно. В своей речи прокурор заклеил американцев и их двуличную политику и в деталях рассказал о шпионской операции У-2 и базах ЦРУ в Норвегии и Иране. Пауэрс ничего не отрицал и ясно отвечал на все вопросы суда. Приговор ни у кого не вызвал сомнений, но был для нашего суда мягким — 7 лет тюремного заключения.

Прошло какое-то время, и наши товарищи провели первый зондаж через юристов, имевших отношение к делу Абеля, в том числе через известного адвоката Донована, который защищал Рудольфа Абеля в американском суде, о возможном обмене Пауэрса на Абеля. Донован проникся к Абелю большой симпатией, о чём писал в своей книге. Он охотно взялся за разрешение вопроса об обмене. Переговоры — вначале тайные, а затем открытые — оказались довольно сложными. И наконец, все детали обмена, вплоть до места, точного времени, гарантий и т. д., были согласованы, и обмен состоялся по всем правилам детективного сценария. Абель, к радости родных и товарищей, вернулся в Москву. Он ещё долго работал в разведке и был с почётом похоронен. Кто пожелает, может поклониться его могиле на Донском кладбище, его могила находится недалеко от центрального входа.

Пауэрс прибыл в Штаты, получил очень большой гонорар, оплату по контракту с ЦРУ за всё время его работы и заключения в тюрьме. Но, увы, от него за это время ушла жена, но ещё хуже то, что через пару лет он погиб в автокатастрофе. Наши специалисты говорили, что ЦРУ — не та служба, которая может простить такую «пощёчину», которую она получила по делу «У-2».

Служба активных мероприятий поддерживала постоянный контакт с разведками соцстран. В развитии этого направления в работе я побывал в Болгарии, в Чехословакии и Венгрии. Наши отношения были самыми дружескими, и проблемы взаимодействия решались сравнительно легко. Расскажу о примере такого взаимодействия с венгерской службой госбезопасности. Венгерская разведка получила серьёзные документальные свидетельства о подрывной деятельности ЦРУ США против их страны, как в среде многочисленных венгерских эмигрантов, так и непосредственно на территории Венгрии. Помню, что мы смогли дополнить материалы венгров имеющимися у нас фактами и документами. На этой базе созрел план предания этих материалов гласности и проведения пропагандистской кампании по разоблачению подрывной деятельности американских спецслужб. В то время такая акция представлялась для венгерского правительства очень актуальной. Венгры решили начать осуществление задуманного с разрекламированной пресс-конференции министра государственной безопасности страны и обратились к нам с просьбой прислать специалиста для её подготовки. Должны были быть задействованы наши материалы и имеющиеся у венгерской стороны. Выбор выпал на меня. В течение нескольких дней я с участием венгерских товарищей и переводчиков готовил как сами материалы, так и тезисы выступления министра. Далее были проработаны вопросы, которые должны были быть поставлены на пресс-конференции, и ответы на них, а также продуманы возможные вопросы, которые могли возникнуть в ходе пресс-конференции, и варианты ответов на них. Подготовка была окончена, и я отбыл в Москву, так как дата проведения мероприятия ещё не была определена. Через несколько дней я уехал в отпуск в один из крымских санаториев. Прошла ещё неделя, и однажды утром меня на пляже нашёл сам директор санатория, объяснив, что мне приказано срочно прибыть в Москву и что билет для меня заказан на ближайший рейс самолёта, и машина на Симферополь меня ждёт. Я позвонил в Москву по «ВЧ» И. Агаянцу. Он просил прямо с самолёта заехать на службу и в этот же день вечером вылетать в Будапешт. В Москве выяснилось, что венгерский министр просил, чтобы сотрудник, который готовил материалы, находился непосредственно в штабе подготовки и работы его пресс-конференции. Он получил пояснение от своих подчинённых, что это можно осуществить в столь короткий срок (конференция должна была состояться через день)

только по его личному министерскому каналу, т. е. его звонком председателю КГБ Ю. Андропову. Звонок состоялся — и машина завертелась. Это, пожалуй, и был единственный вариант быстро получить все санкции, документы и улететь в тот же день.

Я занял место в самолёте венгерской компании в самой гуще пассажиров, и мы взлетели. Стюардесса пошла по рядам, задавая одни и те же вопросы: «Вы из группы? Вы из делегации?», и получала повсюду положительные ответы. Наконец подойдя ко мне, назвала меня по фамилии и, убедившись, что я — это я, пригласила меня в пустой салон первого класса и заявила, что это приглашение командира корабля, который меня просит с ним поужинать. Были накрыты столики, вышел командир корабля, выпил со мной рюмку вина, и, пожелав приятного полёта, оставил меня в компании стюардесс. Они ухаживали за мной как могли, предлагали разные вина и закуски. Уже в Будапеште я узнал, что шеф венгерской контрразведки, к которому в помощь я летел, дал через авиационное начальство команду к такому тёплому приёму меня на борту лайнера.

Конференция прошла успешно. Пресса на неё дала отличные отзывы. Я сидел в спецкомнате с переводчиком и следил за ходом событий. На второй день, проанализировав результаты, я предложил венграм написать специальную записку в Политбюро партии с анализом и этим подвести итоги мероприятия, как это было принято у нас. Для венгерских товарищей это было новинкой. И когда я взялся написать такую записку сам, все восприняли это с радостью. Написанная мною записка была переведена, отредактирована и доложена министру. Ему эта идея очень понравилась. После успешного доклада записки генсеку партии меня пригласили, поблагодарили и передали письмо с благодарностью в Москву. Естественно, венгры принимали меня наилучшим образом. Мне показали страну, конечно же, повезли в известные винные погреба, где я «сумел» определить при дегустации лучшее вино погреба и получил в подарок от директора винзавода ящик именно этого вина.

Бывали в нашем сотрудничестве с разведками соцстран и не столь успешные мероприятия, но на моей памяти отношения постоянно развивались в дружественном ключе и при полном согласии сторон.

Глава шестая

Советник представительства в Женеве

За время работы в службе «А» по роду моей деятельности я поддерживал активные контакты с Управлением внешней контрразведки «К» и 2-м Главным управлением КГБ (Контрразведка). Это и послужило базой предложению, которое я получил от Управления «К»: поехать заместителем резидента по линии «Кр» в Париж. Началось моё оформление и подготовка. Вопрос затянулся, французы формально не отказывали, но задерживали мне визу. Время шло, и насколько я помню, задержка перевалила за полгода.

Именно в это время в Женеве разразится «небольшой скандал». На Запад вместе с семьей «ушёл» молодой, но, как говорят, подающий надежды физик, работавший в Женеве в ЦЕРНе (европейская организация ядерных исследований). Тогда это стало «неприятной сенсацией», дело разбиралось в ЦК КПСС и анализировалось в КГБ. Вскрылись определенные слабости в нашей работе в Женеве в целом, и особенно по линии контрразведки. Было принято решение направить меня в Женеву. Одновременно был расширен штат резидентуры. Мне была предложена новая должность советника представительства СССР при отделении ООН в Швейцарии. После более чем полугодовой подготовки к поездке во Францию я быстро был оформлен и через две недели отбыл в Женеву.

Во время моей работы в службе «Активных мероприятий» возникла идея обобщить накопленный опыт разоблачения идеологических диверсий западных спецслужб. Начальник службы И. И. Агаянц идею поддержал и посоветовал написать небольшую монографию, выделив, в частности, успешное разоблачение «Записок Пеньковского». Через какое-то время книга мной была написана. Издать её предложила Высшая школа КГБ (теперь Академия ФСБ). Издательство назначило своего редактора. Им стал грамотный и высокопрофессиональный сотрудник, который «пригладил» шероховатости в рукописи, и книга была издана, конечно же, под грифом «секретно». Буквально на следующий день после принятия решения о моей командировке в Швейцарию ко мне в кабинет зашёл начальник кафедры разведки Института разведки (в дальнейшем Академия им. Ю. В. Андропова) Кравцов Евгений Иванович и без предисловий предложил мне защищаться на его кафедре. В качестве кандидатской

диссертации была выбрана моя вышеупомянутая книга, которую он получил и рассмотрел как очень подходящую для защиты монографию. Я сказал, что уезжаю в длительную командировку, и дата отъезда назначена через две недели. Кравцов тут же предложил, что саму защиту можно назначить на весну, т. е. через несколько месяцев, и на неё меня вызовут. Он пояснил, что от меня ничего уже не требуется, так как монография опубликована. Я должен только сдать экзамены «кандидатского минимума», всего четыре предмета: специальность, т. е. «разведка», иностранный язык, международное право и философию. «Разведка» будет сдана на кафедре Евгения Ивановича, иностранный язык и международное право (его надо сдавать, так как после защиты присваивается звание «кандидата юридических наук») также будут сдаваться в Академии, и только о сдаче философии я должен буду договариваться сам. Он был так убедителен, что я решил рискнуть и сдать необходимые экзамены до отъезда. С первыми тремя экзаменами всё прошло отлично, оставалась только философия. В нашей Академии в то время не было соответствующей комиссии. И тут я вспомнил, что у меня есть близкий знакомый профессор, заведующий кафедрой философии в одном из институтов Академии наук. Я позвонил ему, объяснил ситуацию и выразил свою просьбу о помощи в решении соответствующей проблемы. Он сразу назначил мне время экзамена — через один день, сказав, что первым вопросом будет работа Ленина «Государство и революция», а второй я должен назвать сам в рамках тематики моей монографии. Я тут же назвал ему вопрос — название моей книги — и получил на это его одобрение. Через день я уже был на комиссии. Она состояла из трёх человек: мой знакомый и две солидные дамы. Рассказав о работе Ленина (я успел проработать вопрос по Большой Советской энциклопедии), без дополнительных уточнений перешёл ко второму вопросу, и понятно, что здесь я был «на коне», к тому же рассказал ряд фактов и примеров, о которых члены комиссии не могли даже знать. Оценка была «отлично», и прилагалось письменное пожелание комиссии, чтобы я выступил с моим сообщением на заседании кафедры. Результаты экзаменов я передал Кравцову и вскоре выехал в Женеву. В июне того же года (1972) я получил телеграфное указание Центра приехать на пять дней в Москву для защиты диссертации. Весьма положительным фактором во время моей защиты было то, что моим главным оппонентом был начальник управления «К» (Внешняя контрразведка) генерал Бояров. Его выступление отличалось компетентностью и содержало хорошую оценку моей монографии. Защита прошла успешно, и через два дня я был уже в Швейцарии. По результатам

защиты я получил звание кандидата юридических наук. Кравцов был очень доволен всей операцией, но категорически возражал против моих попыток организовать застолье по поводу защиты, заявляя, что такое мероприятие может повредить ему лично.

Долгосрочная Женева

Я с семьей вылетел из Москвы в Женеву в середине февраля. Метель, мороз, полутёмная Москва, типичная февральская погода. В Женеву прилетели вечером. Помню, шёл дождь, и пока мы ехали из аэропорта, в окнах были видны только блестящие мокрые мостовые, освещённые, как всегда, обильным количеством фонарей. Вот и не верь после этого в приметы! Говорят же у нас: «Дождь в дорогу — к удаче». Мы разместились в новом доме представительства. Встретил меня чрезвычайно любезно, и даже по-дружески, резидент в Женеве Баранов, хотя мы раньше с ним знакомы не были.

Утром я проснулся рано, и, как сейчас помню, выйдя на балкон, был искренне поражён увиденным. Светило яркое солнце, ухоженная территория представительства выглядела по-весеннему, кругом виднелась ярко-зелёная трава. Выглядело всё это очень красиво и даже эффектно и контрастировало с московской картинкой. Как я ещё не раз убедился в дальнейшем, так выглядит вся Швейцария большую часть года.

На этот раз моей главной задачей являлось контрразведывательное обеспечение безопасности важных советских делегаций. За время моего пребывания в Швейцарии в Женеве по несколько лет работали такие ответственные делегации, как делегация на Совещании по стратегическим видам вооружения (ОСВ или, как называли ее во всем мире, САЛТ, от английской аббревиатуры), большая делегация на конференции по вопросам Европейской безопасности (я был включён в состав этой делегации), делегация на конференции ООН по морскому дну и множество советских делегаций на различных конференциях в многочисленных международных организациях.

Помимо этого в Женеве проходили важнейшие политические встречи: встреча министра иностранных дел Громыко с государственным секретарем США Киссинджером, совещание по Ближнему Востоку с участием министров иностранных дел заинтересованных государств и т. д. Отмечу, что основные совещания в кругах нашего представительства получали забавные прозвища: так, участников конференции по морскому

дну называли «подонки», а тех, кто работал на конференции за Европейскую безопасность, — «заебисты». Кроме того, в Женеве постоянно работал большой отряд международных чиновников — советских граждан, группы дипломатов и технического персонала нашего представительства при европейском отделении ООН и при других международных организациях.

Советская колония насчитывала до 800 человек. Один из моих друзей говорил так: «Хорошее место колонией не назовёшь». И в этом отношении он был прав. Специальные службы, в первую очередь американцев и их союзников, активно работали по изучению советских представителей в Женеве, не без основания считая, что они, и прежде всего международные чиновники, разбросанные по многочисленным организациям, были доступным материалом для вербовочной разработки или склонения к невозвращенчеству. В то время это стало «модным видом» деятельности западных разведок.

Действительно, советские граждане — служащие международных организаций жили полностью в иностранном окружении, находились, как правило, в зависимом от иностранных начальников положении по месту работы. Разница в материальном положении граждан в Советском союзе и Женеве была весьма существенной. По истечении нескольких лет работы за рубежом, в международных организациях, у советского гражданина патриотизм, в ряде случаев, тускнел, а недостатки жизни в нашей стране и недостатки самой нашей системы проявлялись в головах людей более выпукло.

Помню, какое брожение вызвало среди наших международных чиновников постановление ЦК об ограничении сроков пребывания советских граждан на работе в международных организациях. Сроки ограничивались четырьмя и для старших чиновников — пятью годами. Помню, как мой приятель, работавший на директорской должности в Международной организации труда, зашёл ко мне и просил поддержать просьбу многочисленных чиновников «расширить сроки пребывания за рубежом, конечно, для пользы дела и нашего государства». Он заявлял, цитируя какого-то нашего остряка: «Мы добьемся ленинских сроков пребывания в Швейцарии». Напомню, что Ленин пробыл в Швейцарии в общей сложности 8 лет. Теперь этот вопрос неактуален, так как большинство наших международных чиновников добиваются в своих организациях так называемого постоянного контракта, работают там до пенсионного возраста и во многих случаях стремятся остаться в стране, получая увесистую ооновскую пенсию.

Припоминаю несколько типичных эпизодов из жизни «советской колонии» в Женеве.

«Дело Балахонова»

Балахонов — бывший переводчик ЦК комсомола — прибыл переводчиком в Европейское отделение ООН. Он, видимо, сотрудничал в Москве с нашими внутренними органами, и мы получили рекомендации установить с ним контакт и в Женеве. Однако довольно скоро работавший со мной офицер безопасности нашего представительства Василий Окулов, опытный и исключительно грамотный разведчик, доложил мне, что установление какой-либо формы контакта с Балахоновым нежелательно.

Было отмечено, что он регулярно выпивает, если не сказать пьёт, в пьяном виде куражится, а его жена уж слишком рьяно занята покупкой всякого барахла на дешёвых распродажах и является типичной нашей мелкой хищницей. На это обращают внимание люди из окружения Балахоновых. Короче, этого неуравновешенного человека что-то толкнуло (как мы потом выяснили, испуг быть откомандированным из Женевы) на «невозвращенчество». Идиот, он ничего другого не придумал, как обратиться с просьбой о политическом убежище к швейцарцам. И если, как хорошо известно, американцы подбирали всякий, даже «прогнивший» товар, то швейцарцам такой «политический эмигрант» был вовсе не нужен.

Швейцарцы вывезли Балахоновых в небольшой городок Фрибург, поселили в дешёвую гостиницу, приставили к ним примитивную охрану и стали «допрашивать». Балахонов, собственно, ничего серьёзного швейцарской контрразведке сообщить и не мог. Он попытался высказать подозрения в отношении нескольких сотрудников нашего представительства как о разведчиках, но, видимо, всё это выглядело примитивно и неубедительно.

Со своей стороны, МИД и Советское посольство выступили с соответствующими нотами, требуя сообщить судьбу Балахоновых, а через несколько дней, когда выяснилось, что они находятся в Швейцарии, посольство и представительство потребовали встречи с ними. Швейцарцы упрямо молчали и во встрече отказывали. Случилось так, что нам стало известно, что жена Балахонова не только испугана, но и активно недовольна всем происходящим. Имея кучу родственников в Москве и вполне обустроенную жизнь, она никак не могла быть в восторге от пребывания в третьеразрядной гостинице в отсутствие всякой

положительной перспективы. Советская сторона продолжала настаивать на встрече с Балахоновыми, заявляя, что их удерживают против воли.

Совпало так, что прямо в эти дни в Берн должна была прибыть советская правительственная делегация во главе с заместителем министра иностранных дел Ковалёвым. Эпизод с Балахоновыми в то время хотя и не представлял особо серьёзной проблемы, но был неприятным. Наш центр в строгой форме запросил от меня детальное объяснение по всему делу. Мы, естественно, изложили нашу версию по делу и характеристику Балахонова, подчеркнув, что уже сообщали о том, что отказались сотрудничать с ним в условиях Женевы.

Моё начальство в Москве, как мне потом стало известно, с удовольствием восприняло эту информацию и представило соответствующий доклад в КГБ. Одновременно я настаивал на том, чтобы поручить главе советской делегации Ковалёву потребовать у швейцарцев на высшем уровне разрешить встречу советских представителей с Балахоновыми. По линии Министерства иностранных дел с таким же предложением перед МИДом по нашей просьбе выступила посол Миронова, глава представительства в Женеве.

Наша уверенность в пользе такого демарша базировалась на имевшейся у нас информации о том, что жена Балахонова готова вернуться в Москву и просто не знает, как к этому подступиться. Предложение было принято, и в директиву Ковалёва был включён пункт по Балахонову. Со слов самого Ковалёва мне позднее стало известно, что он делал это заявление в достаточно жёсткой форме, подчеркнув, что требует встречи советских представителей как с Балахоновым, так и с его женой. Заявление было сделано самому президенту Швейцарии. Президент выразил удивление, сказал, что различных эмигрантов в Швейцарии всегда было достаточно, что он якобы не в курсе дела Балахоновых, и стоит ли этому вопросу придавать серьёзное значение? На это Ковалёв заявил, что всё, что он говорит господину президенту, он говорит от имени советского правительства, и это не может не носить самого серьёзного характера.

Нам стало известно, что швейцарское руководство и сам президент выразили недовольство по делу Балахоновых высшим чинам швейцарской полиции, указав, что дело того не стоит и его следует закрыть в самые сжатые сроки. Но всё осложнялось тем, что Балахонов просил политического убежища, а решение такого вопроса требовало сложной процедуры.

Швейцарцы нашли более простой выход из создавшейся ситуации. Не давая «добро» на встречу с Балахоновыми, они, уж не знаю каким образом,

дали возможность мадам Балахоновой уйти из охраняемой гостиницы и явиться вместе с дочерью в наше посольство в Берне. Мы, естественно, по её просьбе первым же самолетом отправили Балахонову и ребёнка в Москву.

Буквально через два дня в посольство явился «в растрепанных чувствах» сам Балахонов. В Берн из Женевы направился наш офицер безопасности, который должен был проводить Балахонова в аэропорт в Цюрих. Швейцарцы для соблюдения формальностей должны были перед посадкой в наш самолёт ещё раз публично (при отправлении Балахонова присутствовало несколько журналистов) спросить его, добровольно ли он покидает Швейцарию. Буквально в последний момент в толпе людей, находившихся вокруг Балахонова, появился человек, который задал этот сакраментальный вопрос.

Всё это было сделано швейцарцами откровенно формально, а может быть и вообще для отвода глаз. Курьёз состоял в том, что вопрос по ошибке был задан не Балахонову, а нашему Василию Окулову, офицеру безопасности. Вася, не моргнув глазом, на своём хорошем французском языке ответил, что это его решение «добровольное и окончательное».

В Москве, естественно, было заведено уголовное дело, и Балахонова должны были предать суду. Но руководство КГБ, учитывая, что какой-либо значительной информации, наносящей ущерб Советскому Союзу, Балахонов передать не мог и, в конце концов, возвратился в Союз добровольно, приняло решение ходатайствовать о прекращении уголовного дела, и Балахонов был отпущен на все четыре стороны.

Этим дело у Балахонова не закончилось. Всё-таки порок должен быть наказан. Через пару лет он, находясь в хорошем подпитии, подсел в ресторане «Метрополь» к группе кубинцев. Хорошо зная язык, Балахонов стал объяснять кубинцам пороки советского строя. «В пылу дискуссии его разоблачения» наших недостатков становились всё более громкими, и кончилось тем, что молодые кубинцы, воистину настоящие защитники идей социализма, сдали Балахонова в милицию, оставив заявление о том, что он пытался вести среди них антикоммунистическую и антикастровскую пропаганду. Сейчас это смешно, но Балахонова отдали под суд. И районный суд города Москвы, с учетом, видимо, закрытого ранее дела по измене Родине, осудил Балахонова на длительный срок заключения. Обстановка в стране менялась. Как мне стало известно, Балахонов писал многочисленные письма в ООН и в различные правозащитные организации, и в конце концов, кажется, «Международная амнистия» выступила в прессе в защиту Балахонова, и через несколько лет он всё же

был отпущен ещё раз на свободу.

Я упомянул уже в деле Балахонова о Зое Васильевне Мироновой, после и представителе СССР в Женеве. Скажу сразу, что у меня с ней установились самые добрые деловые и, можно сказать, дружеские отношения. Я считаю, что добрый деловой контакт с руководителями наших заграничных учреждений, если это порядочные люди, всегда способствует успеху разведывательной работы.

С Зоей (так мы её звали), хотя ей было под 60 лет, такой контакт установился у меня почти сразу. Это помогало нам в решении целого ряда вопросов, как бытовых, так и оперативных. Углублению моих отношений с Зоей способствовал такой забавный случай. Проработав в Женеве несколько месяцев, я, как упоминал уже ранее, был вызван в Москву для защиты диссертации на звание кандидата юридических наук. Начальство отнеслось к этой затее положительно, и я получил указание прибыть в Москву на несколько дней.

Моё кратковременное пребывание в Москве подходило к концу, и я решил засвидетельствовать «своё почтение» руководству Отдела международных экономических организаций МИДа, «под крышей» которого я и работал в Швейцарии. Я знал заведующего отделом Нестеренко и был приглашён к нему, когда в его кабинете находились его замы и еще один-два советника из отдела.

В разговоре Нестеренко, а он был куратором женевского представительства, стал громко ругать работу Мироновой, говоря, что она немного понимает в возникающих в международных организациях проблемах и совершенно не даёт лично ему подготовленной информации. Я испытывал к Зое Васильевне Мироновой искреннюю симпатию, не был зависим от Нестеренко и поэтому заявил, что в Женеве есть десяток советников и несколько десятков других дипломатов и директоров из международных организаций, и что если каждый из них напишет в месяц хотя бы одну-две информации, то прочесть всё это будет просто невозможно.

«У Мироновой есть одно бесценное качество, — сказал я. — В большой и пёстрой советской колонии в Женеве нет никакой склоки, которая присутствует во многих наших посольствах и заграничных представительствах, коллектив работает дружно, а сама Миронова пользуется большим авторитетом, как у руководства международных организаций, так и в женевских дипломатических кругах».

Прошло немного времени, и нашёлся неизвестный мне доброжелатель, который сообщил об этом разговоре в Москве самой Зое, и она возлюбила

меня, видимо, пуще прежнего, прямо сказав как-то, что она знает, кто является её настоящим защитником перед «московскими врагами».

Не могу не рассказать ещё об одном любопытном эпизоде. Место советского представителя в Женеве присмотрел для себя начальник управления кадров МИДа и, естественно, его оформление и, соответственно, замена Мироновой стали набирать темпы. Зоя узнала об этом, такие вещи долго тайными не бывают, и под каким-то предлогом отправилась в Москву.

В Москве она попросилась на приём «к серому кардиналу» того времени в нашей стране — Суслову. Влияние Суслова было очень велико, он был вторым человеком в Политбюро и, курируя вопросы идеологии и зарубежного рабочего движения, как бы косвенно патронировал наше участие в работе Международной организации труда МОТ, находящейся в Женеве.

Доклад по поводу нашего участия в работе МОТ и послужил для Зои предлогом попасть на приём к Сулову. Доложив Сулову «о наших успехах» в МОТ, Зоя в завершение беседы заявила, что хочет попрощаться с Михаилом Андреевичем, так как покидает свой пост в Женеве. Суслов, «который должен был всё знать», выразил удивление, так как новость для него была неожиданной. Известно, что после ухода Зои Суслов позвонил лично министру иностранных дел Громыко и сказал, что ему кажется странным, «что в Политбюро не известно ничего о замене единственной советской женщины-посла». Он якобы добавил, что хотел бы знать те веские основания, на базе которых Миронову решено заменить, тем более, как ему известно, она хорошо справляется со своими обязанностями.

Говорят, Громыко был в ярости от этого разговора и заявил тому же начальнику управления кадров, чтобы больше никто о замене Мироновой с ним никогда не говорил. Зоя пробыла на своём посту в Женеве 14 лет и ушла на пенсию действительно по состоянию здоровья.

Специфика работы разведки в Швейцарии заключается в том, что эта страна серьёзно отличается от других стран особой дисциплинированностью швейцарцев, я бы сказал — их гражданской бдительностью. Мы с этим в нашей работе сталкивались очень часто. Был период, когда по всей Швейцарии на автобусных остановках, на вокзалах и просто на улицах висели большие постеры с изображением либо солидного, убелённого сединой мужчины, либо молоденькой девушки, либо молодого человека, и большими буквами было написано: «Проявляй бдительность, позвони!», — и далее шёл номер телефона полиции.

Как-то в представительство на летнюю практику приехал как

слушатель дипломатической академии МИДа наш сотрудник. Он был хорошо законспирирован, был из набора в академию с периферийных служб КГБ, о его принадлежности к нашей службе знало только руководство резидентуры. В доме представительства была небольшая гостиница, и наш парень поселился там. К вечеру он был приглашён на ужин к одному из сотрудников представительства. Выпили, и «наш парень» после возвращения в гостиницу, не находя себе места, решил отправиться гулять по городу.

Перелезая через забор, он порвал свои джинсы. Через забор он полез, видимо, потому что не хотел в подвыпившем состоянии проходить мимо дежурного на проходной. Побродив по городу и заблудившись, захотел «отдохнуть». И ничего лучшего не придумав, как он потом объяснял, решил поспать пару часов в одном из припаркованных на улице автомобилей и начал пробовать, какой из них открыт. Хотя улица и была совершенно пустынна, нашёлся бдительный швейцарец и сообщил о подозрительном человеке.

Полиция явилась моментально, и наш здоровый парень был скручен полицейскими и в наручниках доставлен в комиссариат. Растерзанный вид и особенно рваные джинсы не располагали полицейских к деликатному обращению, и он был помещён в камеру без стульев и кровати. Наш парень по глупости к тому же стал выдавать себя за испанца, надеясь, что его пребывание в полиции не станет известно в представительстве. Часам к трём ночи он, достаточно протрезвев, попросил свидания с дежурным и рассказал ему, что он сотрудник советского представительства. Из полиции около четырёх ночи позвонили в представительство нашему офицеру безопасности, который тут же доложил мне о происшествии.

Я «тихо ахнул» и попросил офицера как можно быстрее забрать нашего парня из комиссариата, а в 5 часов утра уже разговаривал с «героем» в представительстве. Я не сомневался в правдивости его рассказа, тем более что полицейские каких-то особых претензий к парню не предъявляли, указав только, что он был без документов, в нетрезвом виде, пытался скрыть свою личность и мог нарушить общественный порядок.

Мы в самом спокойном тоне доложили в центр о приключении нашего парня. Указание из центра поступило быстро, было однозначным: «Отозвать, отправив ближайшим рейсом Аэрофлота». Знаю, что его отчислили из Дипломатической академии и отправили обратно к себе на периферию. Жалко парня! Но думаю, что в нашем деле иначе нельзя.

Наши возможности по получению информации о действиях специальных служб противника против советских граждан несколько

расширились, и это позволяло проводить не только оборонительные мероприятия, но и в некоторых случаях наступать. Советская колония хотя и состояла из образованных, хорошо подготовленных и в абсолютном своём большинстве приличных и порядочных людей, но различного рода происшествия довольно часто могли давать почву для провокационных действий противника, а в отдельных случаях это и имело место. Чтобы закончить со швейцарской полицией, расскажу о двух эпизодах.

Поздно вечером нашему офицеру безопасности поступило сообщение о том, что полицией задержан крупный советский международный чиновник. Сообщение было сделано руководством полицейской службы, а не просто дежурным по комиссариату. Василий Николаевич, наш офицер безопасности, к полуночи привёз в представительство виновника беспокойства. Это был сотрудник МИДа, достаточно высокого ранга, короче говоря, речь шла о типе, назовём его Иванов, который проводил «сеансы» эксгибиционизма. На голое тело у него было надето московское длинное пальто (дело было осенью), и он в одном из значных мест Женевы (скажу сразу, что таких мест в Женеве совсем немного) демонстрировал «свои достоинства» двум-трём барышням, которые дежурили в это время на улице.

Естественно, они сообщили в полицию; естественно, полиция взяла его «под белы ручки» и доставила в комиссариат. Его тщательно обыскали, подозревая, что он наркоман, так как Иванов был, конечно, возбуждён, но не пьян. В разговоре, уже в представительстве, он откровенно рассказал о случившемся, подчеркивая, что это у него какое-то наваждение, происходящее с ним, когда нет жены. Его жена действительно в это время находилась в Москве. Мы успокоили Иванова и по самым закрытым каналам сообщили в наш центр. Нам пришлось разбираться по возникшему вопросу с руководством женевской полиции, и мы получили чёткое разъяснение, что хотя речь со всей очевидностью идёт о психическом заболевании, но действия нашего человека подпадают под статьи Уголовного кодекса (нарушение общественного порядка и т. д.). Офицеру безопасности удалось договориться, чтобы полиция замяла дело; в то же время мы получили достаточно ясный намёк, что Иванову следовало бы покинуть Швейцарию, так как он наверняка будет находиться под более пристальным наблюдением и при повторном инциденте попадёт под уголовное разбирательство, и огласки избежать не удастся. Мы решили проинформировать обо всём центр, считая, что Иванову следует уезжать, хотя как это объяснить, имея в виду деликатность ситуации, в Москве и в международной организации, никто не знал.

На наше решение повлиял тот факт, что мы знали, что на уровне руководства между швейцарской и американской специальными службами существует контакт. Сам случай, серьёзно дискредитирующий нашего заметного чиновника, несомненно, станет известен и американцам. В то время американские спецслужбы часто в достаточно грубой форме использовали и значительно менее серьёзные промахи наших граждан.

Миронова, со своей стороны, написала личную телеграмму министру, и руководство МИДа, без нашего участия, приняло решение срочно отозвать Иванова.

Различных эпизодов с советскими гражданами, которые могли закончиться либо скандалом, либо провокацией, было немало. Например, жена одного из наших заметных членов правительственной делегации, долгое время до этого вместе с мужем находившаяся в командировках за рубежом, была поймана с поличным в одном из дорогих магазинов за кражей какой-то галантереи. Её захват был проведён весьма квалифицированно и задокументирован полицией с участием соответствующих свидетелей. Мадам, понимая, что отпираться невозможно и что это грозит большим скандалом, заявила в присутствии официальных лиц, что если о её проступке станет известно советскому представительству, она покончит жизнь самоубийством и обвинит в этом швейцарские власти.

Швейцарцы, в типичной для них манере, приняли решение отпустить её, заверив, что не будут предпринимать шагов для огласки её поступка. Однако на неофициальном уровне поставили нас в известность и по просьбе офицера безопасности ознакомили с материалами дела. Посоветовавшись с Центром, мы приняли решение проинформировать о случившемся лично главу делегации, как бы тем самым возложив на него ответственность за возможную огласку случившегося, что было бы очень некстати на завершающейся стадии работы одной из важнейших международных конференций. Глава делегации принял правильное решение, откомандировав в Москву и жену, и, соответственно, мужа. В дальнейшем нам стало известно, что эпизод с мадам не был случайностью, что мелкие кражи в магазинах она практиковала и раньше.

Особая бдительность швейцарцев проявилась ещё в одном серьёзном оперативном эпизоде. Наш работник после тщательной проверки вышел на место встречи с проезжающим транзитом через Швейцарию нелегалом нашей службы. Встреча была «основной», и наш работник должен был выходить на место встречи два раза в неделю, так как точная дата приезда нелегала была неизвестна.

Дело в том, что место было выбрано удачно: тихая улочка с несколькими магазинами, но правда, в сотне метров было отделение маленького банка типа нашей сберкассы. На первый взгляд, всё было спокойно, но в этот день наш работник выходил на встречу уже в третий раз, и самое главное — шёл мелкий и упорный дождь. Наш работник оказался к тому же ещё и без зонта. Пробыв несколько минут на месте встречи, прижимаясь к какому-то подъезду, он явно привлек к себе чьё-то внимание. Благо, нелегал и на этот раз не вышел на встречу, и наш работник благополучно покинул место встречи и отправился к своей машине, а затем — на машине в представительство. Он был опытный разведчик и в самом начале своего возвращения заметил за собой наружное наблюдение; дополнительная проверка с его стороны подтвердила возникшие опасения. Можете представить, какое беспокойство вызвало наше сообщение в Центре.

Естественно, возникло сразу несколько версий: то ли наружку привёл за собой наш сотрудник, и тогда место встречи провалено, то ли место встречи взято под наблюдение, так как противник получил информацию с другой стороны и пытался выяснить, с кем должна проходить встреча нелегала. Тогда где утечка?

Нашими усилиями мы смогли убедиться, что сотрудник резидентуры попал под наружку, так как полиция получила сообщение о странном поведении незнакомца от одного «из бдительных швейцарцев». Было решено, что встречу на этом месте проводить нельзя, и Центр с нашим участием принял серию мер, чтобы перехватить нелегала до прибытия в Женеву. Хорошо, что всё закончилось благополучно.

Осложнение внутривнутриполитической обстановки в нашей стране и ухудшение морального климата чувствовалось и в специальных службах Советского Союза. К этому времени по миру уже прогремели несколько предательств наших и военных разведчиков. Бог миловал: в нашей женевской резидентуре подобрался хороший работоспособный коллектив, состоявший из очень порядочных и преданных Родине людей. Я пишу это не для красного словца, так как уверен, что преданность Родине в любой спецслужбе, а в нашей особенно, является важнейшим элементом успешной работы. Несомненно, именно работа разведчика является передним краем борьбы ведущих, а часто и малых стран. Эта борьба постоянно присутствует и будет присутствовать, несмотря на серьёзные политические изменения, в частности, в нашей стране, так как речь идёт не только о сиюминутных интересах, а о геополитических проблемах, которые были и остаются на повестке дня в мире. Измена в разведке — это

страшный бич, перечёркивающий нередко многие годы упорной работы и выводящий за рамки активной службы десятки, а то и сотни опытных разведчиков.

Не миновала чаша сия и Женеву, правда, не нас, а наших «дальних соседей», т. е. резидентуру Главного разведывательного управления Генштаба армии (ГРУ). Изменил Родине молодой сотрудник резидентуры ГРУ Виктор Резун. Он работал под прикрытием младшего дипломата в нашем представительстве. В принципе, своё контрразведывательное обеспечение и вопросы безопасности работы ГРУ решает самостоятельно и только в совершенно определенных случаях контактирует и взаимодействует с разведкой Государственной безопасности. Резун, который сейчас достаточно широко известен как автор политизированных книг о военной разведке («Ледокол») и об истории нашей страны под псевдонимом Суворов, был завербован противником в Женеве. Хочу сразу сказать, что его версия (поддержанная западной пропагандой), что он бежал на Запад по политическим мотивам, является вымыслом.

Как выяснилось позднее, Резун, являясь филателистом, попал в поле зрения агента английской разведки на этой основе. Филателией более-менее серьёзно заниматься без денег нельзя, а у Резуна, как у мелкого советского дипломата, денег, конечно, не было. Это и послужило зацепкой для английской разведки. У одних филателия — это любительский интерес, у других — это страсть. «Коготок увяз — всей птичке пропасть». Завербовав Резуна, англичане вместе с американцами возлагали на эту вербовку большие надежды, но Резун, как и основная масса людей в его положении, был всё время в большом напряжении и находился на грани нервного срыва. И вот как это всё произошло. Он случайно, находясь в соседней комнате, услышал разговор своего резидента о том, что соседи, т. е. КГБ, планируют тайный вывоз из Женевы какого-то человека. И хотя никаких намёков на кого-либо из военной резидентуры, и тем более на самого Резуна, не было, он в силу своего психического состояния всё услышанное гиперболизировал и решил, что речь идёт о нём; бросился домой, быстро собрал семью и кое-какие манатки. Жену не надо было уговаривать — она была из прибалтов и изначально была настроена против советской власти.

У Резуна, как у завербованного агента, была на случай чрезвычайных обстоятельств конспиративная квартира недалеко от Женевы в маленьком городке Нионе. И в этот же вечер он был уже там, «у своих друзей». Очевидно, его хозяева пытались его успокоить и уговаривали вернуться, так как быстро поняли, что Резун просто перепуган и что возможные

подозрения к нему не относятся. Ведь он им нужен был, прежде всего, в Москве. Утром следующего дня Резун, уже из Ниона, позвонил в представительство дежурному охраны — офицеру-пограничнику и стал выяснять, ищут ли его и спрашивал ли кто-нибудь о нём. Он получил, естественно, отрицательный ответ. В половине девятого утра он вновь позвонил с тем же вопросом. Ответ вновь был отрицательным.

В начале десятого, когда представительство уже начало работать, Резун позвонил в третий раз и, получив такой же отрицательный ответ, вдруг закричал в трубку: «Да ты ничего не знаешь, ищут меня повсюду, всех уже мобилизовали на мой поиск!» — и повесил трубку. Всплеск этой истерики был ответом на уговоры его хозяев и отрезал ему пути отступления. Резуна вывезли в Англию, где он и находится по настоящее время. Естественно, он был приговорён в Москве к смертной казни, как изменник и офицер, нарушивший присягу. Надеюсь, что приговор не отменён и до настоящего времени.

Рассказанные выше эпизоды являлись составной частью моей работы в Женеве, но главное направление в этой работе, как и вообще в работе разведки, было другое. В первую очередь — это вербовочная работа по приобретению источников информации, а прямо говоря — расширение агентурного аппарата разведки. Вербовочная работа — наиболее сложная и ответственная часть деятельности разведки. Ведь по большому счёту только приобретение источников информации, а главное — ценных источников информации, т. е. людей в важных учреждениях главных стран, может решать принципиальные задачи разведки.

Примеров тому много, в том числе и в работе против спецслужб противника. Достаточно напомнить о таких наших помощниках, как Филби или Блейк в своё время. Нельзя не упомянуть прогремевшее совсем недавно дело сотрудника ЦРУ Эймса, который передал в руки нашей службы информацию фактически обо всей деятельности резидентуры ЦРУ в Москве и обо всех агентах ЦРУ, приобретённых у нас в стране за долгие годы.

О конкретных делах по вербовочной работе в Женеве я писать не могу, объектами этой работы являлись люди, имеющие положение в обществе, семьи, и их имена не должны быть раскрыты никогда.

Наша оперативная работа в Женеве заключалась также в работе с двойниками и подставами противника, в выполнении заданий центра по работе с агентами, находящимися в Швейцарии транзитом, с изучением и разоблачением сотрудников и агентов разведки противника. Однако следует сказать, что определенной частью работы разведчика за рубежом является

его работа со связями.

Понятно, что работа со связями решает две основные задачи. С одной стороны, разведчик должен иметь круг знакомств и связей, как и любой активный дипломат, и таким образом не выделяться из числа наших официальных представителей за рубежом. С другой стороны, связи, особенно когда они приобретают доверительный характер, а люди занимают достаточно интересное для нас положение, могут быть полезны для получения нужной, а иногда и важной информации. Эта информация важна для знания оперативной обстановки в стране, а часто и для решения задач по основным направлениям деятельности разведки.

Я с удовольствием хочу упомянуть несколько таких связей. В принципе, моё положение в Женеве позволяло иметь связи в самых различных кругах, и я активно этим пользовался. Курируя по линии нашего представительства несколько международных организаций, таких как Межпарламентский союз, Комиссариат ООН по делам беженцев и др., я имел в этих организациях полезные контакты.

Особенно хочу остановиться на контакте с Верховным комиссаром ООН по делам беженцев, в то время им был принц Садруддин Ага-хан. Мой официальный контакт с ним по его ведомству довольно быстро превратился в устойчивую связь, которая продолжалась во время всей моей командировки в Женеве. Ага-хан — миллиардер, получавший в ООН символическую зарплату в размере одного доллара в год, был в ооновских кругах Женевы заметной фигурой, но главным в моих отношениях с ним были его личные качества. Человек недюжинного ума и широких взглядов, хорошо относившийся к Советскому Союзу, был мне лично очень симпатичен, и встречи с ним всегда проходили интересно. Контакт был полезен для понимания общеполитической обстановки вокруг различных международных проблем и, я надеюсь, приносил взаимное удовольствие. Ага-хан — сын известного в своё время председателя Лиги Наций, возглавлявшего её перед Второй мировой войной, ещё более известного, как Верховный глава крупного ответвления в мусульманской религии, определяемого как исмаилизм. Исмаилитов насчитывалось более 80 миллионов, главным образом в Иране, Пакистане, в некоторых странах Ближнего Востока и Судане.

Этот высокий религиозный ранг в мусульманском мире унаследовал сводный брат Садруддина, сын от первой жены Ага-хана-отца — персиянки. Садруддин же являлся сыном француженки, и это, несомненно, отразилось как на его внешности, так и на характере. Садруддин Ага-хан проживал в Женеве на противоположном от дворца ООН берегу

Женевского озера в старинном замке, внутри, конечно, с современным интерьером.

В начале 70-х годов Ага-хан был женат на известной английской модели Нине Шейл Дьер, которая до него была женой барона фон Тиссена, главного наследника германского «металлургического королевства». Тиссен известен в Швейцарии знаменитой виллой «Фаворит» в Лугано. На этой вилле находится картинная галерея мирового значения. Незадолго до моего знакомства с Ага-ханом случилось несчастье — его жена покончила с собой. Заметим также, что, будучи длительное время заместителем Генерального секретаря ООН, Агахан претендовал на роль нового секретаря и даже выдвигал дважды свою кандидатуру на выборах на эту должность.

Мидовские чины в Москве относились в то время к Агахану, на мой взгляд, незаслуженно предвзято, считая его недостаточно серьёзной фигурой и даже называя плейбоем. В этом отношении не последнюю роль сыграла история с женитьбой на вышеупомянутой английской манекенщице.

Мои же отношения с Ага-ханом развивались самым положительным образом, я бывал у него на различных приёмах, но чаще всего встречался с ним один на один либо в его доме, либо в одном из женевских ресторанов. Конечно, в манерах и образе жизни Ага-хана было много специфического. Так, например, вся обслуга в его «шато» состояла из суданских негров, высоких и совершенно чёрных, таких, что были видны только белки глаз.

Как-то раз, обедая с Ага-ханом в большом женевском ресторане отеля «Амбассадор» и уже заканчивая обед, мы ждали кофе. С кофейником в руках появился человек восточного типа в турецкой феске и разлил нам кофе. После этого, почтительно согнувшись, человек что-то сказал Ага-хану, видимо, по-арабски, и вполне европеизированный Ага-хан как-то весь выпрямился и протянул вперёд руку. Человек в феске вдруг упал на колени, прижал его руку к губам и громко проговорил какие-то слова. Весь зал, в том числе и я, с изумлением смотрели на эту сцену. Человек удалился, пятясь задом и непрерывно кланяясь, а Ага-хан пояснил мне, что человек в феске узнал его. Он принадлежит к исмаилитам и поэтому просил благословения Ага-хана.

Помимо приятного и полезного общения с Ага-ханом я у него познакомился с рядом интересных людей из числа международных чиновников и дипломатов Женевы, а также бывавших у него государственных деятелей других стран, включая французских министров и американских сенаторов.

Мои контакты в Женеве привлекали внимание швейцарских спецслужб, хотя скажу сразу, что это внимание не носило агрессивного характера. Однажды я был приглашён на широкий обед к Ага-хану в честь американского сенатора от штата Нью-Йорк Джойса. На обеде также присутствовал шеф протокола женевского правительства, один из бывших руководителей контрразведки. Вполне возможно, что он и оставался в штатном расписании этой службы. Мы были протокольно знакомы. Увидев меня у Ага-хана, он не выдержал и воскликнул: «И вы здесь!». Я с улыбкой ответил: «А где же мне ещё быть?». На это шеф протокола, уже смеясь, заявил: «Действительно, как это я сам сразу не сообразил!».

При мне Ага-хан в 1972 году женился вторично на гречанке Катерине Беракетти Серсок, вдове крупнейшего ливанского банкира, унаследовавшей всё состояние мужа, матери троих взрослых сыновей, которые жили в Англии, младший из которых был студентом Оксфорда. Новая жена Ага-хана — православная гречанка с почтением и даже с любовью относилась к России, обожала русское кино и считала Черкасова величайшим актёром кино всех времён. Появление новой жены у Ага-хана как-то ещё более сблизило меня с этим интересным человеком. Я часто бывал у него со своей женой и в то же время старался как-то ответить на его любезность, приглашая Ага-хана с супругой на просмотры новых советских фильмов в наше представительство.

Во встречах в представительстве, конечно, участвовала и наш посол, глава представительства при ООН Миронова. Помню, в каком восторге были Ага-хан и его жена от нашего фильма «Белое солнце пустыни», действительно неувядаемого шедевра. Дружеский контакт с Ага-ханом продолжался до самого моего отъезда, и я искренне жалею, что специфика моей службы не позволила мне продолжать этот контакт в дальнейшем, уже находясь в Москве.

Один из контактов, о котором я вспоминаю также с большим удовольствием, установился с одним из директоров крупного частного женевского банка. Это был высокообразованный, исключительно симпатичный швейцарец, ведущий своё происхождение ещё от бежавших в своё время в Швейцарию гугенотов. Известно, что после Варфоломеевской ночи 24 августа 1572 года и в связи с преследованием гугенотов по всей Франции часть дворянства, примкнувшая к гугенотам, бежала в сопредельные страны — Женева уже тогда была прибежищем для всякого рода эмигрантов. От одного из таких дворянских родов Франции вёл свою родословную мой банкир. Я познакомился с ним в ассоциации юристов-международников при отделении ООН в Женеве, членом шторой был.

Контакт с банкиром быстро принял стабильный характер. На мой взгляд, это было связано, в первую очередь, просто со взаимной симпатией. Мне же, помимо этого, контакт был интересен тем, что мой банкир был ещё и членом женеvского парламента и был в курсе событий внутренней жизни Женевы и Швейцарии. Это значительно расширяло моё понимание оперативной обстановки в стране. Общение с банкиром носило открытый характер, и я не пытался эту связь конспирировать. Я бывал у него дома в гостях, что в Швейцарии бывает нечасто. Приглашение домой в Швейцарии — это знак особого внимания и действительно выражение дружеских чувств.

Помню, как однажды я решил подарить ему и его семье нашу большую шикарную матрёшку. У банкира было пять дочерей, и матрёшка, в которой было одна в одной 17 кукол, вызвала искренний восторг у всего семейства. Мне стало известно, что моего банкира швейцарские службы попытались «профилактить». Это было к концу моего пребывания в Женеве. Видимо, дыхание «холодной войны» и влияние американской разведки сказывалось всё больше и в Швейцарии. Я на всём протяжении своего пребывания в Женеве не работал против швейцарцев и, более того, не имел такой задачи. Швейцарские спецслужбы, видимо, тоже понимали это. Однако на четвёртом-пятом году моего пребывания в Женеве они начали «профилактить» или запугивать некоторые мои связи. В частности, моему банкиру была показана изданная американской разведкой книга «КГБ», в которой приложением был помещён большой список сотрудников советских учреждений в различных странах, которые, как утверждали американцы, являются советскими разведчиками. К тому времени произошло уже несколько предательств в наших рядах, и американцы действительно располагали большими списками советских разведчиков. Автором книги был известный Джон Баррон, и книга распространялась агентами ЦРУ по всему миру. Ни о какой конкретной деятельности указанных в книге лиц в основном речи не было, и упоминания в общем списке были без всяких уточнений. Моя фамилия также появилась в книге «КГБ», и эту книгу «доброжелатель», совершенно очевидно агент или даже сотрудник швейцарской контрразведки, показал банкиру, но был решительно «отшит» — банкир демонстративно не придал этой «профилактике» никакого значения. Эта уверенность швейцарца ещё раз подчеркнула в моих глазах определенные преимущества швейцарской демократии. Банкир был одним из тех моих контактов в Женеве, кто выражал искреннее сожаление в связи с моим отъездом. Он даже пригласил меня с женой в старинный женеvский ресторан на прощальный ужин.

Ресторан был на берегу Женевского озера, и на ужин был приготовлен женевский деликатес — глубоководная рыба, родственница нашего байкальского омуля. Эта рыба ловится только профессионалами для ресторанов, на рынке практически её не бывает. Она отличается очень тонким вкусом и носит название «Л'омбр де Шевалье» — «Тень рыцаря». На память об этом контакте у меня сохранилась очаровательная миниатюра вида Женевы, подаренная банкиром.

Характерным и очень интересным контактом была моя связь с советником американского представительства, кадровым сотрудником Государственного департамента США. Американец был примерно моего возраста, застал конец войны с гитлеровской Германией, находясь в частях американской армии, которая освобождала Италию, и поэтому был ветераном войны. Он окончил престижный колледж и попал в Госдепартамент, хотя по происхождению был из скромной семьи. Как рассказывал Джон (так его звали), от родителей у него в Штатах остался небольшой дом, который не представлял сколько-нибудь заметной материальной ценности. Однако, находясь уже после войны во Франции, он удачно женился на француженке русского происхождения. Жена его родилась во Франции, её родители покинули Россию ещё в период революции, но насколько я понимал, она имела приличное состояние во Франции, и её семья владела обширными виноградниками в районе Божоле. Божоле — вино, широко известное как во Франции, так и во всём мире. Район Божоле находится южнее районов великих французских вин из Бургундии, по соседству со Швейцарией и в последние годы относится к процветающим винным районам. Это очень приличное столовое вино, хотя не дорогое, имеющее много разновидностей. Божоле широко представлено в наших магазинах в Москве.

Джон держался очень открыто, был любезен и даже, несмотря на годы «холодной войны», был лояльно настроен в вопросах развития советско-американских связей. Можно даже сказать, что он разделял идею мирного сосуществования, одну из основных идей, которую исповедовал Советский Союз в своей внешней политике.

Встречи с Джоном носили регулярный характер. Он непременно отвечал на мои приглашения и нередко был сам инициатором наших встреч. Мы обсуждали, главным образом, международные проблемы и вопросы советско-американских отношений. В это время в Женеве проходили важные политические конференции. Одна из них, конференция по стратегическим видам вооружения, была двусторонней, советско-американской.

Проблемы, решаемые на ней, были особой важности, и даже небольшие фрагменты информации по этой конференции были для меня интересны. Джон часто жаловался, что перегружен работой по ООН, и на моё замечание, что в его секторе в посольстве работает ещё несколько человек, Джон с улыбкой, но в то же время серьёзно заявил, что эти люди практически ему совсем не помогают, так как принадлежат к другому ведомству и заняты своими делами.

Наш анализ показал, что действительно, по крайней мере двое из его трёх подчинённых были сотрудниками ЦРУ и работали по советским представительствам в Женеве.

Однажды я приехал на домашний приём, который устраивал Джон у себя на квартире, с небольшим опозданием. Войдя в комнату, я увидел Джона в окружении группы американцев, также дипломатов из представительства США. Они над чем-то громко смеялись, и когда я подошёл, Джон также с улыбкой начал представлять меня присутствующим. Один из американцев — я достоверно знал, что он является сотрудником ЦРУ — работал под прикрытием второго секретаря американского представительства. Я знал также, что он проявляет постоянный интерес к некоторым нашим сотрудникам в ООН и ведёт себя достаточно нагло. Когда этот американец обратился неожиданно ко мне, я сразу насторожился. А он без предисловия, видимо, рисуясь перед своими начальниками (а среди стоявших находился и резидент ЦРУ в Женеве), громко спросил: «Скажите, как это ваш третий секретарь Ефремов вдруг перешёл на работу в Управление кадров ООН? Его что, послали туда изучать досье ооновских сотрудников? И где он учил английский язык, который он так хорошо знает?». Я также с улыбкой, уверенно и громко сказал: «Ефремов — хорошо, но вы-то кто будете? Откуда у вас этот повышенный интерес к Ефремову? И какие досье поручено изучать вам?». Раздался дружный смех американцев. Инцидент был вроде превращён в шутку, но через неделю Джон на встрече со мной рассказал, что вот уже несколько дней как всё представительство потешается над упомянутым выше вторым секретарём, так как он со всей очевидностью сел в лужу, расшифровав неуклюже свою профессиональную принадлежность к разведке.

Поначалу развитие моего контакта с Джоном давало нам основание подумать о возможности его привлечения к сотрудничеству с нами, но развитие контакта показало, что оснований для таких планов явно недостаточно. Какова могла быть основа привлечения Джона к сотрудничеству, идеологическая? Да, Джон высказывал иногда критические

замечания в адрес американского правительства по внешнеполитическим вопросам, но в то же время он был патриотически настроен и был стопроцентным американцем, любящим свою Родину. Материальная основа также ясно не вырисовывалась. Джон был карьерный дипломат, неплохо обеспеченный, а жена его была просто богатым человеком. Каких-то серьёзных слабостей, и тем более пороков, которые позволили бы как-то создать базу для вербовки, я в Джоне не находил. Приходилось ограничиться дипломатическим, хотя и, несомненно, полезным контактом с американцем.

Связь продолжалась около двух лет, но вот на последних встречах я стал замечать, что Джон задаёт мне какие-то заранее подготовленные вопросы, в первую очередь о моей биографии, моих привычках, друзьях. Если бы это было в самый первый период нашего знакомства, возможно, я бы не обратил внимания на это излишнее любопытство. Но заканчивался второй год нашего контакта, и вопросы Джона, и в частности тот факт, что он как-то странно не смотрел на меня, когда касался этих тем, насторожили меня.

И вот однажды мы встретились в городе, чтобы вместе пойти куда-то позавтракать. Джон настоял на одном из ресторанов, который был мне известен как своего рода база американской разведки в Женеве. Естественно, я был насторожен. Я не думал, что речь может идти о какой-либо провокации, но поведение Джона вызывало подозрения. Когда в ресторане мы шли к указанному нам хозяином столику, Джон вдруг засуетился и излишне настойчиво, как мне показалось, предложил мне сесть на место лицом не к залу, а к находящейся поблизости стене. Во время ланча Джон вёл себя не совсем обычно, как-то суетливо. Он пытался вывести меня на разговор, который бы давал возможность судить о моём отношении «к социализму» и вопросам оценки западного образа жизни. Я же демонстративно сводил разговор к чисто дипломатической беседе на международные темы.

Мне показалось, что за мной либо скрытно наблюдают, либо, скорее всего, снимают скрытой камерой и записывают наш разговор.

Под благовидным предлогом я встал в середине обеда и вышел в переднюю, пытаюсь посмотреть, что же находится за стеной, которая была напротив меня в ресторане. Оказалось, что там было какое-то помещение, не относящееся к ресторану, и, видимо, имевшее отдельный вход. Мои подозрения только усилились. В дальнейшем пришлось сделать малоутешительный вывод, что мой контакт с Джоном попал в поле зрения ЦРУ, и Джон начал встречаться со мной под их контролем.

Я сократил общение с Джоном и разработал совместно с центром тактику своего поведения. Скажу сразу, что в каких-то серьёзных операциях по дезинформации американцев мы этот канал не использовали, так как не было полной уверенности в том, что Джон находится под контролем ЦРУ. Кроме того, через несколько месяцев Джон был переведен в другую страну, чётко по истечении срока своего пребывания, как это принято у американцев. Так закончилась моя связь с американским советником, которая поначалу представлялась весьма интересной.

В Женеве у меня возникло несколько, как говорят в разведке, нейтральных связей. Т. е. связей в интересах службы, когда не ставится задача не афишировать тот или иной первоначальный контакт. Нейтральные связи, несомненно, нужны и полезны. Они дают возможность лучше видеть общую обстановку в стране и возможность спецслужбам противника, контрразведке страны пребывания видеть, что твоя деятельность не наносит ущерба стране и является составной частью обычной работы дипломата. Эти связи обычно быстро попадают в поле зрения контрразведки и волей-неволей становятся объектом её внимания. Это естественно, когда ты не стараешься скрывать телефонные звонки из нашего учреждения, встречи в городе в широко посещаемых местах и тому подобное. Но, как известно, для спецслужб такие контакты всё равно — работа. Мой любимый автор романов о разведке Джон Ла Карре написал: «Контрразведчики подобны волкам, грызущим обглоданные кости, — у них нужно отобрать эти кости и заставить найти себе новую добычу». Замечание справедливо для всех контрразведывательных служб мира, в том числе и для нашей. Одной из организаций, которой я должен был заниматься по прикрытию в Женеве, был Межпарламентский союз. Я в начале моего пребывания в Швейцарии посетил миссию этого Союза. Она находилась недалеко от нашего представительства в симпатичном особняке. Что важно, постоянным секретарём этого Союза оказался мой старый знакомый по работе в ЮНЕСКО Джузеппе Бади, итальянец. Он работал в ЮНЕСКО в отделе международных связей в секретариате Генерального директора. Мы были одного возраста и относились друг к другу с симпатией. Встретились мы в Женеве как старые знакомые. Персонал в офисе Союза был невелик: один сотрудник и секретарь. Джузеппе охотно делился со мной новостями по работе парламентариев. Наши делегации из Верховного Совета регулярно бывали в Женеве, и я в какой-то степени занимался ими и при необходимости в ходе каких-то встреч или совещаний давал по подсказке Бади полезные советы. Вскоре в Межпарламентском союзе появилась ещё одна вакансия сотрудника, и на

эту должность парламенты ряда стран выдвинули своих кандидатов. Свою кандидатуру выставил и Советский Союз. Наш кандидат на эту скромную должность приезжал на «смотрины» в Женеву, и я его представлял в штаб-квартире Союза. Это был молодой, очень симпатичный человек и благодаря моей поддержке он был принят на эту должность.

Среди моих знакомых «нейтральных связей» был один крупный швейцарский издатель Нажель. Он был француз, но его издательство находилось в Женеве. Издательство специализировалось на выпуске туристических справочников по некоторым странам. Эти справочники так и назывались, например «Nagels/Italia». Также он специализировался на издании альбомов по искусству. Нажель несколько раз бывал в Москве, участвуя в подготовке альбома по Третьяковской галерее. У него в мастерской делали литографии малоизвестных на Западе картин, и в первую очередь — старинных икон. Я помню, что он гордился литографией «Троицы» Рублёва. Нажель очень любил посещать наши приёмы и охотно поддерживал со мной дружеские отношения.

На одном из приёмов со мной познакомился швейцарец, назовём его Шарер. Он сказал, что ему от властей города стало известно, что советское представительство при ООН ищет для советского консульства помещение. Также Шарер сообщил, что он владелец особняка в центре Женевы и готов предложить нам это здание на продажу. Для меня это предложение было неожиданным, но швейцарец был мне симпатичен, и я согласился встретиться с ним через какое-то время и посмотреть особняк. Этот дом был очень хорош и, на мой взгляд, подходил для консульства: большие комнаты, два этажа, свой садик и парковка — и всё это в центре. Шарер уже на второй встрече рассказал, что он несколько лет работал финансовым советником правительства Либерии на очень хорошем жаловании, что позволило ему купить этот дом, но сейчас живёт в пятнадцати километрах от Женевы на берегу озера, и особняк в Женеве ему попросту не нужен. Продать женевский дом под консульство для африканской страны ему предлагают, но он этого никак не хочет, так как очень устал от африканцев, проработав не один год практически министром финансов в Африке. Я пригласил нашего представителя, посла Миронову, посмотреть особняк как возможный вариант помещения для консульства, и мы поехали смотреть дом. Помещение ей очень понравилось, и она заявила, что передаст предложение в Москву. Вскоре приехала московская комиссия, и к обоюдному удовольствию через некоторое время дело сладилось. Мы открыли консульство в Женеве, которое расположилось в вышеуказанном особняке. Шарер продал дом даже со значительным количеством мебели,

не включая её в стоимость сделки. Я предложил ему иногда встречаться. Он был даже интересен мне своей осведомлённостью в текущих делах Женевы.

Однажды он пригласил Зою Васильевну Миронову и меня к себе домой на ужин. Зоя согласилась, тем более что за многие годы работы в Швейцарии никогда не была у швейцарцев дома. Мы отправились на ужин вдвоём. Больше за столом, кроме нас и пары Шарера никого не было. Ужин прошёл очень мило, и прощаясь, хозяин вручил нам подарки.

Это были две бутылки, как он нам сказал, арманьяка. Бутылки были коньячные, но без этикеток, залитые сургучом, упакованные в коробки из красного дерева и снабженные сертификатами. В сертификате было указано, что в бутылке находится арманьяк разлива 1910 года, района Бордо и т. д. Шарер рассказал, что в 1945 году, за месяц до капитуляции Германии, в Швейцарии «задержался» небольшой эшелон с вещами для Геринга (награбленными, конечно же). В этом эшелоне была и пятисотлитровая бочка старого арманьяка. Германия рухнула, поезд Геринга с антиквариатом был конфискован швейцарскими властями, и вскоре содержимое его вагонов было продано с аукциона. Шарер сумел купить эту бочку арманьяка. Но в условиях продажи было строго записано, что арманьяк не может поступить в продажу ни в каком варианте. Он может потребляться только лично покупателем или являться предметом его личного дарения. Я сохранил бутылку до окончания командировки и приезда в Москву, где я с друзьями и распил этот напиток. Скажу, что особого восторга не было. Напиток, видимо, уже перестоял, а перевозки и разлив тоже, видимо, нарушили его особые ароматы, вкусовые оттенки и свойства.

Товарищи, работавшие в Женеве по линии «Кр» заслуживают самых лестных слов, они работали с полной отдачей сил. Но вот однажды произошёл неожиданный сбой. Из Москвы за подписью первого заместителя начальника разведки Бориса Иванова поступила большая и грозная телеграмма. В ней было приказано провести расследование и срочно доложить о следующем: как могло произойти, что наш работник «полностью расшифровался перед посторонними людьми» и вел разговоры о работе разведки, называя даже имена разведчиков. Этим сотрудником был назван наш товарищ Вадим Мельников. Вадим был в первой командировке, он был на хорошем счету, напористо работал, в том числе по «главному противнику», и никаких замечаний не имел до этого момента.

Я тут же вызвал Вадима, прямо высказал ему претензии, возникшие в Центре на базе их собственной (нам неизвестной) информации. Мельников,

надо отдать ему справедливость, откровенно сообщил следующее. Он, находясь у себя дома на городской квартире без жены (жена уехала в Москву повидать сына), немного выпил и решил навестить соседей, семью наших ооновских переводчиков. Но соседка была в этот вечер без мужа, её муж, как оказалось, находился в командировке на какой-то конференции по линии ООН в Африке. Такие поездки переводчиков случались довольно часто. Вадим, видимо, «распустил пушистый хвост» и отправился к соседке «за спичками». Она была не одна, в гостях у неё была подруга из Москвы, находящаяся в Женеве в качестве переводчика с одной из делегаций. За «чашкой чая» Вадим начал заливаться соловьем в присутствии двух симпатичных дам. Наговорил, что он лично знает всех великих разведчиков, например Кима Филби, и т. п. Я уверен, что о своей конкретной работе ни в Москве, ни в Женеве он не говорил. Но факт имел место, и Мельников должен был понимать, что подруга соседки может быть человеком наших служб, «опекающих» всякие делегации за рубежом.

Так оно и случилось. Подруге нечего было докладывать по поведению делегации, и она подробно изложила в Москве, может быть, ещё и приукрасив, все «откровения» Вадима. Это донесение легло во 2-е Главное управление, а они не преминули доложить всё прямо председателю КГБ.

Далее становится понятной реакция нашего начальства. Я со своей стороны подробно, в максимально мягких тонах, написал всю историю в Центр, отметив, что Мельников работает хорошо и полностью понимает свою ошибку. Но получил быстрый и однозначный ответ: свернуть все дела Вадима в Женеве и откомандировать его в Союз под любым для представительства предлогом. Вадима в Москве слушать особо не стали и в Центре не оставили, а через какое-то время направили во Владимир на курсы подготовки пограничников для работы в комендатурах наших посольств за рубежом.

Как понимает читатель, я получил серьёзное устное замечание за недостаточную воспитательную работу с подчинёнными.

Уже к концу четвёртого года работы в Швейцарии произошло небольшое событие, которое могло бы полностью перевернуть мою жизнь. В это время постоянным представителем Советского Союза в ранге посла при ЮНЕСКО был Пирадов, зять всесильного министра иностранных дел, члена Политбюро ЦК КПСС Андрея Андреевича Громыко. Пирадов регулярно приезжал в Женеву по делам: для участия в работе некоторых делегаций. В частности, он принимал участие в работе конференции по вопросам космического пространства, которая длительное время работала в Женеве. Я был хорошо знаком с Пирадовым и по делам в ООН, и в личном

плане. В один из приездов он пригласил меня на разговор и без обиняков предложил пойти работать в ЮНЕСКО на должность заместителя генерального директора. Прежде чем сделать мне такое предложение, он тщательно подготовился и заявил, что сумел ознакомиться с характеристикой моей работы в ЮНЕСКО, которая была подписана директором департамента, известным английским ученым Маршаллом. Также он заявил, что должность заместителя ЮНЕСКО закреплена за Советским Союзом, и что я, как «бывший кадровый сотрудник» организации, проработавший в ней около 5 лет, хотя и на небольшом посту, являюсь очень подходящей кандидатурой. Он прямо сказал, что ни в Париже (со стороны Совета ЮНЕСКО), ни в Москве (Пирадов берёт это на себя) никаких препятствий не будет. Нужно только моё согласие. Я помню, что я сказал Пирадову, что нахожусь на специфической службе (он знал об этом) и никаких переговоров вне рамок службы вести не могу и не буду. Мой оппонент отнёсся с пониманием к моей позиции и попросил на следующий день сказать только «да» или «нет». На другой день я сказал: «Нет». Но видимо, это прозвучало не очень твёрдо, а он был человек напористый — позднее поставил этот вопрос каким-то образом в Москве. Вскоре мне от начальства был задан вопрос, получал ли я предложение от Пирадова; если получал, то как отреагировал. Я спокойно ответил, что от такого предложения, сделанного мне два месяца назад в Женеве, я отказался и теперь придерживаюсь этой же позиции. Вопрос был закрыт. Хочу признаться, что предложение стать заместителем генерального директора ЮНЕСКО было очень соблазнительным, как в материальном плане, так и в плане возможности работать в Париже. Париж есть Париж. Но я в то время был уже очень привязан к своей работе — более двадцати лет в разведке. Дела в Женеве шли хорошо, и желания менять колею не было. Свою роль в то время сыграл консерватизм мышления. Но главным было то, что я любил свою профессию — разведка — и никак не хотел менять эту главную профессию моей жизни.

Большим украшением моего пребывания в Женеве явился тот факт, что я достаточно успешно освоил великолепный вид спорта — горные лыжи. Это огромный стимул поддержания хорошей рабочей формы и прекрасная возможность снятия психологической нагрузки, связанной со службой в разведке.

Горные лыжи играют немалую роль не только в вопросе развития туризма в Швейцарии, но и в решении серьёзных социальных проблем. Мой хороший знакомый, член женевского парламента, рассказал мне, что спорт вообще, а горные лыжи в частности, сыграли и играют значительную

роль в борьбе с пьянством в Швейцарии, особенно среди молодёжи. После войны, в первые мирные годы, специалисты правительства Швейцарии отметили заметное увеличение потребления алкоголя в стране. Отмечалось даже развитие настоящего, не характерного для Швейцарии, пьянства. Вопрос изучался специальной группой социологов, которая вынесла свои рекомендации по борьбе с алкоголизмом. В частности, внимание было обращено на то, что тот, кто много времени посвящает лыжам, не пьёт. Горнолыжники вообще пить не могут, так как алкоголь резко снижает реакцию и нормальную работу вестибулярного аппарата. Власти начали поощрять пропаганду горных лыж. Специальным законом в школах всей страны был введён обязательный спортивный день — четверг. Всюду, где это только возможно было, в четверг школьники выезжали со своими классными наставниками на горнолыжные станции. Все подъёмники по четвергам для школьников работали бесплатно. Я сам наблюдал, как учителя разбивали классы малышей на четвёрки, становились во главе одной из четвёрок, а если не могли, то просто дежурили у автобусов, а четвёрки возглавляли старшеклассники, уже хорошо освоившие лыжи. Далее все четвёрками гуськом отправлялись к горе. Каждый школьник на груди имел карточку со своей фотографией, дающую право использовать любой подъёмник бесплатно. Эти меры послужили толчком и для развития других видов спорта.

Ещё в семидесятые годы в Швейцарии не было футбола. Помню, как в Женеву приехал московский «Спартак» и должен был сыграть по договору 3–4 игры в разных городах, в том числе в Женеве. Но в Женеве футбольной команды просто не было. Была любительская команда только в заводском пригороде Женевы — Каруже, там и должна была состояться игра. Я поехал посмотреть. Футбольное поле никаких трибун не имело вообще. Когда тренер «Спартака» давал наставления на игру: «Играть нормально, без силовых приёмов, в каждом тайме забить только по одному голу и закончить матч со счётом 2:0, и не больше». Женевское телевидение вечером дало по поводу игры восторженные комментарии и интервью наших игроков. Скажу, что сейчас в Швейцарии уже существуют десятки хороших стадионов, профессиональных команд и спортивных школ.

Другим немаловажным положительным фактором явилась искренняя и действительно тесная дружба с несколькими нашими товарищами. Кого-то из них я знал раньше, с кем-то подружился уже в Швейцарии, и эти взаимоотношения сохранились и в Москве. Не могу не вспомнить самыми лестными словами блестящего дипломата и хорошего человека Мишу Панкина. Он занимал в то время директорский пост в ЮНКТАДе.

(Организация Объединённых Наций по торговле и развитию). Прекрасным представителем нашей страны был Александр Павлов, фронтовик, академик Академии Медицинских наук. В Женеве он был заместителем генерального директора ВОЗа (Всемирной организации здравоохранения). Более молодым представителем этой выдающейся когорты был мой друг Александр Громов. Он, как прекрасно образованный специалист, достойно занимал высокий пост заместителя генерального директора Всемирного союза связи. Кадровый дипломат, в дальнейшем наш посол (в Женеве он был ещё посланником), Володя Лобачёв занимал пост заместителя генерального директора всего отделения ООН в Женеве. Мы дружили семьями и находили общий язык как в дружбе, так и (когда это требовалось) в работе. Как это важно — иметь таких близких и надёжных людей и чувствовать их поддержку.

Красоте Женевы посвящено много лестных слов, и это заслуженно. Я прекрасно помню достопримечательности Женевы. 146-метровый фонтан в центре женевской бухты. Знаменитый мост Монблан, всегда украшенный разноцветными знамёнами: это флаг Женевы — красновато-желтое полотнище с изображением золотого ключа и распиленного пополам чёрного орла, и флаги Конфедерации. Мост ведет к одному из самых красивых монументов города — часовне-усыпальнице германского герцога Карла Второго Брауншвейгского, который завещал Женеве огромную сумму денег с условием, что его часовню-усыпальницу построят так, что герцог не будет закопан в земле, а будет покоиться на шестиметровой высоте (всю жизнь он страдал от клаустрофобии). Завораживают цветочные часы у входа в Английский парк. Это часы с самой длинной в мире секундной стрелкой, а циферблат состоит из тысяч бегоний и анютиных глазок. Цветы каждый день подстригают и подсаживают, если нужно, новые, и часы-клумба всегда благоухают и радуют пестротой и свежестью. Кафедральный собор Сен-Пьер известен полуторатысячелетней мозаикой, а в одной из крипт стоит резной стул, принадлежавший якобы Жану Кальвину, сыгравшему большую роль в реформации церкви. Стоит вспомнить и о великих людях, живших в разные времена в Женеве. Это и лорд Байрон, и русский гений Фёдор Достоевский, и целый ряд наших известных эмигрантов, из них — Георгий Валентинович Плеханов. Сохранилась в Женеве и скромная квартира, в которой жил Владимир Ильич Ленин.

Хочется подчеркнуть особую атмосферу какой-то взаимной симпатии и внутреннего спокойствия, которая, как мне казалось, царит в городе. Хорошо помню: как только подходишь с детской коляской к краю тротуара,

чтобы перейти улицу (я гулял иногда по городу с моим младшим сыном, родившимся в Женеве), все водители останавливаются и спокойно пропускают тебя. И даже если ты без коляски намереваешься перейти улицу, картина не меняется. Характерно и то, что когда ты останавливаешься на улице и смотришь карту города, то первый же прохожий предложит тебе свою помощь в нахождении нужного места. Эту ситуацию я тоже прочувствовал на себе, первый раз случайно, а второй — преднамеренно, с тем же эффектом. Можно привести и другие примеры любезности и внимания жителей Женевы.

Мне хочется рассказать об одном забавном случае. Прибыв в свою длительную командировку в Женеву, я вспомнил, что у меня есть отличная, довольно массивная и дорогая зажигалка от Cartier. Она не работала, так как я долгое время не мог заправить её газом. В табачном киоске подходящего баллона не оказалось. Мой новый знакомый в представительстве, второй секретарь МИДа Олег, узнав о моих «трудностях», предложил съездить в город прямо в магазин Cartier. Он хорошо знал, где он находится в центре города. В обеденный перерыв мы на его машине прибыли к подъезду магазина. У входа нашлось свободное место для парковки, и мы лихо вышли из машины прямо к подъезду. Была прохладная погода, и мы оба были в длинных плащах, модных в то время. Бодро вошли в небольшой зал, в котором у одной стены был большой шкаф-сейф и прилавок. В шкафу были видны коробки, одну из которых у прилавка разглядывала какая-то дама. Было видно, что в коробке выложены камни, очевидно, бриллианты. В двух других ушах комнаты одновременно быстро поднялись два молодых человека; как выяснилось, это были охранники. Мы остановились посередине зала, и тут же из дверей к нам навстречу вышел третий молодой человек в строгом сером костюме с улыбкой на лице. Он спросил, что нам угодно. Я, показывая свою зажигалку, объяснил, что не могу заправить эту ценную для меня вещь. Молодой человек взял у меня зажигалку, предложил нам присесть на диванчик у столика и удалился. Тут же появился ещё один молодой человек и предложил нам кофе. Минут через 10–15 появился молодой человек с моей зажигалкой. Он сообщил, что в моей «прекрасной зажигалке» устарел внутренний баллон для газа, и что его сменили на новый с новым ниппелем, и при этом эффектно продемонстрировал работу моей зажигалки. К обновлённой зажигалке прилагался новый запасной газовый баллончик. Поблагодарив хозяина за быстрое решение проблемы, я поинтересовался, сколько стоит эта операция. На что получил ответ, что вся эта операция доставила им только удовольствие и, естественно, для меня

ничего не стоит, после чего он любезно провёл нас до выхода. Вот так выглядело посещение магазина Cartier.

Глава седьмая

Москва

Управление «К»

Успехи и провалы

Я продолжал работать в Женеве, дела шли достаточно успешно, и обстановка благоприятствовала моему пребыванию в Швейцарии. Можно было бы ещё поработать в Женеве с годик, но я получил неожиданное и лестное для меня предложение, которое выглядело значительным повышением по службе. Это было предложение занять должность заместителя начальника управления внешней контрразведки. Я дал согласие и в августе 1976 года уже окупился в работу управления «К».

Я получил кабинет на пятом этаже. Мои окна были почти над главным входом в основное здание с видом на бассейн (прямо у дома) и на теперь хорошо известный бюст В. И. Ленина (его фотографии на фоне здания разведки приобрели широкую популярность). Когда было задумано и спроектировано новое здание разведки, идея была в том, что «со стороны» его не будет видно. Его построили просторным, но всего шестизэтажным. Полоса леса, метров 500 до кольцевой дороги, должна была скрывать здание от посторонних глаз. Вскоре выяснилось, что верхний этаж хорошо виден для всех проезжающих по кольцу, тем более зимой, лес-то в основном лиственный. Но мало того — скоро за рубежом появились фотографии этого здания, что руководством воспринималось очень болезненно. Но шила в мешке не утаишь, и вскоре распространилось название службы — «Ясенево», по имени района Москвы и метро «Ясенево», где находилась разведка. Вскоре рядом с первым зданием был построен новый 22-этажный корпус, который был хорошо виден не только с кольца, но и за его пределами. Всё меняется. Внешний вид здания разведки оказалось возможным не только видеть, но даже использовать в рекламе. В 2009 году СВР выпустила свой настенный календарь с фотографией этого самого здания и высотного рядом на весь основной лист.

В 2010 году, к годовщине победы в Великой Отечественной войне, в продажу поступили большие коробки шоколадных конфет, на лицевой стороне которых красовалась эта же фотография штаба СВР. Скрывать

нужно только то, что происходит внутри.

Работа оказалась напряжённой, но в то же время очень интересной и чрезвычайно разнообразной по своей направленности. Я посвятил этой работе шесть лет. Не хочу описывать полностью работу управления внешней контрразведки. Расскажу только о нескольких эпизодах.

В США периодически находились наши пассажирские теплоходы, которые совершали туристические рейсы по берегам Америки из порта в порт. Маршруты пользовались успехом, и на этих теплоходах в летний сезон было полно пассажиров. Однажды одному из помощников капитана какой-то человек передал записку с предложением о сотрудничестве. Уже не помню точно, как именно он излагал своё предложение, но факт оставался фактом. Помощник капитана передал записку в наше консульство, и она, соответственно, попала в нашу резидентуру. В связи с тем, что установление связи с этим неизвестным в условиях США являлось операцией рискованного характера, так как передавший записку американец мог оказаться просто подставой ФБР, дело было поручено опытному сотруднику внешней контрразведки, и с одобрения центра операция началась.

Передавший записку оказался капитаном 2-го ранга Военно-морского флота США, а самое главное он был ответственным сотрудником крупнейшей военной научно-исследовательской морской базы. Дело выглядело перспективно, и Центр решил пойти на риск работы с кавторангом. В центре работа по этому делу вошла в круг моих обязанностей, и я помню его во всех деталях. Проверка показала, что у капитана была большая семья (четверо почти взрослых детей, дочерей), и его предложение о сотрудничестве с нами за материальное вознаграждение выглядело очень реально.

Уже на первой же встрече капитан передал нам пленки с сотнями страниц документации военно-технического характера. Материалы соответствующим образом обрабатывались в Центре и реализовывались через информационную службу управления научно-технической разведки (управления «Т»). Вскоре мы получили положительную оценку научных подразделений военного ведомства, куда передавались материалы.

Шли месяцы, количество материалов росло, и капитан начал уже работать по нашим заданиям, уточняя детали некоторых переданных ранее материалов. Мы перешли к регулярной работе. Работа, по нашей оценке, проходила нормально, со всеми возможными мерами предосторожности, и вдруг — громкий провал.

В городе арестованы три сотрудника резидентуры. Один из них,

Зинякин, имел дипломатический паспорт и являлся сотрудником представительства при ООН, т. е. был дипломатом. Он был сразу выслан из страны. Двое других, Владек Энгер и Черняев, были сотрудниками ООН и, по американским правилам, не пользовались дипломатическим иммунитетом, хотя и имели диппаспорта. Они были посажены в федеральную тюрьму, где им были созданы достаточно жёсткие условия: они находились в камере с какими-то тёмными личностями, в основном это были негры.

Короче, это являлось, несомненно, элементом давления на наших товарищей, с тем чтобы вынудить их давать какие-либо признательные показания или, более того, заставить сотрудничать с американцами. Несмотря на все усилия нашего посольства, дело принимало всё более неприятный оборот. Американские средства массовой информации, естественно, старались изо всех сил раздуть дело.

Американцы извлекли из шумихи в прессе пропагандистскую выгоду. Служба ФБР получила похвалу в Комиссии Конгресса и обещание существенно повысить их бюджет. Появились намёки на судебный процесс над советскими шпионами. Странно, но Линдберга начали называть не фигурантом дела, а свидетелем. В нашем Центре тщательно изучали варианты развития событий. Никаких данных о причинах провала не поступало. Вскоре Центр привлёк к изучению дела опытного советского юриста, специалиста по американским правовым нормам. Он поехал в Штаты, чтобы на месте посмотреть на дело в контакте с местными коллегами. В Москве готовились к худшему. Американцы «раздували кадило». Отказались от предложения отпустить для проживания наших ребят до суда в посольстве под залог. Становилось ясно, что только особые действия могут поправить дело. Нами было выдвинуто предложение о захвате и аресте американца у нас в Союзе для дальнейшего обмена на наших разведчиков. Идея была не нова: обмены осуществлялись и до этого, и после. Такое решение получило одобрение, и указание на его претворение в жизнь было дано самим председателем Комитета нашей контрразведки. На совещании во 2-м Главном управлении было уточнено, что американский кандидат не должен быть дипломатом, должен работать в Союзе продолжительное время, быть хотя бы на подозрении в ведении разведывательной работы. Наша контрразведка сработала хорошо: уже через несколько дней подходящий американец был задержан в одном из волжских городов. Конкретно он был задержан за валютные операции. Тогда с этим у нас было строго. Американец явно занимался сбором информации, часто бывал в посольстве в Москве. В надежде на согласие

американцев на не совсем «эквивалентный» обмен нас ободряла получаемая из Нью-Йорка информация, что у ФБР возникли пока что сбываемые затруднения в организации «шпионского» процесса. Высокие военные и администрация Белого дома не хотела видеть на суде старшего морского офицера в качестве шпиона. Роль свидетеля обвинения также, видимо, была не ясна. Особенно при дотошных журналистах и профессиональной юридической защите. Но события превзошли все наши ожидания. В практике обменов обычно заинтересованная сторона начинает зондаж через далёких от дела юристов, затем выходит на контакт с «компетентными» представителями другой стороны. Согласовываются малейшие детали: точное место и время обмена, гарантии. Американцы явно были напуганы тем, что задержанный после «промывания мозгов» на Лубянке даст разоблачающие показания, в Москве разразится громкий судебный процесс. Стало очевидным, что задержанный американец являлся или кадровым сотрудником ЦРУ, находящимся на стажировке в России под «глубоким прикрытием», или доверенным агентом разведки с широким заданием.

Уже на следующий день посол США в Москве в конце рабочего дня попросил срочную встречу в Министерстве иностранных дел и был принят заместителем министра, который был полностью в курсе дел. Дискуссии не было. Посол попросил отпустить американца и тут же согласился принять наши требования освободить наших товарищей. Было согласовано, что «обмен» состоится на следующий день, примерно в одно время, и не будет никаких препятствий с обеих сторон в отношении немедленного выезда освобождённых.

У нашей стороны была только одна цель — освобождение Энгера и Черняева, она была достигнута. Опытные наши специалисты говорили, что никогда ещё так быстро и чётко не договаривались. Могут же, когда захотят!

На следующий день после «обмена» американец вылетел в Штаты. В аэропорту его провожал большой эскорт из сотрудников американского консульства. Наши товарищи также не задерживались. Мы их встречали в Москве на двух чёрных «волгах» у трапа самолёта «Аэрофлота». Их после тёплого приветствия повезли прямо домой к семьям. Все вопросы службы были отложены «на потом».

Американцы попросили сохранять конфиденциальность. Официально в средства массовой информации никто ничего не сообщал. Обмана не было. Американская сторона, явно чтобы сохранить лицо, потребовала, а фактически попросила в порядке так называемого обмена передать им

осуждённого у нас матёрого украинского националиста Мороза, и он был отправлен в Штаты.

Вопрос был закрыт. Работа наших товарищей была отмечена серьёзными поощрениями. Анализ причин нашего провала у высокого начальства никто не попросил. Плохие вести забываются быстрее. И истинные причины провала остались невыясненными.

Через некоторое время нам стало известно, что Линдберг вместе с семьёй покинул Нью-Йорк и, «как говорили», отправился на Дальний Запад, в одну из зон США, закрытых для посещения иностранцами. Он вскоре вышел в отставку и исчез «из поля зрения».

К событиям в Нью-Йорке полезно добавить ещё один небольшой рассказ. Полгода спустя в разведке стала известна история, достойная настоящего многосерийного детектива. Сотрудник отдела информации Управления научно-технической разведки Ветров был задержан в пригороде Москвы проезжавшим мимо случайным водителем. Последний уже в наступающих сумерках услышал крик о помощи недалеко от стоявшей на обочине машины. Водитель оказался не робкого десятка и, выскочив из машины, обнаружил рядом за кустами человека, убивающего ножом женщину. Смельчак сумел захватить убийцу и доставил его и раненую женщину к близлежащему посту милиции. Задержанный оказался сотрудником КГБ и попал в Лефортово, а женщина, как выяснилось, бывшая его любовницей и технической сотрудницей того же управления, была доставлена в больницу. Её спасли, хотя раны были серьёзные. Следователя по делу смутил тот факт, что очевидных причин для убийства не просматривалось. Психика подследственного была признана нормальной, ранее сцен ревности подруга не отмечала. Следователь по делу Ветрова оказался опытным и дотошным: учитывая в совокупности материалы, повёл дело по неожиданному пути. Подруга подследственного вспомнила его заявления о больших деньгах, которые он может тратить и за рубежом. Деньги со счёта непонятого происхождения действительно нашлись. Подруга говорила также о каких-то опасениях в отношении проверки его зарубежных контактов. Появилась уверенность, что Ветров пытался убить свою знакомую, так как заподозрил, что она за ним шпионит. Проверка и опрос сослуживцев выявили «странности» в поведении Ветрова, особенно в последний период его пребывания в заграничных командировках. Возникли противоречия и в показаниях самого Ветрова. Не буду описывать все шаги следствия, но преступник признал, что был завербован в период завершения своей командировки во Франции и дал детальные показания о работе с французской разведкой.

В Москве после возвращения из командировки он был назначен в информационный отдел НТР (управление Научно-технической разведки). То самое подразделение, через которое реализуются материалы, добываемые разведкой в научных и технических областях. Через этот отдел проходили и документы, полученные от Линдберга. Конечно, Ветров не мог раскрыть нашего источника, но как человек опытный мог понять направленность материалов, выявить главные исходные данные происхождения документов и передать их противнику. Американские спецслужбы довольно быстро выяснили, что данные относятся к крупному конкретному проекту, разработка которого ведётся на военной базе близ Нью-Йорка. Дальнейшие действия ФБР были делом техники, и источник был вскрыт.

Ветров был осуждён военным трибуналом к высшей мере наказания и расстрелян.

Припоминаю курьёзный эпизод. Наш сотрудник Дмитрий был направлен в командировку в Осло под прикрытием представителя Министерства кинематографии. Довольно скоро, имея относительную независимость, небольшой, но собственный бюджет и подогреваемый своим окружением по работе, Дмитрий начал выпивать. Наверное, он и раньше имел слабость к спиртному, а тут просто запил. Вскрылось, что он задолжал плату за свой офис и квартиру, а деньги в его кассе давно закончились. Руководство службы к таким вопросам относится жёстко, что, несомненно, правильно. Начальником разведки было принято решение: Дмитрия отозвать и уволить. О грядущем увольнении ему никто, конечно, не сообщал. Он, естественно, устроил «хорошо» свои проводы и погрузился в самолёт, будучи в сильном подпитии. Естественно, заснул. Именно в тот момент, когда он заснул, было объявлено, что самолёт захвачен террористами и изменяет свой маршрут. Террористов, как потом выяснилось, было двое — выходцы из рядов сепаратистов Бангладеш.

Они приказали пилотам лететь в одну из африканских стран и выдвинули требование об освобождении какого-то своего лидера. Экипаж подчинился, как и положено, сообщил в Москву о происходящем на борту. Супруга Дмитрия с трудом его растолкала и стала паническим шёпотом рассказывать ему, что их самолёт захвачен террористами. Дмитрий встал с кресла и двинулся по проходу. Ему навстречу бросился достаточно крупный азиат с оружием в руках. Возможно, Дмитрий пистолета и ножа даже не заметил, и его «каучуковый кулак» (он был крупным парнем) угодил террористу прямо в челюсть, и тот плашмя отлетел к открытым дверям кабины пилотов. Из дверей выскочил второй азиат, но две храбрые

стюардессы повисли на нём. Хотя он и держал в руке пистолет — не успел им воспользоваться, так как секунду спустя кулак Дмитрия угодил и в его голову и привёл террориста в полную неподвижность. Девушки-стюардессы вместе со вторым пилотом крепко скрутили нарушителей, первый пилот объявил по громкой связи, что инцидент исчерпан, и самолёт возвращается на первоначальный маршрут. Дмитрий прошёл на своё место, а одна из стюардесс принесла ему бокал коньяка под аплодисменты всех пассажиров. О попытке захвата самолёта в управлении слышали, но деталей никто не знал, и пресса также почти промолчала. На другой день Дмитрий прибыл в управление. Прошёл ещё день, два, приказ об увольнении Дмитрия был подготовлен, но здесь пришло письмо из Аэрофлота в Президиум Верховного Совета с просьбой о представлении Дмитрия и двух стюардесс к правительственным наградам «за проявленное мужество и героизм»... Письмо в разведку переслало Министерство кинематографии «по принадлежности». Начальник разведки принял мудрое решение: представление к награждению поддержать, дело об увольнении закрыть. Дмитрия поздравили с наградой и перевели в управление, работающее только в Союзе. Причины его откомандирования из Осло разбирать не стали. Формулировка была стандартной: «в связи с переводом на другую работу».

Одним из крупнейших достижений Управления внешней контрразведки, да надо сказать, и разведки в целом, явилось дело Олдриджа Эймса, развитие которого происходило уже после моего отъезда в Монголию. Олдридж Эймс длительное время работал непосредственно в одном из главных подразделений ЦРУ, действующих против Советского Союза, принимал активное участие в работе с агентами и в разработке советских граждан, включая сотрудников разведки ГРУ и КГБ. Не хочу сравнивать Эймса со знаменитыми помощниками советской разведки, такими как Ким Филби и Джордж Блейк, которые работали в английской разведке и передали нам ценнейшие материалы по вопросам защиты государственной безопасности Советского Союза. Они сотрудничали с нами, а фактически работали в советской разведке на идеологической основе и были истинными преданными друзьями нашей страны. Эймс сам предложил свои услуги представителям КГБ за деньги, но главным было то, что круг его осведомленности в важнейших секретах ЦРУ США фактически включал все сколько-нибудь значительные вопросы работы ЦРУ против Советского Союза.

Эймс, а теперь это уже совершенно очевидно из исследований, проведенных и опубликованных самими американцами, добросовестно

передавал нам все эти данные. Он делал это за деньги. И надо отдать справедливость руководителям КГБ, денег на его вознаграждение мы не жалели. Вот только несколько имён агентов, завербованных американцами. Среди полутора десятков агентов, а это была практически, как сейчас известно, вся агентурная сеть резидентуры ЦРУ в Москве, можно назвать ответственного сотрудника генерального штаба ГРУ генерала Дмитрия Полякова, крупного специалиста в области военной электроники Адольфа Толкачева и ряд других, не менее известных лиц. Особенно серьёзной была информация о завербованных ЦРУ сотрудниках советской разведки, имена которых сейчас также известны: подполковник Мартынов, майор Моторин, а также ставший в то время резидентом КГБ в Лондоне Олег Гордиевский. Все агенты ЦРУ, арестованные в Москве, понесли соответствующее наказание, кроме Гордиевского, который сумел бежать из Москвы, когда уже было известно, что он предатель, и он находился под наблюдением служб КГБ.

Гордиевский был вызван в Москву. Видимо, руководству разведки требовались веские доказательства предательства Гордиевского. (Куда уж больше, чем донесения Эймса.) Решили, что он должен как-то проявить свою связь с англичанами, и начали его разработку по полному перечню возможных контрразведывательных мер и приёмов.

Гордиевский, опытный разведчик, понял, как он сам пишет теперь, что за ним ведётся постоянное наблюдение. Он сумел усыпить бдительность слежки.

Каждое утро Гордиевский в течение 15–20 минут делал пробежку в спортивном костюме в районе своего места жительства. Очевидно, сотрудники наружного наблюдения, привыкнув к этому, не считали нужным «бежать за ним вослед» (а затем наблюдение и вовсе было снято нашим же руководством), и в одно прекрасное утро англичане по подготовленному варианту подобрали его в дипломатическую машину и, якобы в тот же день, сумели вывезти через финскую границу в багажнике машины одного из своих дипломатов. Срам, конечно, для нашей контрразведки, да и для тех, кто принимал решение о слежке в нашем руководстве.

Информация, переданная Эймсом, была бесценна для разведки и нашей страны в целом. Естественно, провал ценнейшей агентуры ЦРУ (это был 1985 и 1986 год) и дальнейшие провалы, вплоть до ареста Эймса в 1992 году, вызвали панику в американской разведке.

Вопросами этих провалов занимались контрразведывательные подразделения самого ЦРУ, одно время даже специальная федеральная

комиссия и, наконец, группа опытейших сотрудников ЦРУ и Федерального бюро расследований. Они пришли к выводу, что все эти потери происходят из-за утечки из самого ЦРУ, т. е. обосновали гипотезу, что в ЦРУ есть двойник, работающий на КГБ. Был определён список около двухсот сотрудников ЦРУ, которые могли иметь отношение к тому или другому провалившемуся агенту американской разведки. Кроме того, руководство ЦРУ и ФБР приняли решение о выделении миллиона долларов человеку (речь шла, скорее всего, о сотруднике КГБ), который мог бы назвать двойника в ЦРУ, передававшего информацию в Москву.

Было сделано даже несколько подходов к сотрудникам КГБ с этим предложением, которые, однако, не дали результатов. Американцы доказывают, что Эймса как советского агента выявили специалисты американской контрразведки, обратившие внимание на его необоснованно крупные расходы денежных средств. Со своей стороны, оставляю за собой право думать, что всё-таки в наше смутное время нашёлся предатель, назвавший прямо Эймса и облегчивший задачу американцам.

Еще одним выдающимся персонажем из числа агентов российской разведки был крупный сотрудник американских спецслужб Роберт Филипп Ханссен, кличка «Рамон». Его самая широкая осведомленность по вопросам работы американцев против России и нашей разведки позволила Ханссену безбоязненно пойти на контакт с нашей разведкой. Он сам, по своей инициативе предложил нам свои услуги и быстро завоевал наше доверие. Правда, сам «Рамон» рассказал, что на его решение повлиял известный ему пример Кима Филби. Заявление, несомненно, интересное!

Ханссен длительное время занимал в главной контрразведывательной службе США — Федеральном Бюро Расследований — весьма ответственные посты.

Как заявляло руководство ФБР перед судом, Ханссен передал русским несколько тысяч совершенно секретных документов по вопросам национальной безопасности США.

В начале «своей карьеры» как нашего агента он сообщил нам имена трех офицеров российской разведки, завербованных американцами в Штатах. Это были Борис Южин, Сергей Моторин и Валерий Мартынов. Все трое осуждены в Москве, два последних — к смертной казни.

«Рамон» никогда не называл нам своего имени. Сам определял условия связи с ним и успешно работал с нами с 1985 по февраль 2001 года, когда был арестован. ФБР среди другой информации по делу сообщило, что он был раскрыт благодаря некоему российскому документу, попавшему в руки американских спецслужб. Потом подробно сообщалось, как ФБР успешно

следило за Ханссеном, но главное для нас осталось в тени. Это российский «документ». Заявления спецслужб по таким вопросам случайными не бывают. Стало быть, это было сделано специально. Для чего? Есть ли у нас на это ответ?

Таким образом, Эймс, Хансен и другие источники управления внешней контрразведки в ЦРУ и разведках других враждебных государств позволяли выполнять главную задачу этого подразделения — выявление агентов противника, иначе говоря, шпионов в нашем государстве.

В то же время внешняя контрразведка активно занималась и другим важным направлением. Это — предатели из числа самих сотрудников внешней разведки и разведки генерального штаба. Я не хочу сейчас касаться вопроса о так называемых невозвращенцах. Этому вопросу также уделялось внимание во времена существования Советского Союза, но это совсем другая сторона дела.

Иначе следует подходить к тем, кто носил офицерские погоны и давал присягу на верность Родине. Невозвращение такого рода лиц было, является сейчас и будет являться всегда изменой и предательством.

Кто-то из великих мыслителей сказал, что психологию предателя объяснить невозможно; однако можно выделить всего лишь несколько решающих моментов, толкнувших человека в погонах на путь измены. В наших условиях в первую очередь это был страх. Страх разоблачения какого-либо неприглядного поступка, страх разоблачения, вызванный действиями разведчика в связи с провокацией спецслужб противника, и, таким образом, страх перед крахом карьеры и наказанием на Родине.

Возможно, сейчас психология потенциального предателя где-то могла поменяться; и в силу развала страны и возрастающего культа наживы сейчас могут найтись люди, предлагающие свои услуги за деньги. В этом смысле характерны агенты, завербованные нами из числа американцев — носителей секретов в той или иной области. В абсолютном своём большинстве они предлагали свои услуги или соглашались на наши предложения о сотрудничестве именно за деньги.

Говоря о психологии предателя, не могу не отметить, что в ряде случаев речь шла о людях с явно нарушенной психикой. К числу последних следует отнести наиболее заметные примеры в истории последних десятилетий. Это уже упомянутый мною ранее Олег Пеньковский — сотрудник ГРУ Генерального штаба, предложивший свои услуги англо-американцам по собственной инициативе — человек, потерпевший фиаско в своих амбициозных устремлениях как «великий разведчик». Всё его поведение, на мой взгляд, доказывало наличие серьёзных психических

отклонений.

Можно с уверенностью говорить о серьёзном нарушении психики и в другом, более свежем случае. Это Виталий Юрченко, который в 80-х годах работал по линии внешней контрразведки в советском посольстве в Вашингтоне, а затем стал заместителем начальника Первого отдела, т. е. американского отдела Первого главного управления.

Будучи во временной командировке в Италии, Юрченко обратился в американское посольство с просьбой предоставления политического убежища и был тут же вывезен американцами в Вашингтон.

С Юрченко в Вашингтоне одно время работал непосредственно Эймс, как специалист по России, и поэтому «похождения Юрченко в Америке» в период его короткого там пребывания достаточно хорошо известны.

Американцы действительно поначалу «носились» с полковником советской разведки Виталием Юрченко. Главной задачей для них было получить от него всё, что он знал о ПГУ и о работе разведки в Америке. Юрченко был даже принят на обеде генеральным директором разведки США — в то время им был Кейси.

Создается впечатление, что в своём воображении Юрченко нарисовал райские кущи и громкую славу, но всё обернулось несколько по-иному.

Во-первых, весь период пребывания в США он находился фактически в полной изоляции, а основное время было посвящено опросам его американскими специалистами, а скорее не опросам, а допросам. Удар был нанесён по психике Юрченко и с другой стороны.

Ранее он был в близких отношениях с советской женщиной, которая являлась женой сотрудника советского торгпредства, в это время работавшего в Канаде. Юрченко, очевидно, убедил себя, что теперь эта дама тут же побежит за ним, стоит только её позвать, и это украсит его существование в Штатах. Американские спецслужбы тайно доставили Юрченко в Оттаву и организовали посещение им квартиры его знакомой, когда она одна находилась дома. Но встреча для Юрченко закончилась полным фиаско. Наша дама не пожелала не только оставлять своего мужа и бежать в Америку, но, по всей очевидности, не пожелала вообще иметь дело с Юрченко в сложившейся ситуации.

Всё в целом, но в первую очередь неустойчивая психика самого Юрченко, подвигли его на то, что в один прекрасный день, находясь в ресторане в Вашингтоне в компании сотрудника американской разведки, он вышел якобы проветриться и устремился в советское посольство. Там заявил, что он бежал от американских спецслужб, которые ранее его насильно, под воздействием наркотиков, привезли из Рима в Вашингтон.

Естественно, эта версия устраивала наше руководство. Он при усиленном сопровождении был доставлен советским самолетом в Москву. Даже сделанные в Вашингтоне, а затем и в Москве соответствующие заявления на пресс-конференциях, конечно, опять не помогли ему стать героем.

В заключение скажу только, что абсолютное большинство предателей, оставшихся за рубежом, — это несчастные люди. И судьбы их очень похожи. Они не становятся полноценными членами общества в Америке или другой стране и являются изгоями, вынужденными постоянно скрываться из-за страха понести наказание. С другой стороны, постоянно находятся «под присмотром своих хозяев», так как полного доверия к ним никогда не бывает.

Упомяну только о судьбе нескольких заметных изменников, оставшихся за рубежом в разное время. Вскоре после окончания войны, в сентябре 1945 года, в Канаде изменил Родине шифровальщик нашей разведки Гузенко. Он передал канадцам, а соответственно, и американцам, бесценные сведения о целом ряде агентов в этих странах. Канадское правительство определило Гузенко пожизненное содержание, но вот, спустя уже много лет нам попало сообщение канадской прессы, в котором было сказано, что жена Гузенко возбудила судебное дело с требованием выплачивать денежное содержание, которое могло бы обеспечить оплату за учёбу детей, а канадцы отказывались пересмотреть сумму, выделенную на содержание семьи Гузенко.

Ещё более красноречивым было заявление, своего рода интервью, жены изменившего в Австралии в 50-е годы резидента советской разведки в Канберре — Пролетарского. В своё время этот человек принял решение изменить Родине сразу после ареста и разоблачения Берии, испугавшись, что он, поскольку как-то был связан с Берией, также попадет под судебное преследование в Москве. В интервью прямо было заявлено, что Пролетарские живут в Австралии в полной изоляции, уже много лет являются совершенно чужими людьми в этой стране и обрекли себя на жалкое существование.

Характерной является ставшая известной история с изменником Носенко. Юрий Носенко был сыном известного министра судостроения СССР, он довольно быстро дослужился до должности заместителя начальника отдела во Втором главном управлении (контрразведке) КГБ.

Утратив сдерживающие центры, Носенко превратился в типичного выпивоху. В краткосрочной командировке в Женеве он, как потом стало известно, в состоянии запоя бежал с помощью американской разведки в США. Цель в его затуманенном алкоголем мозгу была одна — получить

известность. Но не тут-то было. Контрразведывательное подразделение ЦРУ возглавляла в это время одиозная личность — некто Джеймс Энглтон. Позднее выяснилось, что Энглтон действительно страдал манией преследования, развившейся на профессиональной основе. Но всё это стало известно позднее, а в 1964 году Энглтон вынес заключение, что Носенко является двойным агентом — специально заслан в ЦРУ Москвой и продолжает работать на КГБ.

Энглтон поклялся, что разоблачит этого двойника, и в течение четырёх с половиной лет Носенко непрерывно «пытались расколоть», применяя всяческие изоциранные методы.

Не вдаваясь в детали, скажем только, что Носенко был полностью изолирован в специальном помещении без дневного света, в комнате находилась только кровать. Он был лишён на протяжении всего этого времени любой информации извне, не получал никаких книг, газет и содержался на полуголодном пайке! Все эти детали фактически постоянной пытки Носенко вскрылись на слушании в американском Конгрессе проблемы нарушений в ЦРУ законодательства США.

Следует сказать, что любой перебежчик обязательно попадает под подозрение, проверку, бесконечные «опросы», а контроль над ним, фактически слежка, продолжается всю его жизнь, даже если спецслужбы уверовали в то, что он не является «подставой» и агентом-двойником противника. Это характерно не только для эпохи деятелей типа Энглтона, но в принципе существовало и существует постоянно, и стало принципом работы ЦРУ с перебежчиками всех видов.

В заключение ещё один «громкий пример» — Аркадий Шевченко. В первых числах апреля 1978 года поступило сообщение о том, что исчез Аркадий Шевченко, работавший в Нью-Йорке в качестве заместителя Генерального секретаря ООН. Шевченко, бывший помощник министра иностранных дел СССР Громыко, имел ранг посла и, естественно, являясь старшим советским чиновником в системе ООН, имел доступ ко всей информации, связанной с деятельностью Советского Союза в ООН. Он располагал серьёзными сведениями непосредственно из МИДа, которые получал, опираясь на свои широкие связи, приобретённые во время работы в аппарате министра.

На этот раз американцы сразу заявили нам, что Шевченко попросил политического убежища. Обычно в случаях, когда «побег» какого-либо советского специалиста являлся для американцев неожиданным, они тянули время, могли несколько дней не отвечать на наши запросы, отказывались предоставить возможность свидания нашим официальным

представителям с перебежчиком и т. д. На этот раз всё было иначе. А дело в том, что на протяжении уже достаточно длительного времени Шевченко был завербован американцами. Ранее поступали сигналы о серьёзных нарушениях Шевченко норм сотрудника заграничного аппарата, особенно такого ранга. В первую очередь речь шла о пьянстве, несогласованных поездках на американские курорты и т. п.

Наши товарищи докладывали об этом, но Шевченко пока всё сходило с рук. В американской прессе, а затем и в книге, которую издал Шевченко, причины его измены объясняются идеологическим неприятием советского строя. Вся история представлена как «крик души» человека, видевшего изнутри наши недостатки. Дело же было значительно проще.

Шевченко, пользуясь отсутствием какого-либо контроля и будучи человеком избалованным и, более того, развращённым, превратился в пьяницу и фактически тайно вёл разгульный образ жизни. Одна из его «подружек», профессиональная проститутка, находившаяся на связи у американской контрразведки, издала позднее книгу «Любовница изменника», в которой без всякого стеснения описывает эпизоды полного свинства в жизни и поведении Шевченко. Именно этим воспользовались американские спецслужбы, когда ещё в 1975 году сделали первый подход к Шевченко, а затем очень быстро завербовали его как платного агента.

Американцы пошли на то, чтобы с Шевченко встретились под их контролем советский посол в Вашингтоне А. Добрынин и советский представитель в ООН посол О. Трояновский. Все уговоры были заранее обречены на провал. Американцы были уверены в том, что Шевченко будет вести себя так, как им требовалось, так как к этому времени он уже более двух лет был агентом американских спецслужб, и никакого пути назад у него просто не было.

Шевченко «бежал» в связи с тем, что после настоятельных сигналов со стороны КГБ Громько принял решение вызвать Шевченко в Москву, чтобы «пожурить» его, так как никаких достоверных данных о его измене в это время ещё не было. Шевченко вызывали для «консультаций» в МИД. 31 марта 1978 года в Нью-Йорк пришла телеграмма с вызовом под благовидным предлогом Шевченко в Москву. Но произошло непредвиденное.

В это время в Нью-Йорк приехал заместитель заведующего американским отделом Г. С. Сташевский, который хорошо знал Шевченко, и в первый же день был приглашён последним на ужин. Шевченко в доверительной обстановке поинтересовался, зачем его, собственно, приглашают в Москву, и на это он получил наивный ответ, что министр

хочет его «выстегать», так как на него наговаривает КГБ. Шевченко тут же оценил обстановку как провал и в этот же вечер бросится на срочную встречу со своими хозяевами, где и было принято решение о «невозвращении».

Он не вернулся даже домой, бросил семью. Сташевский же уже на другой день рассказал нашим товарищам о своей встрече с Шевченко. Через пару дней в Москве мне пришлось в здании МИДа подробно беседовать со Сташевским о деталях его разговоров с Шевченко. Он откровенно рассказал, что слышал краем уха, как это обычно бывает, что Шевченко вызывают «на ковёр» к министру, но нисколько не сомневался, что это лишь «лёгкая профилактика». В тот момент он внёс определенную ясность в происходящее, а с другой стороны, задним числом скажу, что «всё, что ни делается — к лучшему»: если бы Шевченко остался в МИДе, являясь американским агентом, он нанёс бы намного больший ущерб нашему государству.

По делу Аркадия Шевченко написана куча статей и даже книг. Они известны. Но об одной, неопубликованной у нас, скажу несколько слов. Книга «Любовница перебежчика» вышла вскоре после бегства Шевченко. Автором была действительно его любовница, и книга вышла под её собственным именем, Джуди Чавис. Она была привилегированной девушкой по вызову и одним из инструментов Нью-Йоркского отделения ФБР при разработке и вербовке Шевченко. В книге Джуди сообщает, что сразу после «исчезновения» Шевченко один из её знакомых по этому делу фэбээровцев сказал ей доверительно, что ей стоит на время исчезнуть, так как «дело сложное». Она поняла так, что ФБР вообще может её «убрать» и бросилась за советом к своему другу-журналисту. Последний, человек опытный, правильно оценил обстановку. По его совету она в печати открыто и достаточно громко должна была заявить о себе и сообщить во всех подробностях о своей причастности к скандалу с Шевченко, тогда её не посмеют убрать, так как ФБР такой скандал никак не нужен. Книга была быстро написана в соавторстве с журналистом и издана. Издание изобиловало пикантными подробностями, а нередко и скабрёзностями. Девушка писала, что помимо связи с ней Шевченко пользовал просто уличных проституток, а однажды она обнаружила, что его моча в унитазе была цветной от приёма лекарств и поняла, что он подцепил венерическую болезнь. В другом отрывке она пересказывала рассказ агента ФБР, который работал с Шевченко. Агент, как она пишет, был «опять в новом костюме» и заявил ей, что вынужден был купить костюм, так как прежний был полностью испорчен Шевченко, когда они последнего, в очередной раз

упившегося, выносили из ресторана. Мы доложили краткую аннотацию книги начальству и через пару дней получили «рекомендацию», видимо, исходящую с самого нашего верха, что книгу публиковать у нас не следует: «Нет нужды вновь ворошить грязное бельё». Очевидно, это было правильно. Хотя, может быть, была и ещё одна причина: в книжонке в не очень лестных выражениях говорилось о связи Шевченко и его жены с А. А. Громыко, министром иностранных дел в то время, и его женой.

После своего побега Шевченко быстро превратился «в ничто» и только доставлял головную боль своим хозяевам. Он бесславно закончил свою жизнь в полном забвении. Умер от цирроза печени. На его похоронах были только представители ФБР.

В абсолютном большинстве дел по шпионажу, дел об агентах противника, имеющих доступ к настоящим секретам страны, к сведениям особой важности, шпионы были выявлены контрразведкой только после прямой информации об этих лицах, полученной из спецслужб противника. Нет нужды сравнивать статистику по соотношению дел, раскрытых по каналам разведки, и дел, которые выявила контрразведка в «чистом виде», т. е., базируясь только на своих внутренних сигналах. Это касается и западных спецслужб в такой же мере.

Такие дела, как дело Пеньковского, раскрытое по сигналу нашего наружного наблюдения, являются явным исключением. Правда, надо вспомнить о небрежности и торопливости англо-американцев в работе с Пеньковским. По поведению Пеньковского было заметно, что он человек психически неуравновешенный, и они сами чувствовали, что Пеньковский должен провалиться и спешили ухватить от него как можно больше информации. Но исключения только подтверждают правила. Трудно привести много примеров успешного раскрытия агентов противника контрразведкой без получения соответствующего сигнала от разведки. В этой связи интерес представляет дело Александра Огородника — крупнейший успех нашей контрразведки по разоблачению очень важного агента ЦРУ.

Второе главное управление показало в деле Огородника свой профессионализм, получив от нас (управления «К») небольшую и неконкретную информацию, наводку. Нам стало известно от нашего работника Валерия, что спецслужбы Колумбии проявили интерес к связи советского дипломата в Боготе Огородника с местной гражданкой Санчес. Связь носила интимный характер и была довольно серьёзной. Сигнал, конечно, был передан по назначению, во Второй главк. Косточка была небольшой, и, надо отдать справедливость, контрразведчики вцепились в

неё намертво и разгрызли до конца. Как потом стало известно при дальнейшем расследовании, Огородник был завербован американцами на «крутом» компромате, который попал к ним в руки нежданно-негаданно. Почти случайно связь Огородника с Санчес попала в поле зрения колумбийских спецслужб. Дама позвонила Огороднику прямо в посольство из Испании, куда выехала в гости на несколько дней. Она была во взволнованном состоянии и сразу заявила, что беременна. Огородник прервал разговор, попросив даму перезвонить через полчаса на городской телефон-автомат, который находился недалеко от посольства. Но учитывая, что звонок был в посольство советскому дипломату, он был зафиксирован, записан и дал почву для действий колумбийской контрразведки. Вскоре агенты колумбийских спецслужб вызвали приехавшую домой даму-колумбийку и тут же привлекли её к сотрудничеству, что было, очевидно, несложно. Получив от Санчес все подробности её связи с советским дипломатом, они вышли прямо на Огородника с предложением о сотрудничестве, или пригрозили придать огласке всю историю, что грозило Огороднику отзывом в Москву и всевозможными унижениями — его подруге. Огородник заявил, что будет разговаривать только с представителем ЦРУ США. С этим проблем не возникло. У колумбийцев контакт с американцами был налажен, и уполномоченный офицер ЦРУ прибыл немедленно. Огородник дал согласие работать на ЦРУ, поставив лишь несколько условий: что его подруга получит возможность проживать в Испании, что расходы по рождению ребёнка будут оплачены американцами, что ЦРУ откроет небольшой центр по уходу за детьми, где будет работать Санчес. Все условия были, конечно, приняты. Огородник «без разгона» начал давать информацию американцам. (Есть сведения, что Санчес и сейчас живёт и работает в Испании, руководит созданным для неё центром. Она родила дочь, которая жила вместе с матерью, а позднее тоже стала работать в этом центре.)

Информация Огородника оказалась интересной для американцев, против их ожидания. Более того, через полгода Огородника отозвали в Москву и назначили в одно из основных управлений МИДа. Через него шла переписка с послами ведущих стран. Огородник стал передавать десятки зашифрованных телеграмм, сотни страниц отчётов посольств и аналитических материалов центрального аппарата МИДа.

Чаще всего агент, завербованный на компроматах, настроен против своих хозяев и работает под нажимом, из-под палки. Здесь же было всё по-другому — на этот раз агент работал с ЦРУ не за страх, а за совесть. От Огородника шли сотни страниц документов: важнейшие указания послам и

даже доклады МИДа руководству страны. Это были фотокопии документов, не вызывающие сомнений. ЦРУ оценило важность материалов. Сообщения Тритона, — такую кличку Огородник получил от хозяев, — переводились дословно и со спецкурьерами направлялись в Белый дом, Госдепартамент, Совет национальной безопасности США, лично первым лицам, даже на специальных бланках. Были отработаны все возможные тонкости двусторонней связи. Шифроблокноты с особой степенью защиты, новейший закамуфлированный фотоаппарат и т. д. Тритон был возведён в градации ЦРУ в категорию особо охраняемых среди самых важных агентов. О каждой операции в Москве по делу Тритона обязательно докладывали директору ЦРУ Стэнсфилду Тернеру.

Первый отдел Второго главного управления получил, как было сказано выше, маленькую косточку-наводку. И сотрудники контрразведки начали эту разработку. Поначалу — почти ничего, но потом появились косвенные признаки предательства и уверенность, что стоит копнуть поглубже. Станный телефонный звонок (с первого дня все телефоны были на «прослушке») — «случайная ошибка», но может быть и условленностью. Разведка не верит в случайные звонки. Случайная встреча, например, тоже может быть условленностью. Обратило внимание на себя получение для работы Огородником шифровок, не имеющих прямого отношения к его текущим делам. В МИДе и на квартире была установлена аппаратура для наблюдения и другие ухищрения. Наконец, аккуратно был сделан тайный скрупулезный обыск квартиры. Проведя все мероприятия, контрразведка получила ясные доказательства разведывательной работы Огородника, с фотографированием документов, даже созданием микроточек, и наконец стали известны тайниковые операции.

Чтобы получать документы и передавать указания, оборудование и деньги в стране с квалифицированной службой контрразведки не найдено лучших способов, чем тайниковые операции. Эти операции проводила молодая женщина, сотрудник ЦРУ, имевшая дипломатическое прикрытие в посольстве США в Москве, Марта Петерсон. По стандартному мышлению, американская разведка считала, что молодая женщина, находящаяся первый раз в заграничной командировке, вызовет наименьшие подозрения. Но, видимо, урок разоблачения Пеньковского (тоже на тайниковой операции, проводимой при участии женщины, даже не разведчика, а жены разведчика) ЦРУ не был учтён. Петерсон была хорошо подготовлена ЦРУ по программе специального обучения, но это не помогло.

15 июня 1977 года Петерсон шла по мосту окружной железной дороги через Москву-реку, от Нескучного сада к концу Фрунзенской набережной.

Маршрут сам по себе был довольно странным, так как по этому мосту ходят единицы пешеходов, да и мост, собственно, никуда не ведёт. Это не Охотный ряд и не Пречистенка, чтобы просто пройтись (полное отсутствие знания обстановки у цэрэушных московских начальников). Сойдя с моста, Петерсон попыталась положить контейнер, похожий на обычный камень, но была схвачена сзади, в обнимку, так что не успела ничего сделать. Вместе с контейнером был отобран миниатюрный радиоприёмник, предназначенный для возможного перехвата переговоров нашей службы наружного наблюдения. Уже в машине, которая немедленно оказалась рядом, Петерсон заявила заученные формы протеста о дипломатическом иммунитете и т. д.

Опрос задержанной продолжался недолго. Уже через два часа дама была передана «из рук в руки» американскому консульскому сотруднику. В тот же день последовала нота МИДа о выдворении Марты Петерсон из Союза как персоны *non grata*. Обычных в таких случаях нот протеста от американцев не последовало, так как задержание было с поличным, и не вызывало никаких сомнений о причастности к шпионажу.

В «Известиях» было дано сообщение об американской шпионке и об ухищрениях тайных служб, мини-камере, специальном «камне», шифрах, — всё в подробностях. Огородник исчез из поля зрения американцев, и провал, а он был очевиден, очень обеспокоил штаб ЦРУ. В прессе появилось несколько версий произошедшего. «Рупор» ЦРУ Джон Баррон, автор книги «КГБ», опубликовал свою версию, упирая на то, что Огородник, как «ярый антикоммунист», оказавшись в руках врагов, прямо на Лубянке демонстративно покончил жизнь самоубийством, приняв яд.

Известно, что шеф ЦРУ Тернер дал указание о тщательном расследовании причин провала Тритона. Он же приказал приостановить все операции ЦРУ в СССР и соцстранах до выяснения причин провала.

Реализация дела Огородника в Москве развивалась в соответствии с планом в двух направлениях: захват сотрудника ЦРУ со шпионским снаряжением с поличным и захват в то же время самого Огородника. К этому времени Второе главное управление располагало, можно сказать, исчерпывающими материалами по делу. Было ясно, что Огородник работал на американцев один и только по материалам МИДа; какой-либо другой информации от других связей или источников не имел, и его арест был вполне оправдан. Поэтому можно было поспешить. Арест проводился прямо на квартире Огородника, с захватом всей его спецтехники, шифроблокнотов и тайника с деньгами. Предательство было столь очевидно, что Огородник не пытался даже возражать, как-то сразу

признался и согласился по горячим следам записать это признание. Возможно, что он сам и предложил сразу дать письменные признания с целью получить доступ к ампуле с ядом. Усевшись за стол, он попросил бумагу и свою ручку из кармана пиджака (он, конечно, уже был тщательно обыскан). Получив ручку, Огородник мгновенно открутил колпачок и отправил находившуюся там ампулу в рот. Смерть, как утверждают очевидцы, была практически мгновенной.

Операцию проводили руководители главка, и за «недосмотр» ругать было некого. Вся история пришла к логическому концу.

Скажу несколько слов о ядах из рук американской разведки. Эта операция со смертельным ядом, вручаемым даже не кадровым офицерам, постоянно практикуется в ЦРУ. Яд был у американского лётчика Френсиса Пауэрса, который должен был покончить с собой в случае захвата во время полёта над Советским Союзом на самолёте У-2. Этот лётчик даже не был сотрудником разведки, а работал как классный пилот по контракту. Он хотел жить, и сам отдал нам ампулу с ядом. Огородник же якобы сам просил ампулу с ядом у ЦРУ и получил первую порцию, затем заявил, что утерял зажигалку, в которой была ампула с ядом, и получил новую порцию, спрятанную в самопишущей ручке. На самом же деле Огородник убил первой порцией яда свою подругу в Москве, заподозрив, что она о чём-то догадывается. Убийство было хладнокровным и продуманным. Он даже настоял, уговорив и отца подруги, отказаться от её вскрытия после смерти, хотя смерть была необычной и очень похожей на отравление. Контрразведка, детально анализируя дело Огородника и материалы допросов родных его подруги, на базе возникших подозрений провела эксгумацию тела и получила доказательства, что было отравление. Яд, от которого умерла женщина, был идентичен яду, полученному Огородником от ЦРУ и выявленному в его организме после отравления. (Интересно, кто и на каком уровне в аппарате ЦРУ решает такие щекотливые вопросы, как выдача яда для самоуничтожения агентов.) Все товарищи, задействованные в операции по Огороднику, были представлены к правительственным наградам и получили ордена высокой степени. Из 2-го главка мне позвонили с вопросом, не возражаем ли мы (имеется в виду управление «К»), что наш товарищ, который работал в Боготе и дал ценную информацию по делу Огородника, будет награждён орденом. Мы, конечно же, поддержали предложение коллег о награждении Валерия, и ему был вручён орден «Красной звезды» по представлению 2-го главного управления КГБ, что бывало нечасто.

В управлении «К» получило хорошее развитие направление работы с

двойниками разведок западных стран. Это направление давало нередко интересную информацию о деятельности спецслужб противника, а иногда и почву для нашей встречной разработки иностранных разведчиков. В большинстве случаев мы имели дело с американцами, с ЦРУ США. Управление постоянно работало и по осуществлению наших подстав противнику, и по проведению оперативных игр. Иногда такие игры продолжались годами. С нашей стороны в роли подстав, т. е. лиц, идущих «на сотрудничество», использовались в абсолютном большинстве случаев советские граждане, в надёжности которых не было сомнений. Эти игры начинались, как правило, за рубежом и нередко продолжались в нашей стране. В таких играх мы тесно сотрудничали с контрразведывательными службами КГБ, в первую очередь, со 2-м Главным управлением КГБ, а иногда и с 5-м управлением КГБ. Очень редко возникала ситуация, в которой разведка противника проявляла особый (вербовочный) интерес к нашим сотрудникам, и создавались условия для проведения игры. Такая операция в мою бытность развернулась в Канаде. Наш разведчик Савельев, находясь в командировке в Канаде, вышел на контакт с сотрудниками канадской контрразведки РСМП. Стремление развить контакт было взаимным, но вскоре стало ясно, что РСМП ставит перед собой задачу постепенно, «мягко» втянуть нашего сотрудника (он был под дипломатическим прикрытием) в сотрудничество с контрразведкой и, как итог — завербовать его. Опыта у канадцев, конечно, было меньше, чем у американского ЦРУ, которое постоянно пыталось курировать канадских коллег. Контакт Савельева с РСМП осторожно и медленно развивался. Наступил момент, когда по сроку службы Савельев был заменён и выехал в Москву. Канадцы обусловили с ним различные способы связи и вызовы на встречу с его стороны. Наметили возможные встречи в Европе, в частности, в Швейцарии. Все эти осторожные, но упорные шаги со стороны РСМП продолжались. Всё происходило, конечно же, под контролем Центра. Я несколько раз встречался с нашим товарищем и пришёл к заключению, что он не только хорошо подготовленный профессионал, как любят сейчас говорить, но и человек волевой, с гибким умом. Это заключение позволило дать Савельеву большую самостоятельность в рамках главной линии игры и возможность менее напряжённого общения с канадцами. РСМП выплатило Савельеву определённую сумму, открыло анонимный банковский счёт и перечисляло на этот счёт вознаграждения. Савельеву канадцами был выдан письменный перечень вопросов-заданий и детальные условия связи в третьих странах. Держать связь в Москве они не решились. Савельев дважды выезжал в

Швейцарию, всё бы хорошо, но возникли трудности у нас: что нового готовить для бесед с канадцами, что нового можно получить о канадцах в качестве серьёзной информации... Были и другие проблемы по организации «легенды» работы Савельева в Москве. Информационная отдача этих встреч с РСМП также значительно снизилась. Было принято решение на базе полученных материалов провести активные мероприятия по разоблачению канадских спецслужб в распространении шпионской работы и показать мировой и канадской общественности правду о канадских спецслужбах: то, что они не такие уж «белые и пушистые», как утверждали канадские политики. Пресс-конференция в Москве, публикации в газетах об этой «игре» прошли успешно. Отклики прозвучали и в канадской прессе. Но, скажем прямо, канадские власти довольно быстро приглушили эту разоблачительную компанию. Правительства, особенно стабильных стран, не очень любят разоблачать свои спецслужбы, да это и понятно. Савельев был поощрён за работу с канадцами и продолжал свою службу в разведке на другом участке.

Летом 1977 года меня вызвал начальник и, вручив мне катушку с плёнкой, поручил в письменном виде кратко отметить существенные моменты содержащейся на плёнке беседы. Одновременно я был введён в курс дела. Речь шла о вербовке «в лоб» американского дипломата в Советском Союзе. До этого я об этой операции ничего не знал, был, так сказать, свежим, незаинтересованным человеком.

Делами нацистских преступников и их пособников, действовавших на всей территории нашей страны, а затем укrywшихся на Западе, и в первую очередь, в Соединённых Штатах, занималась служба «А». Эта служба и получила информацию о том, что крупный американский дипломат был родом из Западной Украины и, якобы, выходцем из семьи, которая сотрудничала с оккупантами, а сам он бежал на Запад вместе с немцами. Так как американец в это время работал в Париже, то изучение вопроса было поручено европейскому отделу Управления «К». Речь шла о главе представительства США при ЮНЕСКО Константине Варвариве. Ранга посла у него не было, но советником Госдепартамента США он, конечно, являлся. Интерес к Варвариву возник в связи с тем, что он должен был приехать на конференцию ЮНЕСКО, которая проводилась в Тбилиси. Управление «К» провело дополнительную проверку. Париж ничего заслуживающего внимания не сообщил, а сотрудник, посланный на Украину, нашёл только отрывочные данные о семье Варварива. Его отец и брат служили в гитлеровской армии и погибли, Константин же бежал на Запад, мать и сестра затерялись где-то на Украине. Фактов работы

Константна на немцев получено не было. Однако было принято решение провести вербовочный подход к Варвариву в Тбилиси. Крючков одобрил. Рассуждали: пусть компрометирующих материалов для вербовочной операции маловато, но и риск невелик, ведь всё мероприятие должно было проходить «у себя дома».

Выступить в роли вербовщика было поручено Виктору Черкашину, теперь широко известному разведчику. Черкашин вместе со своим шефом, заместителем начальника управления «К», отправились в Тбилиси.

Председатель КГБ Грузии Инаури был введён в курс дела и с большим интересом воспринял идею вербовки пособника фашистов. Он обеспечил возможную помощь: наружное наблюдение, технику для прослушивания и записи, нужные номера в гостинице «Интурист», даже предложил задержать американца и проводить вербовку в грузинской тюрьме. Наши товарищи от идеи ареста американца тут же отказались, понимая, что может получиться серьёзный пережёлт в случае неудачи. Но, оглядываясь на всё дело сейчас, могу предположить, что большего шума, чем случился, не могло быть, а арест дипломата поставил бы посольство США в Москве и Госдепартамент США в затруднительное положение, так как на первых порах у них не было бы никакой реальной информации по делу. Постфактум были бы, конечно, нота протеста и обвинения в печати, но прежде всего они были бы заняты освобождением своего дипломата и отправкой его в Штаты, и острота момента ушла бы. Так что грузинский председатель КГБ был в какой-то степени прав, а ему, в свою очередь, хотелось, чтобы в таком громком деле прозвучали Грузия и грузинская безопасность, как говорят, в полный голос.

Черкашин пришел в номер Варварива часов в десять вечера. Этажом выше, в номере с техникой прослушивания находился наш заместитель начальника управления «К», куратор операции. Разговор затянулся до четырёх утра. Представьте, сколько всего наговорили. Начальство не захотело слушать запись бесконечной беседы, и плёнку вручили мне для внимательного прослушивания и составления краткого резюме. Судя по записи беседы, Черкашин сразу занял агрессивную позицию, заявив, что Варварив — пособник фашистов, скрывающий этот факт от американцев, и особенно от Госдепартамента США, где он успешно делает свою карьеру. Варварив возмущённо всё отрицал, грозил скандалом, подчёркивал свою дипломатическую неприкосновенность и т. д. А Черкашин сменил гнев на милость и вскоре начал намекать, что огласки можно избежать и полюбовно разрешить этот щекотливый вопрос. Варварив не поддавался. Наконец, исчерпав угрозы, Черкашин затронул тему угрозы семье,

оставшейся на Украине, и особенно сестре. (Мы толком ничего не знали о сестре, и, как я понимал, вообще не было полной уверенности в виновности Варварива: тот ли это человек, служил ли он у немцев). Примерно по истечении часа, явно владея собой, и после упоминания о семье и сестре, Варварив поменял тактику. Он сказал, что никогда не принимал участия в борьбе против партизан, нигде не служил, так как был ещё слишком молод, и наконец сообщил, что его сестра уже давно живёт в США. Заявив это, он как бы признал, что был при немцах на Украине. Это ободрило Черкашина, который тут же прямо предложил Варвариву «помогать нам», т. е. сотрудничать с КГБ. Варварив зацепился за слово «помогать» и неоднократно повторял, что «всей душой всегда стремился помогать своей первой родине, в частности, в рамках культурного обмена и вообще в сфере работы ЮНЕСКО». Подходы Черкашина о каком-либо сотрудничестве с КГБ явно результатов не давали, да и он, видимо, не был готов как-то конкретно закрепить и уточнить вопрос помощи КГБ. Дело забуксовало. Вроде бы и проблески положительных результатов забрезжили, но что за этим стоит, было непонятно. Куратор операции, который слушал весь этот бесконечный разговор и по сценарию мог появиться для закрепления вербовки, заходить не стал, явно почувствовав ненадежность успеха. Разошлись собеседники довольно лояльно, как казалось. На следующий день Варварив появился на утреннем заседании, но вскоре сотрудники наружного наблюдения сообщили, что он отправился в аэропорт и первым самолётом вылетел в Москву. Почти в это же время наши товарищи из Москвы сообщили, что американское посольство направило в наш МИД очень жёсткую ноту с протестом. В ней указывалось, что была проведена провокация в отношении дипломата Соединённых Штатов во время его участия в международной конференции. Говорилось с возмущением о неправомерности действий и т. д., и т. п... МИД, видимо, на самом высоком уровне (по-другому и быть не могло), выразил своё недовольство, сказав, что «во время, когда Советский Союз ищет возможности улучшения обстановки в мире», такой выпад неуместен. Американская пресса как могла громко расписала «новые злодеяния КГБ». Мы тут же огрызнулись разоблачительной статьёй. Указание получил и сам Крючков, который занял позицию защиты чести мундира. В дело вмешался ещё и первый зампред Андропова, весьма влиятельный Цынёв. Зампреда возмутило, что вся «скандальная», по его словам, операция проходила без его ведома. Он был главным куратором Следственного управления КГБ, откуда поступили первичные материалы, и должен был знать, что происходит. Цынёв потребовал подробного доклада и грозил наказанием

виновных, т. е. Управления «К». Докладная Цынёву был послана, очень подробная, и составлена так, я думаю, что понять из неё никто ничего не мог, даже люди, которые были в курсе дела. Возникла угроза, что виновников скандала потребуют «на ковёр», и последствия могут быть непредсказуемыми и задеть службу разведки в целом. Крючков поступил просто: он отправил и Черкашина, и его начальника — куратора операции — в командировку в Берлин на две недели. Оба наши товарища «работали с Берлином» и имели там достаточно вопросов, что оправдывало их отъезд. Две недели — оптимальный срок, чтобы спустить такой скандал «на тормозах». Американская пресса пошумела два-три дня и, не получив новых сенсаций по делу, утихла. У Цынёва запаса гнева хватило примерно на неделю. Прошло две недели, и вопрос закрылся сам собой. Но, как в том анекдоте: «ложки нашлись, а осадок остался».

Судьба позднее вознаградила Черкашина сполна, сведя его с двумя самыми значительными агентами на ниве контрразведки. Несколькими годами позднее этой скандальной истории, работая замом резидента разведки в Вашингтоне, он сумел привлечь в ряды КГБ крупнейшего в истории американской и нашей разведок агента, американца Олдрича Эймса. Эймс, имевший доступ ко всем делам по Советскому Союзу, передал нам всю агентуру, в том числе американских агентов в нашей разведке и в разведке Генштаба (ГРУ). Он сообщил о ряде крупных операций ЦРУ в СССР. Но и это ещё не всё. Черкашин сумел привлечь к работе ещё одного важного «источника», сотрудника спецслужбы США Роберта Ханссена, работавшего над анализом всей информации по работе против СССР. В его распоряжении были материалы не только ФБР, но и ЦРУ.

Одним из направлений моей работы во внешней контрразведке было руководство с позиций Центра деятельностью наших резидентур по линии КР в странах Латинской Америки. В этих странах были представители внешней контрразведки, как правило, в составе совсем небольших групп, а иногда и вовсе один-два, максимум три человека и офицер безопасности.

Кстати сказать, система работы офицеров безопасности, введенная в конце 70-х годов, сначала в крупных странах, а затем распространившаяся на все страны, где имеются наши посольства, себя полностью оправдала. Она послужила дополнительным связующим звеном между нашей службой и советскими послами и руководителями советских учреждений за рубежом, но это только одна сторона вопроса. Основная же часть нагрузки на офицеров безопасности ложилась в области контрразведывательной защиты наших учреждений и советских граждан. Офицеры безопасности,

как правило, поддерживали контакты с местными спецслужбами и, как показала практика, находили с их представителями общий профессиональный язык.

На офицеров безопасности легла также не очень благодарная работа по разным происшествиям с участием советских людей: начиная от различного рода несчастных случаев, кончая мелкими кражами в магазинах. Таким образом, в каждой стране американского континента помимо вопросов, связанных с работой внешней контрразведки, необходимо было заниматься многочисленными вопросами, возникающими в работе офицеров безопасности. В связи с инспекционными поездками либо с конкретной необходимостью по нашей работе я побывал во многих странах этого континента, что само по себе было чрезвычайно интересно. Во многих отношениях это другой, очень занимательный мир со своим укладом жизни и специфическим мышлением.

Небольшой эпизод, хочется думать, характерный для Латинской Америки, произошёл во время одной из моих командировок. Наш резидент рассказал, что он уже достаточно длительное время поддерживает дружеские отношения с одним из руководителей национальных спецслужб в стране своего пребывания. Латиноамериканец дружелюбно относился к Советскому Союзу и, хотя проявлял профессиональную сдержанность в беседах с нашим резидентом, делился с ним информацией о деятельности американцев в его стране.

На мой вопрос, почему мы не знаем в Центре о таком интересном контакте, наш товарищ объяснил, что он рассматривал это как нейтральную связь, необходимую только для получения некоторой дополнительной информации по обстановке в стране. Я заинтересовался вопросом и с профессиональных позиций стал расспрашивать обо всех деталях взаимоотношений с латиноамериканцем, обращая особое внимание на моменты, которые бы позволили углубить эти отношения и перевести их на агентурные. Выяснилось, что контакт имеет антиамериканские взгляды. Антиамериканские взгляды в Латинской Америке исповедуют в той или иной степени 90 % местного населения, и это полезно для возможной агентурной работы, но недостаточно. Как бы между прочим, отвечая на мои вопросы, наш резидент сказал, что его контакт является человеком, в принципе, обеспеченным, но серьёзного достатка не имеет, и далее он поведал, что латиноамериканец увлекается фотографией и мечтает приобрести, не помню уж точно какой, профессиональный фотоаппарат. Помню только точно, что речь шла о какой-то новой модели, стоимостью в

3–4 тысячи долларов. Мысль о том, чтобы подарить такой аппарат, приходила нашему товарищу, но будучи впервые на должности резидента в небольшой стране, он даже не решался ставить вопрос о разрешении Центра на такой подарок.

Мы вместе с ним написали толковую телеграмму и направили её непосредственно в моё управление. Под телеграммой наряду с резидентом поставил и я свою подпись. Расчёт оказался правильным, и разрешение на покупку фотоаппарата пришло буквально на следующий день.

Разработка руководителя спецслужбы страны была успешно продолжена, и буквально в считанные месяцы был достигнут уровень агентурных отношений. Латиноамериканец оказался очень добросовестным и полезным источником информации, в первую очередь, по работе американской разведки в этой стране.

Я говорю об этом эпизоде, отмечая, что сейчас в газетах пишут о сотнях тысяч и даже миллионах долларов, которые тратят разведки на приобретение полезных, а иногда и не очень полезных источников информации. В то же время в нашем деле иногда грамотная оценка ситуации даёт совершенно неожиданные и впечатляющие результаты.

Одной из существенных сторон работы управления «К» являлось сотрудничество с соответствующими подразделениями других социалистических стран. Это сотрудничество было плодотворным и шло на пользу обеим сторонам. Не вдаваясь в детали конкретных операций, хочу сказать несколько слов о нашей совместной работе с кубинцами.

Я побывал на Кубе за период моей работы в управлении «К» несколько раз. Куба в целом, а наши коллеги из кубинских органов безопасности — в частности, оставили у меня очень тёплые воспоминания, и не только «действительно тёплым климатом», но и своим отношением к нашим людям. Естественно, я поддерживал контакты с представителями кубинских спецслужб. Отношения носили тесный и дружественный характер. В немалой степени этому способствовали черты национального характера кубинцев: их открытость, подвижность, и, я бы сказал, преимущественно весёлое, радостное настроение.

Кубинская служба располагала определенными преимуществами в работе на американском континенте. В Латинской Америке кубинцы были просто свои люди, но и в США их представители чувствовали себя достаточно уверенно. Уже в этот период в США находилось более 800 тысяч кубинских эмигрантов. Из этой среды набирали свою агентуру все американские спецслужбы, и в первую очередь ЦРУ. Это же открывало серьёзные возможности и для кубинской разведки, особенно отдела

внешней контрразведки, аналогичного нашему управлению.

Естественно, кубинцы главным образом направляли свои усилия на работу в национальных организациях, действующих с территории США против Кубы, особенно в тех организациях, где отмечалась активная работа американской разведки. Такая направленность очень напоминала деятельность органов Государственной Безопасности Советского Союза в первые годы Советской власти, когда главные усилия ЧК — НКВД были также направлены против монархистов, белоэмигрантов — сначала, а позднее — против НТС, троцкистов и т. д.

Кубинцы охотно делились с нами своей информацией, а мы старались не вмешиваться в их работу по кубинской эмиграции и проявляли интерес только к вопросу взаимодействия в работе против ЦРУ. Среди кубинских разведчиков у меня было много знакомых, которые регулярно бывали в Москве. Именно поэтому, когда я приезжал на Кубу, то общение было очень простым и лёгким.

В порядке небольшого отступления.

Вместе с кубинскими товарищами я побывал на вилле, где жил и работал великий Эрнест Хемингуэй. Я обратил внимание, что для кубинцев это место — святое, и мне это было очень приятно, так как Хемингуэй — один из самых любимых мною писателей.

Хорошо помню простой, но прелестный дом в стиле строений тропических стран, продуваемый со всех сторон ветром. Дом Хемингуэя стоит на возвышенности, это лучшее место, чтобы спастись от очень высокой влажности, которую несёт тёплое море. От виллы мы спустились к заливу, на берегу которого находился небольшой рыбацкий посёлок (здесь и в наши дни проводятся соревнования по рыбной ловле в память о Хемингуэе), затем взобрались на самый верх старинной крепостной башни, и перед нами открылся простор Карибского моря. Вдруг, метрах в 400–500 я буквально простым глазом увидел выскакивающих из воды крупных рыб, косяк которых проходил прямо перед нами по заливу. Нас сопровождал кубинский пограничник-офицер, который объяснил, что это косяки дорадо — очень вкусной и ценной рыбы. На мой вопрос, можно ли экспромтом организовать рыбалку, пограничник ответил, что он попробует, и направился в рыбацкий посёлок. Минут через десять к нам уже подходил, пыхтя, небольшой рыбацкий баркас с двумя профессионалами-рыбаками на борту. Мы отправились на рыбалку. Она получилась фантастической. Уже в первые полчаса я поймал на спиннинг двадцатикилограммового дорадо, и тут же, вслед за этим, мой товарищ поймал ещё одну рыбину, правда, метших размеров.

Мы довольно далеко отошли от берега, и тут рыбаки заметили невдалеке огромный плавник рыбины, которая рассекала поверхность почти тихой глади моря. Рыбаки сказали, что это огромный марлин, по их словам, до ста пятидесяти и более килограммов, и можно попробовать его поймать. Это была та самая рыбина, которую ловил рыбак в прекрасной повести Хемингуэя «Старик и море».

Рыбаки тут же снарядили мощную снасть, нацепили на огромный крючок заготовки наживы: на один крюк — рыбу, на другой — кальмара, и мы направили катер в район, где видели рыбину. Мощный спиннинг был укреплен в пол для того, чтобы его не вырвала из рук рыба в случае поклёвки. Я держал один из спиннингов и довольно скоро почувствовал сильную потяжку. Мощная леска, отпущенная метров на 100, а то и на 150, натянулась — я дёрнул. Подсечка не удалась, рыба выпустила наживку и не зацепилась. Рыбаки объяснили мне, что надо было выждать, когда рыбина захватит наживку, и это выжидание могло продолжаться некоторое время. Но ничего не сделаешь — момент был упущен.

Мы бороздили море ещё где-то около часа, рыба не уходила и несколько раз появлялась в поле нашего зрения и шла за наживкой, но поклёвок больше не было. Нам пора было возвращаться, и огромная рыба осталась в море. Может быть, это и хорошо, так как даже из моей пойманной дорадо (кубинцы заказали в ресторане парадный ужин) было приготовлено минимум, десяток рыбных блюд, которые мы в этот же вечер с удовольствием попробовали. Вспоминаю кубинских товарищей и славный остров Свободы всегда с тёплым чувством. И отношусь с искренней любовью к этой стране и её мужественному народу.

Я побывал в служебной командировке в Соединённых Штатах, в трёх городах, где находятся наши представительства: в Вашингтоне — наше посольство; в Нью-Йорке — представительство при ООН; в Сан-Франциско — консульство. Нашим товарищам работать в США действительно непросто. Спецслужбы США помимо физической слежки и всех видов технической слежки и подслушивания постоянно осуществляют психологическое давление на наших товарищей. У ФБР по всем этим вопросам разработана широкая программа, где отдельной главой прописаны приёмы и методы психологического воздействия «на противника» непосредственно в самих США.

Я прилетел в Нью-Йорк и сразу — в аэропорту — прочувствовал на себе действие одного из таких приёмов. Я летел бизнес-классом и выходил в длинный проход к залу аэропорта одним из первых. Вдруг, прямо передо мной, выскочил тип, «как чёрт из табакерки», и быстро, пятясь задом, начал

щелкать фотоаппаратом прямо мне в лицо. Смутить тогда меня было непросто, но всё же было очень неприятно. Думаешь: «Вот завтра твоя фотография появится в газетах. И что в этом хорошего?». Тем более, незадолго до моей поездки американцы устроили следующее «шоу». Только что назначенный новый заместитель Крючкова поехал «посмотреть» наши резидентуры в США. Он был назначен со стороны, из ЦК партии. В разведке ранее никогда не появлялся. Кто-то из наших «кадров» предложил в эту первую поездку направить его под другой фамилией (по большой глупости, конечно!). Как об этом узнали американцы — неизвестно. Но спецслужбы дали в газетах фотографию нашего «героя», выходящего из самолёта, и сообщили его настоящую фамилию и должность, задав риторический вопрос с нескрываемым сарказмом: «Что же он у нас собирается делать?». Уже вскоре Андропов, а он тогда был председателем КГБ, перевёл «путешественника» куда-то в другое место. Касательно моей персоны публикаций не последовало, хотя, очевидно, что американцы уже имели представление о моей личности, но, видимо, понимали, что мы в Москве можем им ответить таким же образом. В Нью-Йорке за машиной, в которой меня возили по городу в первый день, пошла примитивная наружка — одна машина, и почти впритык, «на хвосте» у нас. Во второй день с утра история повторилась, но лишь до обеда. Мы пообедав заехали в ресторан и удачно нашли место для парковки. Машина наружки остановилась напротив нас. В ресторане мы сели у окна, и я видел, как один наружник вылез из машины и зашёл в наш ресторан. Убедившись, что за нашим столиком новых лиц не появилось, а мы с картами меню заказываем себе обед, он вышел. Машина «наружки» тут же удалась, и больше в Нью-Йорке я слежки не замечал.

В Нью-Йорке я жил в нашем большом жилом доме в Ривердейле и специально зашёл «походить-посмотреть» в магазин звукозаписывающей и другой тогда модной техники, который находился по соседству. На «базе» модной техники ФБР завербовало нашего молодого сотрудника Валерия, жившего в этом районе. Наш парень несколько раз заходил в этот магазин, разглядывал технику и приценивался к техническим новинкам. Но покупать приличную аппаратуру было ещё не по карману для него. Хозяин магазина, находящегося рядом с большим «советским домом», естественно, был агентом ФБР. Однажды он, забрасывая «наживку», предложил Валерию «уступить» в цене при любой покупке. Начали обсуждать, и тут хозяин магазина заявил, что он выдаёт на днях свою дочь замуж, и ему нужны два-три ящика русской водки. Он предложил Валерию приобрести для него водку по дипскидке в магазине нашего представительства, за что в

ответ обещал зачесть полную стоимость водки в оплату техники из его магазина и другие льготы. Валерий «клянул», хотя сто раз слышал нравоучения «о бесплатном сыре только в мышеловке», особенно для нас в Америке. Дальше всё было просто. Недели через две к Валерию подошли двое и очень деликатно объяснили, что обмен или торговля беспошлинной водкой — это серьёзный проступок для дипломата, и они (представители власти) хотят лишь предостеречь его на будущее. Разыграна была такая «любезность», чтобы убедиться в том, что Валерий не доложил о «подходе». Его поведение не изменилось. Спустя три дня был новый «подход». На этот раз спектакль повторился, но в более откровенной форме: было заявлено, что «всё будет забыто, но теперь уже при взаимной помощи». Вскоре Валерия попросили предоставить «крошечную» информацию: сначала о соседях по дому, затем о коллегах, потом о наших разведчиках. Увы, но Валерий выдал всё, что только мог, был отозван и осуждён в Москве за измену.

«Настоящую», при том многочисленную, «наружку» я видел только в Сан-Франциско. Наше консульство здесь небольшое, торговое представительство и того меньше. Управление ФБР в Сан-Франциско было одним из самых крупных и, очевидно, не загруженных. За машиной, на которой меня возил мой коллега, «работало» не менее пяти машин, а когда мы ехали по автостраде, машины слежки просто проводили «большие гонки», обгоняя нас, меняясь местами и т. д. Мы могли в нашей машине слушать их переговоры и одновременно наблюдать маневрирование машин слежки. «Заминка» произошла лишь тогда, когда мы по узкой дороге въехали на гору на смотровую площадку, чтобы полюбоваться на залив и знаменитые висячие мосты: Сан-Франциско — Окленд длиной 13 км, и «Золотые ворота» с длиной пролёта около 1300 м. Около смотровой площадки оказалось всего четыре парковочных места. Одно было свободным, и мы его тут же заняли. Первая машина «наружки» тут же затормозила и перекрыла движение на дороге, за ней остановилась и вторая. Видна была их растерянность, так как по узкой дороге можно было только проезжать дальше, но не останавливаться. Я сразу попросил моего товарища идти к машине и уезжать. Одно из правил поведения «под наружкой» гласит: не создавай с «наружкой» конфликтных ситуаций и, тем более, не пытайся поставить наружное наблюдение в трудное и глупое положение. Во всех ситуациях они — хозяева и представители силы и власти. Мы тут же уехали, хотелось бы думать, к взаимному удовольствию. Не могу сказать, что эти три города, где я побывал в Америке, мне понравились. Наши товарищи живут там напряжённо, и устойчивая

психика — не последнее дело для работы в этой стране. Как-то у нас в управлении «К» оформили молодого сотрудника Валентина для работы в нью-йоркской резидентуре.

Накануне, в конце рабочего дня, ему была назначена заключительная встреча с руководством управления. К назначенному времени он не явился и прибыл с опозданием более чем на час, и был при этом чрезвычайно взволнован. Видимо, сказалось напряжение, связанное с подготовкой и сборами. Выяснилось, что он в течение пяти часов не мог завершить оформление и сдачу вещей в грузовой багаж, и на нём висела назначенная ровно на пять часов встреча у начальства. Кончилось тем, что он, объясняя своё опоздание, вдруг разрыдался. С ним случилась настоящая истерика. Конечно, мы его успокоили. На следующий день он улетел с женой и маленьким ребёнком в Америку. Резидента поставили в известность о возможном «перенапряжении» нашего товарища. Месяцев через шесть-восемь резидент доложил, что Валентин при выходе в город, даже для проведения контрнаблюдения в работе с кем-либо из своих товарищей, очень нервничает и за руль автомобиля пока ещё сесть не решается. Увы, но было решено направить Валентина в отпуск и оставить в Москве на другой работе.

Глава восьмая

Монголия

Представитель КГБ

К концу 1982 года у руководства службы возникло мнение, что меня следует использовать на работе за рубежом, и я получил официальное предложение поехать резидентом в Испанию. Страна меня очень интересовала, послом в Испании был мой близкий товарищ, ещё по временам командировки в Париж и Женеву, Юрий Дубинин. В целом, предложение было лестным, и я дал своё согласие. Тут же начал учить испанский язык по индивидуальной программе. Но оформление затянулось. Хотя поначалу это не казалось катастрофическим, но по истечении нескольких месяцев стало ясно, что испанцы «тянут» с визой.

Примерно на пятом месяце моей подготовки после очередного демарша нашего МИДа поступило сообщение, что виза получена. На сборы мне была дана буквально неделя, но через три дня пришло новое сообщение из Испании, которое излагало ноту МИДа Испании о том, что они приносят извинения, так как виза предназначалась не мне, а такому-то техническому сотруднику посольства. Предлог был явно неубедительным, и Дубинин, с согласия Москвы, посетил премьер-министра Испании и поставил вопрос о моей визе.

Речь шла о должности советника посольства и о человеке, который ранее никогда не работал в Испании, и, стало быть, не мог иметь каких-либо «трудностей» с испанскими властями. Премьер, а тогда им был известный деятель Испании Гонсалес, осторожно, но достаточно твёрдо сказал почти дословно следующее: «Против приезда вашего советника возражают наши военные, а у них специфическое положение в стране. Вашему советнику будет очень трудно работать в Мадриде».

Премьер явно намекал, что в Испании находятся крупные военно-воздушные базы США, и с этим завязаны интересы испанских военных. Стало ясно, что в этих условиях настаивать на своём было бы ошибкой. Против моей работы в Мадриде, очевидно, возражали не испанцы, а американские спецслужбы, у которых на основании материалов одного-двух предателей было достаточно информации о моей персоне.

Я оставался на прежней должности, но вопрос о поездке не был снят, и через некоторое время начальник управления кадров сделал мне

предложение стать представителем КГБ при Министерстве общественной безопасности Монгольской Народной Республики. Я получил намёк, что могу отказаться от этого предложения, но, подумав один день и посоветовавшись со «знающими» людьми, я принял предложение, о чём нисколько не пожалел в дальнейшем.

Я прибыл в Монголию в середине 1983 года. Напомню только, что Монголия по территории составляет почти три Франции и занимает важное стратегическое положение между Россией и Китаем. Это положение имело и будет продолжать иметь в обозримом будущем геополитическое значение. МНР входила в число социалистических стран, в число наших ближайших союзников. Наше влияние на экономическую и политическую жизнь в стране было очень велико. Крупнейшие объекты промышленности, строительство городов, обучение кадров — всё это делалось при нашем непосредственном участии и с нашей помощью.

В Монголии в 80-е годы колония советских сотрудников, специалистов и строителей насчитывала более 50 тыс. человек. Нельзя не сказать и о дислоцированной в МНР нашей армии, включавшей все роды наземных войск и солидные части боевой авиации. Практически все предприятия, в их числе такой гигант, как медно-молибденовый комбинат в Эрденете, были построены нашими специалистами и эксплуатировались под руководством советских инженеров.

Успешно развивающееся сельское хозяйство, в большинстве зернового профиля, целиком базировалось на советской технике. Несомненно, это было тесное сотрудничество в интересах обеих стран, конечно, при лидерстве Советского Союза.

Отношения наших стран были не только союзническими, но и по-настоящему дружескими. Однако ещё до моего приезда, примерно с начала 1983 года, стала резко обостряться обстановка в высшем руководстве Монголии. В первую очередь, это было вызвано значительным ухудшением здоровья Генерального секретаря ЦК МНРП, Председателя Верховного Хурала МНР Ю. Цеденбала.

Развивающийся склероз головного мозга резко снизил его трудоспособность. А поскольку Цеденбал возглавлял государство в течение тридцати трёх лет, страна была приучена если не к культу личности, в нашем понимании, то к полной зависимости всех решений практически от одного человека. Положение в значительной мере усугублялось тем, что жена Цеденбала, русская по происхождению и сохранившая советское гражданство, Анастасия Филатова к этому времени всё больше брала на себя роль соправительницы государством, вмешиваясь во все стороны

жизни МНР.

Особенно это проявлялось в вопросах кадровой политики, включая высшее руководство страны. Филатова активно пользовалась информацией Министерства общественной безопасности страны, располагала данными о жизни и деятельности всех видных работников партийного и государственного аппарата. Фактически подчинила себе подразделение, обеспечивающее охрану Цеденбала и правительства.

Естественно, как бывает в таких случаях, в её непосредственном окружении появились влиятельные подхалимы и, более того, интриганы, расчищающие себе «место под солнцем» руками Филатовой и, соответственно, Цеденбала.

Главной фигурой среди таких лиц стал член ПБ ЦК МНРП Д. Майдар, являвшийся одновременно заместителем Председателя правительства. Он поставил себе цель — дискредитация Председателя Совета министров Батмунха, секретаря ЦК партии (по вопросам экономики) Моломжанца. Ранее с его подачи уже были смещены некоторые лидеры Монголии.

Состояние здоровья Цеденбала порождало у Филатовой и у самого Цеденбала боязнь за своё исключительное положение, возникала болезненная подозрительность с их стороны к любым действиям других лидеров ЦК, которые, по их мнению, могли бы претендовать на лидерство в государстве.

Положение в Политбюро обострилось в 1984 году. Формальной причиной была названа якобы неудовлетворительная работа горно-обогатительного комбината Эрденет. По подсказке Майдара Моломжанцу, Батмунху и некоторым другим руководителям экономики были предъявлены обвинения в ошибках по руководству экономикой страны. Козырными аргументами у Филатовой были ссылки на действия того или иного лидера, якобы «наносящие ущерб советско-монгольским отношениям», и ещё более весомые — это якобы проявление прокитайских настроений.

Напомню, что советско-китайские отношения в тот момент достигли острой фазы противоречий, в Монголии же китайская угроза была и всегда остаётся весомым аргументом. Китай около двухсот лет фактически оккупировал Монголию и вплоть до начала XX века жёстко правил в этой стране.

Россия политическим и военным путём вытеснила Китай из Монголии лишь в 1911 году. И боязнь «китайского присутствия» осталась в крови у монгольского народа.

Филатова активно использовала все каналы своей «политической

деятельности». Помню, что она позвонила мне в представительство КГБ и выразила желание немедленно встретиться по важному вопросу, о котором следует доложить в Москву. Встреча была посвящена Эрденету. Филатова прямо заявила, что оценивает действия Батмунха, Моломжанца и председателя Госплана «как подрывающие советско-монгольскую дружбу и фактически смыкающиеся с подрывными действиями китайцев».

Хочу уточнить, что Филатова до этого времени занималась вопросами культуры, здравоохранения, комсомола, и многие неугодные ей деятели в этих областях были смещены, включая известного учёного, президента Академии наук МНР Ширендыба. Теперь на первое место поднимались вопросы экономики. Интрига нарастала и отвечала всем правилам «подковёрной» борьбы. В ход были пущены все возможные средства: порочащие слухи, заявления «свидетелей» и прямая клевета в отношении неугодных лиц в высшем руководстве страны.

На август 1984 года, как нам стало известно, был намечен Пленум ЦК МНРП, на котором должно было быть «разгромлено» «экономическое крыло» Политбюро. Из состава Политбюро предполагалось вывести Батмунха и Моломжанца, а из состава ЦК и правительства — целый ряд видных деятелей, их сторонников. Одновременно в широких кругах отмечалось усиление недовольства действиями Филатовой. Это наблюдалось не только в высшем руководстве страны, но и среди актива партии и государства.

Как по линии посольства, так и по линии госбезопасности мы не могли не информировать об обострении обстановки московское руководство, так как это, несомненно, наносило прямой ущерб советско-монгольским отношениям. И так как русская советская гражданка Филатова «во всей этой кухне» выступала как «рука Москвы», появлялись антисоветские и антирусские настроения.

Для иллюстрации активности Филатовой приведу два незначительных примера. Раздается телефонный звонок по «ВЧ», и Филатова задаёт мне вопрос: «Отвечаете ли Вы за безопасность Цеденбала?». Спокойно поясню Филатовой, что мы помогаем решать вопросы, связанные с безопасностью Монголии, но непосредственно безопасность Цеденбала обеспечивается специальным управлением Министерства общественной безопасности МНР, а никак не представительством КГБ в Монголии. Филатова возбуждённо сообщает далее, что безопасность Цеденбала под угрозой, и опасность исходит от их личного повара, присланного к тому же из Москвы.

Выясняю, что повар в какой-то ситуации ей перечил. Спокойно

объясняю Филатовой, что поваров КГБ в Монголию не направляет, что повар является одним из специалистов, присланных в Монголию по просьбе монгольского руководства по линии ГКС. По настоянию Филатовой обещаю ей «поговорить с поваром», и если она будет настаивать, то повара можно заменить, а по линии КГБ нового человека мы можем проверить. Пришлось встретиться с поваром. Им оказался симпатичный московский парень, работавший ранее в одном из лучших ресторанов Москвы. Он рассказал, что Филатова вмешивается во все мелочи его работы, и возможно, что он ей в какой-то момент возражал. Дело кончилось тем, что Филатова настояла на его замене. Точно такой же эпизод вскоре произошёл с личным врачом семьи Цеденбала. Это была советская женщина, врач из Дархана (второй по величине город Монголии). При каких-то обстоятельствах она оказывала помощь Цеденбалу или Филатовой во время их поездки в Дархан и по их настоянию была переведена как личный врач семьи в Улан-Батор. Её замены также срочно потребовала Филатова. На мои возражения, что КГБ не занимается направлением врачей, и что новый врач может быть прислан по письму монгольского правительства из числа сотрудников 4-го управления Министерства здравоохранения СССР, она заявила, что речь идёт о здоровье Цеденбала, и что, кроме того, «эта женщина любит себя выпячивать — появилась на каком-то торжественном заседании в оперном театре Улан-Батора вместе с Цеденбалом, и этого дальше терпеть нельзя». Врач была также заменена, правда, этим занимался по моей просьбе наш посольский советник, работавший с советскими специалистами в МНР.

Возвращаясь к политической обстановке в Улан-Баторе, следует отметить, что проявление болезни Цеденбала и вызванное этим снижение его рабочей активности всё больше сказывалось на руководстве страной. Одновременно с этим в монгольских руководящих кругах присутствовала хорошо известная нам «система единого мнения», т. е. отсутствие какого-либо другого мнения в Политбюро и правительстве, даже намёка на критику в адрес Цеденбала и Филатовой.

На этом фоне неизмеримо выросла роль соправительницы государства А. Филатовой. Нас же волновал, прежде всего, вопрос стабильности в стране и в советско-монгольских отношениях.

Сделаю маленькое отступление. По роду своих обязанностей мне приходилось часто встречаться с Цеденбалом, сопровождая наши делегации. Примерно раз в месяц я бывал у него просто в сопровождении только министра МОБ МНР и сообщал ему выжимки из получаемой мною из Москвы информации о мировой политике.

Цеденбал внешне проявлял интерес к этим встречам, но со своей стороны, как правило, рассказывал десяток одних и тех же эпизодов из своей жизни — все они были многолетней давности. Через некоторое время я почти все эти эпизоды знал наизусть.

И вот в Монголию прибыла делегация 5-го Управления КГБ во главе с генералом И. Абрамовым. Для Абрамова было интересно и важно быть принятым Генеральным секретарём партии Цеденбалом, и мы смогли организовать такой приём. Накануне Абрамов поделился со мной информацией, которую он хочет рассказать Цеденбалу, и попросил меня предупредить, о чём бы предположительно Цеденбал мог его спрашивать. Я полушутя-полусерьёзно рассказал Абрамову несколько эпизодов из жизни Цеденбала, которые он обычно рассказывал, в частности, о встрече с китайским премьером Чжоу Эньлаем.

Чжоу Эньлай якобы заметил Цеденбалу, что китайцы около двух веков управляли монголами, на что Цеденбал «напомнил» Чжоу Эньлаю, что монголы управляли Китаем чуть ли не триста лет (речь идёт о завоевании Китая великим Чингисханом и о правлении в Китае потомков монгольских ханов).

Также Цеденбал любил рассказывать о том, как его чуть не сделали в детстве ламой, о том, как он бросил курить, о том, как он дружил с маршалом Жуковым и ещё несколько эпизодов.

Когда мы были с Абрамовым у Цеденбала, всё складывалось по намеченной программе. Абрамов очень чётко изложил своё сообщение, преподнёс Цеденбалу ценные книги и альбомы для его библиотеки (Цеденбал обладал большой и очень хорошей библиотекой и постоянно проявлял интерес к новым книгам). Далее Цеденбал начал свой рассказ и упомянул 3–4 эпизода из своего обычного набора, но надо же быть такому совпадению, что это были именно те эпизоды, о которых я накануне рассказывал Абрамову. Этот факт произвёл на Ивана Павловича впечатление, и он, я помню, сказал: «Ты что — сидел в кармане у Цеденбала?».

После приезда в МНР мне пришлось несколько раз сталкиваться с решением вопросов об отношении к фигуре Чингисхана. Установился неписанный принцип — всякое упоминание о Чингисхане, особенно с восхвалениями исторической значимости его личности, рассматривалось партийными инстанциями как проявление национализма с антирусским уклоном. Это возникло, очевидно, под советским влиянием. После бесед с монгольскими историками и доверительных разговоров с министром я пришёл к убеждению, что такая позиция была в корне неправильной и

могла раздражать и подогреть антисоветские настроения монгольской интеллигенции. Эпоха Чингисхана — это, как известно, наивысшая точка в национальной истории Монголии. Именно он создал великую Монголию и завоевал Китай, где и правил много лет. Сам Чингисхан в России никогда не был, правда, нашествие монголов на Русь имело место, но оно осуществлялось потомками Чингисхана. Но история есть история, а Чингисхан является важнейшей фигурой в формировании и развитии монгольской нации. Я советовался по этому вопросу с Абрамовым, так как в поле его зрения (5-е управление КГБ) находились вопросы идеологии, национализма и наши академические институты, где рассматривались вопросы истории и культуры. Абрамов, надо отдать ему должное, откликнулся на мой призыв попытаться изменить что-то в этом направлении и предложил мне написать подробную телеграмму, освещающую этот вопрос, сам её отредактировал, и мы направили её в Центр, оговорив, чтобы она попала к самому Абрамову по возвращении его в Москву. Абрамов сдвинул этот вопрос с мёртвой точки, и вскоре в МНР приехала небольшая группа от Академии наук и Института востоковедения. Через какое-то время появились статьи в печати, в том числе в самой Монголии, о личности и эпохе Чингисхана, а через несколько лет уже были опубликованы научные труды на эту тему. В наше время известны романы, кинофильмы о великом монгольском правителе. Многие годы монголы ищут место захоронения Чингисхана и прославляют его имя.

Тяжелое заболевание Цеденбала усугублялось. Положение обострялось, и негативная информация у московского руководства накапливалась, приближаясь к критической точке. В феврале 1984 года наш посол Сергей Павлович Павлов и я были приглашены на заседание комиссии Политбюро ЦК КПСС по международным вопросам, которую возглавлял Громыко. В совещании участвовали Министр обороны Устинов, председатель КГБ Чебриков, секретарь ЦК по социалистическим странам Русаков, зам. председателя КГБ (он же начальник разведки) Крючков.

Вопрос об обстановке в Монголии был на повестке дня комиссии. Были заслушаны выступления Павлова и моё, освещавшие действительное положение дел. Помню, что Громыко поставил передо мной и Павловым единственный вопрос: «Есть ли действительно силы в ЦК Монгольской партии, которые поддержат предложение об оздоровлении обстановки в руководстве, т. е. о замене Цеденбала?». Русаков и, в определенной степени, Громыко занимали скорее радикальную позицию, Чебриков — более осторожную, считая, что пока не следует решать вопрос кардинально. Было решено, что следует держать вопрос под постоянным

контролем, активно работать по сбору и анализу информации.

Сделаю маленькое отступление. Незадолго до вышеупомянутого совещания, как будто почувствовав, что тучи сгущаются, Цеденбал неожиданно пригласил меня посетить музей маршала Жукова в Улан-Баторе. В то время это был единственный в мире музей нашего великого полководца, и Цеденбал очень гордился им. Министр общественной безопасности позвонил мне в середине дня и передал приглашение Цеденбала. На мой вопрос: «Когда это будет?» — министр ответил, что если приглашение принято, то надо ехать прямо сейчас. Вместе с министром мы подъехали к музею одновременно с машиной Цеденбала. Я думал, что речь идёт о каком-то мероприятии с участием либо членов ПБ, либо дипломатического корпуса, но оказалось, что я был единственным посетителем-гостем, и роль гида взял на себя сам Цеденбал. В течение полутора часов он дотошно, со всеми подробностями рассказывал о сражении на Халхин-Голе, где советско-монгольскими войсками командовал Г. К. Жуков.

Цеденбал указывал на многочисленные фотографии наших офицеров, называл десятки имён, входил в детали расположения войск и т. д. Скоро мне стало совершенно очевидно, что он хотел продемонстрировать мне свою память и, в целом, «ясность ума и жизнеспособность». Несомненно, Цеденбал, избрав такую тактику, был уверен, что я проинформирую о такой экскурсии Москву.

Однако события развивались своим чередом. Цеденбал вместе с Филатовой выехали в Москву на отдых, где он проходил обследование у врачей 4-го Управления Министерства здравоохранения. Заключение врачей было самым неутешительным.

Вскоре Громыко провёл ещё одно совещание комиссии Политбюро, которая приняла соответствующие рекомендации. Подводя итог, Громыко предложил написать отделу ЦК по соцстранам и, в частности, секретарю ЦК Русакову, записку в Политбюро, излагающую план радикального решения вопроса, иначе говоря, план замены Цеденбала. Русаков тут же, на заседании, попросил, чтобы эту записку подготовило КГБ, и добавил, что он готов подписать будущий документ без дополнительных обсуждений. Крючков согласился с тем, что записка будет за тремя подписями, а именно: вышеупомянутый отдел ЦК, МИД, КГБ. Очередное заседание Политбюро по этому вопросу должно было состояться несколько позднее, а я в этот же день отбыл в Улан-Батор. Решение ЦК было принято, и соответствующие рекомендации были переданы монгольским лидерам по партийным каналам. В решении ЦК подчёркивалось, что следует дружески уговорить

Цеденбала отойти от активной политической жизни, сославшись на заключения врачей. В то же время отмечалось, что как мы, так и Монголия заинтересованы в том, чтобы сохранить доброе имя Цеденбала как видного политического деятеля.

Не хочу углубляться в детали многочисленных встреч и переговоров, которые провели ответственные сотрудники ЦК КПСС с монгольскими руководителями, а те, в свою очередь, сделали попытку переговорить с самим Цеденбалом. По просьбе ПБ МНРП группа советских врачей подготовила квалифицированное заключение о состоянии здоровья Цеденбала. Главным в этом заключении был вывод о наличии тяжёлого заболевания: атеросклероза сосудов мозга и о нетрудоспособности пациента.

По просьбе монголов Евгений Иванович Чазов, в то время начальник 4-го Управления Минздрава Союза, конфиденциально прилетел в Улан-Батор. Мне было поручено организовать пребывание Чазова в Улан-Баторе и, соответственно, конфиденциальную встречу с членами Политбюро МНР. Чазов прибыл в Улан-Батор на спецсамолёте один, без всякого сопровождения. В аэропорту, прямо у трапа самолёта его встречали только заместитель министра общественной безопасности, абсолютно доверенный с нашей стороны человек, Жамсранжав, будущий министр, как вы можете догадаться. Люк самолёта открылся, и Чазов, надо отдать ему должное, очень эффектно сбежал по трапу, заявив, что больше никого не будет, а самолёт будет его ждать на месте. Я был, конечно, в курсе дела, так как весь сценарий пребывания Чазова в Монголии и его встреча с полным составом Политбюро МНР, как я указывал ранее, разрабатывался непосредственно с моим участием.

На ПБ МНРП Чазов наглядно продемонстрировал компьютерные томограммы с изменениями головного мозга Цеденбала и сравнил его с мозгом здорового человека. Это произвело на монгольских товарищей большое впечатление и подтолкнуло их к решительным действиям.

Через несколько дней Батмунх и Моломжанц посетили Цеденбала в больнице в Москве, а затем в особняке на Ленинских горах они посетили семью Цеденбала — Филатову и его сыновей, изложив предложения Политбюро. Их демарш встретил отчаянное сопротивление, и в первую очередь — Филатовой. Мало того, она усилила свою деятельность, чтобы как-то затормозить события и любыми способами удержать Цеденбала на его постах.

Наша роль заключалась в том, чтобы давать руководству Москвы полную объективную информацию о состоянии дел в монгольском

руководстве, о состоянии дел в стране в целом и о настроениях в различных слоях монгольской общественности.

В соответствии с общим планом, а иногда и конкретными указаниями, я и мои ближайшие товарищи в Улан-Баторе оказывали нужное влияние. Существенным в нашей работе было также сохранение полной конфиденциальности, я бы сказал, секретности, так как в решение вопроса о замене Цеденбала была посвящена и в Москве, и в Улан-Баторе очень узкая группа людей. Положение осложнилось тем, что под давлением своей семьи Цеденбал начал занимать резко отрицательную позицию в вопросе о своём уходе с постов, чего не было в начале переговоров. Он потребовал срочной поездки в Улан-Батор.

Несомненно, приезд Цеденбала и Филатовой в Монголию осложнил бы проведение намеченных мероприятий. Филатова даже из Москвы делала попытки организовать группу «в защиту Цеденбала».

Монгольские товарищи откровенно дали нам понять, что, конечно, приезд Цеденбала в Монголию был бы очень нежелательным и мог бы грозить непредсказуемым поворотом событий. В Москве также ясно понимали это.

Вновь было проведено широкое обследование Цеденбала и подготовлено новое заключение врачей, в котором в категорической форме подчеркивалась необходимость продолжения лечения Цеденбала в стационарных условиях. Можно сказать, что это было волевое решение, принятое вопреки желанию семьи Цеденбала и его самого. Однако является несомненным и то, что в государственной политике нередко твёрдая линия приводит к безболезненному и даже более спокойному решению той или иной проблемы.

На 23 августа был назначен внеочередной Пленум ЦК МНРП. Ещё до объявления даты пленума у нас произошёл небольшой инцидент. Сергей Павлович Павлов, наш посол, опираясь на своё знание «кухни» в наших верхах, не верил, что решение Москвы и, соответственно, Улан-Батора претворится в жизнь. И вот, прямо накануне решения о созыве пленума, он получил разрешение от заместителя министра иностранных дел в Москве, который не был в курсе планируемых событий, на недельный отпуск с поездкой в Москву.

Так как у нас сложились дружеские отношения с послом и полное взаимопонимание по вопросам нашей политической работы, я, имея информацию о переговорах в Москве по Цеденбалу, пытался отговорить Павлова от поездки, но он настоял на своём. Дело в том, что Сергей Павлович давно уже был в фактическом разводе со своей женой, в

Монголии находился один, а в Москве у него была любимая женщина, на которой он позднее женился. Короче, он уехал в Москву «за свой счёт».

В Монгольском руководстве в это время появились такие настроения: не следует ли, освободив Цеденбала от поста Генерального секретаря партии, оставить его на должности Председателя Президиума Верховного Хурала? Влияние Цеденбала было настолько велико, что это постоянно сказывалось на позиции монгольских руководителей и выражалось в их постоянных колебаниях.

Нам стало известно, что высказывания в этом духе сделал и сам возможный преемник Цеденбала — Батмунх. Естественно, я информировал своё руководство. За день до пленума поздно вечером, а по-монгольски ночью, раздался звонок по «ВЧ» Крючкова прямо мне на квартиру. Крючков ещё раз выслушал мою информацию о колебаниях Батмунха и попросил, чтобы прямо на следующее утро посол посетил Батмунха и твёрдо разъяснил ему, что такое раздвоение в решении вопроса о замене Цеденбала вызовет в дальнейшем ненужное напряжение, а возможно и осложнение обстановки.

Понятно, что этого допускать было нельзя. Выслушав Крючкова, я вынужден был сказать, что посла нет в Монголии, что он находится в Москве. «Как в Москве?!» — воскликнул Крючков. Последовала пауза, и он чётко сказал: «Возьмите всё в этом вопросе на себя».

На следующее утро я был принят Батмунхом, и мы обсудили с ним возможные «нежелательные политические последствия любых половинчатых решений» в вопросе замены Цеденбала на его постах. Батмунх с полным пониманием отнёсся к моим аргументам. И на мой вопрос, следует ли мне посетить по этому же вопросу Моломжанца, он заверил меня, что в этом нет необходимости.

Павлов прибыл в Улан-Батор первым же рейсом самолёта на следующий день. Кто и как нашёл его в Москве? Не знаю. Помню с его слов, что его прямо отвезли к самолёту. Он долго вспоминал потом, что его нашли на даче под Москвой, дали 10 минут на сборы и отвезли в аэропорт. Он говорил, что пока не взлетел самолёт в сторону Монголии, он был уверен, что везут его на Лубянку или в Лефортово.

Вслед за пленумом в тот же день состоялась сессия Народного Хурала. Как на пленуме, так и на сессии предложение об освобождении Цеденбала не встретило никаких возражений. Так закончился сложный, а в чём-то и достаточно острый период, связанный со сменой руководства Цеденбала. Скажу только, что Филатова какое-то время продолжала использовать свои связи и хотела повернуть историю вспять, часто делая это в грубой по

отношению к новым лидерам Монголии форме. Это хотя и вызывало раздражение, но по сути дела встречало глухую стену в Улан-Баторе.

В скобках отмечу, что решением монгольского руководства Цеденбал и его семья были хорошо обеспечены материально. В Москве им была предоставлена отличная квартира.

Подводя итог этому непростому периоду в истории Монголии, отмечу, что создавшуюся ситуацию в МНР необходимо было нормализовать, и это было назревшим вопросом. Уход Цеденбала вместе с сопратительницей Филатовой с политической сцены позволил провести исключительно важные кадровые изменения в стране. На руководящие посты пришли грамотные и порядочные деятели. Эти изменения послужили как бы основой того, что события конца 80-х и начала 90-х годов в Монголии, связанные с демократизацией и изменением социально-экономического состояния страны, прошли спокойно. Вся процедура освобождения Цеденбала от занимаемых постов и кадровые изменения в руководстве получили высокую оценку политических аналитиков и высшего руководства, как в Улан-Баторе, так и в Москве.

В этот довольно сложный период я близко познакомился с советником нашего посольства Алексеем Богословским. Богословский посвятил свою жизнь изучению Монголии. Являясь высококлассным монголоведом, он своими советами и точным анализом ситуации в стране очень помог мне в работе по направлениям, связанным с политической обстановкой в МНР. Алексей не только крупнейший специалист по Монголии, но и обаятельный человек. Он, прекрасно владея монгольским языком, имел и имеет много друзей в МНР. Для меня он тоже стал близким другом, и мы с ним дружим уже много лет, иногда вспоминая годы совместной работы в Монголии.

Отношения с новым руководством страны, и в частности с Генеральным секретарём партии и Председателем Верховного Хурала МНР Батмунхом сложились очень хорошие. Я, по заведенной традиции, примерно раз в полтора месяца встречался с Батмунхом и на базе тезисов, по моей просьбе специально подготовленных в нашем информационном управлении, докладывал ему новинки и некоторый анализ международной обстановки. Батмунх же делился со мной информацией о положении в стране и о планируемых решениях руководства Монголии. Особенно доброжелательными были отношения с новым министром общественной безопасности Жамсранжавом. Он часто приглашал меня в свои поездки по стране и в пограничные отряды на монголо-китайскую границу. Пограничных отрядов было одиннадцать на всём протяжении нескольких тысяч километров границы, и в каждом таком отряде был наш советник,

опытный пограничник в звании не ниже майора (в большинстве это были подполковники). С министром я побывал и на знаменитой реке Халхин-Гол, и в ряде мест в пустыне Гоби, на крайнем западе Монголии, в предгорьях Алтая.

Красота природных ландшафтов Монголии неповторима. Вспомните картины Рериха с пейзажами Монголии, с фантастическими голубыми горами. Эти горы, тонущие в дымке, на монгольском солнце действительно кажутся голубыми. Реки и озёра хрустально чисты и прозрачны. Никакого промышленного загрязнения нет, плюс неплотное заселение — 3 неполные миллиона разместились на территории, равной трём Франциям. Немалые просторы монгольской территории остаются нетронутыми цивилизацией. Жамсранжав заменил на посту министра Лувсангамбо — это министр, при котором я начал свою работу в Монголии. Лувсангамбо был вполне лоялен к Советскому Союзу, и с ним сложились хорошие деловые отношения, но при замене Цеденбала он не смог выбраться из «колеи» безоговорочной преданности Цеденбалу и Филатовой. Цеденбал уже был в клинике в Москве, а министр продолжал общаться по телефону «ВЧ» с Филатовой, сообщая ей все сплетни из Улан-Батора и выслушивая её возмущение возможным решением о замене Цеденбала. Я его осторожно предостерегал, но он не сумел правильно оценить обстановку. Такая позиция стала известна монгольским лидерам, и его решили заменить, назначив на пост министра общественной безопасности его зама Жамсранжава. Этот вариант входил в наши планы и был согласован у Крючкова. Помню, что по существу, в подготовленную схему наших действий, в том числе и касательно кадровых изменений в руководстве страны и Министерстве в частности, Крючков никаких поправок не сделал. Однако заметил, что Лувсамгамбо был лояльным и дружески настроенным министром, и может быть, его не нужно «опускать слишком низко» и тем более наказывать. До назначения министром Лувсамгамбо был заместителем председателя правительства МНР по вопросам строительства и кандидатом в члены Политбюро партии. Я был полностью согласен с позицией Крючкова. При первой возможности я переговорил с авторитетным членом ПБ МНР, и вскоре Лувсамгамбо был назначен на старое место зампреда Совмина и избран кандидатом в члены Политбюро. Рокировка прошла гладко. И Лувсамгамбо через некоторое время, поняв расклад, сам зашёл ко мне в министерство и поблагодарил за внимательное отношение к «старым кадрам».

В начале 90-х годов в Монголии развернулось движение «за гласность и развитие демократии», направленное, в первую очередь, против

Монгольской народно-революционной партии и в определённой мере — против советско-монгольского сотрудничества. На возникновение этого движения в большой мере повлияла «перестройка» в Советском Союзе. Размах движения вынудил уйти в отставку Политбюро ЦК МНРП, и в партии, и в стране к руководству пришли новые люди. В этой обстановке был принят ряд решений в отношении Ю. Цеденбала. Он был исключён из МНРП, лишён воинского звания Маршала МНР и правительственных наград, в печати появились статьи с требованием привлечь его к суду.

В это время здоровье Цеденбала, находящегося в Москве, продолжало ухудшаться. Он проявлял полнейшее безразличие к доходящим до него слухам о том, что происходит в Монголии, и всё больше уходил в себя. 20 апреля 1991 года на семьдесят пятом году жизни Цеденбал скончался. Он был похоронен в Улан-Баторе с воинскими почестями, соответствующими его новому рангу генерала. Похороны были довольно скромными для человека, который долгое время стоял во главе Монголии.

В новом веке, в 2000-е годы политическое положение МНР ещё раз существенно изменилось. Цеденбалу специальными решениями были возвращены все его награды и звание Маршала МНР. Также он был восстановлен в партии МНРП. В честь Юмжагийн Цеденбала был создан институт его имени, преобразованный в настоящее время в Академию Цеденбала.

В вопросе смены руководства МНР, особенно в первый период после ухода Цеденбала, и укреплении отношений с новым руководством страны большую положительную роль сыграл советский посол в МНР Сергей Павлович Павлов.

В некоторых кругах московской интеллигенции, да, видимо, и у нас в службе, бытовало негативное мнение в отношении Павлова. Оно сложилось ещё в период его работы первым секретарём комсомола. Затем он успешно работал председателем комитета по делам физкультуры и спорта. Но укрепить свои позиции во всесильном аппарате ЦК КПСС не сумел. ЦК его «освободил» от этого министерского поста, направив в Монголию. Павлов выехал в МНР за три недели до моего отъезда в Улан-Батор. Я был настроен слегка скептически насчёт назначения на эту должность Павлова. С Павловым, как с новым послом, перед его отъездом беседовали в разведке в Ясенево. Крючков был срочно вызван куда-то в Центр, и с Павловым в 10 часов утра беседовали два первых зама начальника разведки Кирпиченко и Грушко. Я присутствовал на встрече как уже назначенный новый представитель КГБ в Монголии. Казус был в том, что Павлов прибыл на встречу вовремя, но с сильно опухшей

физиономией, и когда он брал чашечку с кофе, у него заметно тряслись руки и чувствовался «лёгкий» запах перегара. После встречи мои начальники дружно предупредили меня, что мне придётся иметь дело с настоящим «алкашом». Уже в Монголии Сергей Павлович рассказал мне, что накануне этой встречи в разведке он был в гостях у родных в Твери на поминках своего дяди, хорошо подвыпил, но вспомнив о встрече в КГБ, решил ехать ночным поездом и был настолько обязателен, что прямо с поезда, после бессонной ночи прибыл на встречу в Ясенево.

Плохое впечатление о Павлове существенно подправил Ф. Д. Бобков, в то время первый заместитель председателя КГБ.

Я побывал у Бобкова с обязательным визитом перед отъездом в МНР, так как в состав представительства, куда я ехал начальником, входили все основные линии работы КГБ. Бобков очень откровенно и весьма положительно характеризовал будущего моего посла как честного, умного и порядочного человека и посоветовал мне установить с ним хорошие деловые отношения. Мнение Бобкова было для меня очень ценным и сыграло положительную роль на первом этапе совместной работы с Павловым в Монголии. Позднее эти отношения переросли в дружбу. Прошёл год-полтора. Приближался очередной Пленум ЦК партии, на котором избирались члены ЦК. По неписаному правилу советские послы в социалистических странах, в том числе в МНР, должны были быть кандидатами или членами ЦК КПСС. На московской кухне ЦК кандидатура Павлова не устраивала, и «организаторы» пленума решили его заменить своим человеком, хотя по линии МИДа никаких претензий к Сергею Павловичу не было. Из Москвы пришло указание об отзыве Павлова, и он начал собираться, хотя не хотел уезжать — ему Монголия понравилась во всех отношениях. Уезжающего посла монголы решили наградить своим главным орденом — орденом Сухэ-батара. По этому вопросу должно было поступить согласие Москвы, иначе говоря ЦК. И вот в один прекрасный день раздался звонок по «ВЧ». Мне звонил первый заместитель заведующего отделом ЦК по соцстранам Замятин. Он извинился и, сославшись на разрешение Крючкова, спросил, не могу ли я уточнить, по какому вопросу генеральный секретарь ЦК партии Монголии Батмунх просит о личной беседе по «ВЧ» с Горбачёвым, в то время уже генеральным секретарём ЦК в Москве. Я был в курсе дел и тут же сказал, что Батмунх хочет переговорить о после Павлове. Замятин воскликнул: «Неужели вопрос в том, что Москва задержала согласие на награждение Павлова орденом Сухэ-батара! Мы завтра же направим такое согласие». Я возразил, что речь, скорее всего, будет не об этом. «Батмунх хочет просить

Горбачёва не отзываться Павлова, так как тот завоевал большой авторитет и уважение в МНР, и это положительно сказывается на укреплении советско-монгольской дружбы». Замятин не скрывал своего удивления и очень благодарил за предоставленную мной достоверную информацию. Для него было важным предупредить нового генерального секретаря о незапланированном разговоре. На следующий день состоялся разговор по «ВЧ» между Батмунхом и Горбачёвым. Аппарат ЦК «сделал своё дело».

Горбачёв в своей манере, ничего не сказав толком, дал понять что-то о «нецелесообразности», о чём-то ещё, но навстречу просьбам Батмунха не пошёл. Хотя очевидно, что для пользы взаимопонимания, даже пусть с «маленькой» Монголией, этот отказ был ошибкой.

Павлов по прибытии в Москву получил аудиенцию у Громыко. Министр сказал ему, что у него никаких претензий к Павлову нет, и что Павлов получит вскоре предложения на новом участке работы. Вскоре он действительно получил предложение поехать послом в Бирму. Сергей Павлович посоветовался со мной, и я ему сказал, что Бирма — это «не сахар», но «послом можно ехать куда угодно»...

Ещё в Монголии Павлов поделился со мной своими семейными проблемами. Он уже много лет не жил со своей женой, но так как занимал высокие посты, развестись не решался. Я видел его жену в Улан-Баторе, куда она приезжала на 5 дней — закупила всё что могла на советских базах снабжения на деньги Павлова и укатила. Я предложил Павлову написать короткое заявление в суд о разводе. Он сомневался в правильности этих действий, но всё же написал заявление. Я переслал это заявление нашим товарищам в Москву с личной просьбой передать его в соответствующий суд и, по возможности, обойтись без вызова Павлова к судье. Через 3 недели пришло сообщение, сначала мне, а потом и Сергею Павловичу, что он разведён. Перед поездкой в Бирму Павлов оформил брак с любимой женщиной и выехал в Бирму, уже будучи женатым.

В тот же период представительство помимо работы по всем направлениям министерства пыталось заниматься освещением вопросов, связанных с политикой Китая, присутствие которого под боком МНР постоянно ощущалось. Если во всей стране проживало чуть больше 2,5 миллионов человек, то во Внутренней Монголии, пограничном с МНР районе Китая, проживало до 25 миллионов монголов. В работе на китайском направлении отличился сотрудник нашего представительства, который, как говорят, «неплохое приобретение». Он приехал в Улан-Батор из кадров управления «С», т. е. из управления нашей нелегальной разведки. До приезда в Монголию товарищ Б. (назовём условно этого сотрудника так)

был начальником направления по странам Востока в управлении «С». В Иране произошёл неприятный инцидент — сотрудник управления «С», некий Кузичкин, бежал через ирано-турецкую границу к американцам и выдал американской и иранской контрразведкам наши контакты с иранскими коммунистами, всё руководство иранской компартии (ТУДЭ). Компартия Ирана находилась на нелегальном положении и после этого доноса была разгромлена, а десятки её активистов были просто уничтожены. Б. был одним из лиц, несших ответственность за измену Кузичкина. Он был освобождён от должности и направлен по линии управления «С» в Монголию. Но в Монголии Б. сумел реабилитироваться и доказал свой профессионализм. В беседе по ВЧ с Ю. Дроздовым, начальником управления «С», я высказал предложение поощрить Б. за хорошую работу. «И это поощрение, — как сказал я, — должно быть заметным, например: наградить его знаком „Почётный чекист“». (В то время это было высокой наградой для разведчика.) Дроздов горячо поддержал моё предложение. Я написал ему соответствующую телеграмму, и вскоре Б. был награждён. Это сыграло положительную роль при его возвращении из МНР, и было отмечено как успех работы всего представительства.

Во время моего пребывания в МНР на территории страны дислоцировалось крупное советское воинское соединение, 39-я армия — более ста тысяч человек. Как я уже упоминал ранее, армия включала почти все рода войск, включая даже авиационное соединение. Тысячи танков и другая техника стояли прямо под открытым небом, не ржавея, — климат в Монголии очень сухой. Армия и её штабы капитально обустроились. Главный городок армии имел школу-десятилетку, хороший госпиталь и множество 4-этажных жилых домов. Офицеры с семьями жили только в отдельных квартирах.

Но, видимо, не бывает жизни в армии без происшествий. Случались мелкие грабежи у местного населения. А иногда — изнасилования монголок. Армейское начальство принимало все меры, чтобы «не выносить сор из избы». Армейские хозяйственники тут же задабривали и даже подкупали заинтересованных лиц, и всё заминалось. Однажды министр сообщил мне, что милицией схвачен солдат — насильник монголки, и есть заявление пострадавшей и её родственников, и что дело будет передано в суд. Через пару дней Жамсранжав сообщил, что все заявления отозваны, и что потерпевшая отказывается от своих показаний. Он добавил также, что все родные и сама потерпевшая «задарены». В условиях Монголии это недорого обходилось: одежда, проднаборы, в крайнем случае, наручные

или настенные часы...

В армии имелось управление особых отделов (несколько сотен офицеров во главе с генералом). Управление формально подчинялось мне как старшему начальнику по линии КГБ, но фактически работало через своё 3-е Управление КГБ в Москве. Через два месяца после приезда в Улан-Батор я пригласил к себе в представительство начальника управления особых отделов армии. Им оказался симпатичный и умный контрразведчик, и мы быстро нашли с ним общий язык. Я ему при первой же встрече сказал, что всю информацию о чрезвычайных происшествиях в армии, особенно о ЧП, задевающих монголов, он должен сразу докладывать мне, после этого мы с ним будем решать, кто и как информирует об этом Москву, и какие меры нужно предпринимать. Если же я узнаю о ЧП от монголов, то я сразу сообщая об этом в Центр, и не в 3-е управление, а председателю КГБ. Мой коллега всё понял, полностью согласился, и мы с ним так согласованно работали до самого вывода армии из страны.

Два характерных эпизода для тех, кто мало знаком с армейскими буднями.

На юге страны вблизи с китайской границей взрывается крупный склад армейских боеприпасов. Послу Павлову сообщают об этом из монгольского руководства. На его вопрос я подтверждаю сведения и говорю, что сообщу об этом в свою службу. Павлов решает сам сообщить об этом в Москву, так как он был проинформирован на уровне монгольского министра иностранных дел. Московский МИД размечает сообщение Павлова по высшей разметке, и она попадает к Брежневу. Брежнев лично поручает министру маршалу Соколову, что бы тот «съездил и навёл порядок» в другой стране, тем более находящейся по соседству с Китаем. Соколов взбешён. Он прилетает на своём самолёте на другой день в Улан-Батор, прямо из аэропорта приезжает в посольство и без всякого уведомления является в кабинет посла. Я как раз нахожусь у Павлова. Маршал входит и, не здороваясь, говорит: «Почему же Вы, посол, не могли сообщить мне лично о произошедшем, почему сразу Генеральному?». Павлов в своей жизни уже много чего повидал и, не вставая со своего стула, говорит: «Я здесь посол Советского Союза и чётко знаю, что и как должен делать!». Соколов, облачённый в маршальскую форму, поворачивается на каблуках и уходит, хлопая дверью. Позже мы узнали, что он вылетел прямо к месту ЧП (там была армейская авиационная посадочная полоса), снял с должностей двух полковников, трём объявил взыскания и сразу улетел в Москву.

Второй эпизод. Ко мне приходит однажды начальник нашей крупной

геологической партии, которая вела работы на западе страны, и слёзно просит помочь, оказав влияние на командующего армией. А суть дела состояла в следующем: геологи на тяжёлых машинах везут большие грузы, а прямая дорога через реку существует только зимой, по льду, весной же и летом — объезд более 300 км. Расходы на обслуживание машин и горючее съедают все сметы. Прямо на месте зимней переправы наш танковый полк имеет в собранном виде прекрасный понтонный мост. Но командир полка категорически не хочет слышать об установке моста для геологов, так как любые работы для гражданских нужд запрещены специальным приказом. Для геологов этот мост — огромная экономия. Звоню командующему армией (это молодой генерал-лейтенант, танкист, я с ним, конечно, знаком, но особых дружеских отношений нет), объясняю ситуацию, подчёркиваю, что прошу не для себя, только для пользы Родины... Генерал-лейтенант просит сутки на размышление, ссылаясь на запрещающие приказы, но говорит об этом в лояльном тоне. На следующий день он сам мне позвонил и сообщил, что отдал соответствующий приказ, но, шутя, добавил, что в случае чего будет ссылаться на указание КГБ. Благодарности геологов не было границ.

Где-то осенью 1983 года я был приглашён на учения авиационных частей Сибирского военного округа. В учениях принимали участие авиационные части армии, находившиеся в Монголии. Учения обещали быть интересными, так как планировалось проведение показательного бомбометания по наземным, специально подготовленным целям. Полигон был расположен километрах в 250 на восток от Улан-Батора, за рекой Керулен, в малонаселённой степной местности. Посередине бесконечной степи (если у неё есть середина) была построена кирпичная башня высотой в три этажа. На самом её верху, на плоской крыше, поместили площадку для наблюдения. Из приглашённых гостей были только мы с послом Павловым. Командовал учениями начальник авиации округа. Он восседал на площадке за столом в окружении своих штабных офицеров. Нам показали цели. С одной стороны, метрах в 500–700 стояла колонна грузовых автомобилей, старых, конечно, видимо, списанных. Далее виднелось несколько небольших строений. Второй полигон был с другой стороны башни, там находился какой-то барак и несколько больших автомашин. Бомбометание по первой группе целей намечалось ровно в 12.30. Оставалось пять-семь минут до объявленного времени, как вдруг все увидели сначала в бинокли, а потом уже и невооружённым глазом, что к назначенной к уничтожению через несколько минут группе целей приближается довольно большой табун лошадей, позади которого мелкой

рысцой движутся три всадника. Едут бок о бок, как любят монголы. Среди офицеров произошло лёгкое замешательство, как нам показалось, и, наконец, прозвучал вопрос: «Что это значит?». На площадке перед столом, как из-под земли, появился невысокий коренастый полковник. Он явно запыхался, так как, казалось, просто взлетел на третий этаж башни. Он громко доложил: «Товарищ генерал! Все в радиусе пятнадцати километров предупреждены под расписку». «И куда мы будем эту расписку засовывать?» — отреагировал генерал и тут же взял в руки трубку, как оказалось, от рации и начал связываться с командиром эскадрильи штурмовиков, которые уже были на подлёте. Генерал сам отдал в трубку приказ о перенесении очередности бомбардирования объектов. Сработано было так чётко, что могло показаться, что вся сцена была отрепетирована много раз.

Через три-четыре минуты с рёвом пронеслась первая пара самолётов (они шли парами), за ней — вторая, следом — третья. Один за другим самолёты пикировали над цепями второго полигона, бомбы рвались прямо у нас на глазах, строения и машины разлетались в щепки. Вся группа бомбардировщиков на вираже ушла в небо, и тут же появилась вторая такая же группа штурмовиков, и действие на втором полигоне повторилось. Считанные минуты — и рёв стих. Мы с Сергеем Павловичем сочли нужным заплодировать. Все остальные не сводили глаз с генерала. Наконец, он улыбнулся, и тут наступила разрядка: все заговорили, обсуждая увиденное. Впечатления были потрясающими. Оценки должны были быть высокими, судя по разбитым целям. Однако полковника с его «распиской», очевидно, ждал хороший нагоняй. После «обеда в поле» с командующим мы отправились в обратный путь по степным дорогам. Долго ещё обсуждали увиденное, повторяя: «Могут же, когда захотят!».

За время моего пребывания в Монголии два-три раза возникали вспышки чумы. Хорошо, что очаги были в стороне от крупных населённых пунктов. По международным правилам, в очагах возникновения этой страшной болезни объявляется карантин. В МНР при возникновении чумы работу вели наши врачи. При обнаружении очага болезни по их требованию министерство общественной безопасности с помощью милиции и армии быстро организовывало строгий карантин.

Министр информировал меня, а я сообщал об очаге чумы в Центр. Характерно, что информация докладывалась в Москве в Политбюро.

Чума очень быстро распространяется, стоит только пообщаться с больным. Первоначальное заражение происходит от укуса блохи, которая несёт в себе бактерии чумы. Такие блохи живут в Монголии только на двух

видах животных. Это тарбаган и крупная полевая мышь — полёвка Бранта. И если заражение от мыши происходит редко и случайно, то тарбаган — один из самых распространённых видов охотничьего промысла. Меха тарбагана идет целиком на экспорт. Монголы с удовольствием употребляют мясо этого животного в пищу. Поэтому чаще всего очаги чумы возникают среди охотников — заготовителей тарбагана. При строгом карантине очаг заболевания очень быстро можно было локализовать. Все действия, связанные со строгим карантинном, держались в секрете.

Монголию посещали наши многочисленные делегации, в первую очередь — по линии экономического сотрудничества. Во времена Горбачёва с визитом в Монголию прибыл министр иностранных дел Шеварднадзе. Он пожелал встретиться со мной, сославшись на рекомендации отдела ЦК КПСС. Мы долго беседовали в кабинете посла (посла на этой встрече не было). Министр проявил интерес ко многим вопросам, в том числе к кадровому в высшем руководстве страны. Затем затронул вопрос 39-й армии. Я из разговора и поставленных вопросов понял, что Шеварднадзе склонен к целесообразности вывода наших войск из МНР. Но я не был в то время в этом уверен, так как не слышал со стороны монголов, как от руководства, так и от министерства общественной безопасности, пожеланий о выводе нашей армии. Всё-таки Китай «нависал» над Монголией по огромному периметру южной границы. Население, находившееся поблизости от мест дислокации армии, «подкармливалось» за счёт найма на работу по обслуживанию быта в частях и других формированиях. Как известно, армия была вскоре выведена. Как у нас и заведено, мы бросили всё, толком не передав ничего Монголии ни на каких условиях. Посёлки, дома и остатки имущества, коммуникации — всё вскоре растащили до нуля.

И уже очень скоро после моего отъезда из страны, в период «перестройки» и развала Советского Союза, Россия практически бросила в Монголии значительно больше ценностей: медно-молибденовый комбинат в Эрденете (мы вывозили 20 млн т. медного концентрата ежегодно); прекрасно оборудованные рудники урана на востоке страны и т. д. Всё это было построено нашими рабочими и на наши деньги.

Хочется закончить рассказ о Монголии на мажорной ноте. Я полюбил Монголию, её открытых и радушных людей и её незабываемые флору и фауну.

Я любитель охоты, но с такой охотой, как в Монголии, другим местам, где я побывал, сравниться трудно и по разнообразию, и по количеству зверя и птицы. Я свято соблюдал правила и сезоны охоты. В первый год своего

пребывания в Монголии я выезжал на охоту и на косулю, и на джейрана, и на горного козла, но последние два года охотился только на волка и птицу. В монгольской охоте большое разнообразие утки, есть несколько видов гуся, масса степной птицы, в том числе обладающей многими целебными качествами, как утверждают, гобийской куропатки. Монголы рассказывают, да и наши врачи подтверждают, что мясо гобийской куропатки, живущей прямо в пустыне Гоби, имеет исключительные свойства для заживления ран и при срастании костей в случае переломов. Главной же моей охотой в эти годы была охота на волка. Волк в Монголии — «враг народа». Утверждают, что матёрый волк уничтожает до 25 овец в год, но особенно любит нападать на лошадей. На охоту на волка я ездил, как правило, с монгольскими охотниками-профессионалами. Знание повадок волка в этой степной охоте очень важно. О волке в Монголии сложены целые легенды, и охота на «серого бандита» является почётной. Я написал об охоте на волка отдельный маленький очерк.

Волки, волки... Серые волки...

Мои воспоминания и ощущения, связанные с охотой на волков, базируются только на охоте в Монголии.

Волк в Монголии объявлен вне закона, и охота на него разрешена круглый год и всеми способами. Утверждают, что взрослый волк уничтожает за год более 20 голов овец, несколько лошадей и коров.

Но сейчас расскажу о первой моей охоте на волка в Монголии. Это была поздняя осень 1983 года, год приезда в МНР. Секретарь ЦК МНРП Балхажав пригласил нашего посла Павлова Сергея Павловича и меня посетить Восточный аймак. Посещение Восточного аймака помимо официальной части включало охоту на волков. Восточный аймак — это степной скотоводческий район с редким населением. Через необъятные степи и невысокие сопки этого района проходит ежегодная миграция многотысячных стад азиатской антилопы — джейрана и дзейрана. Волку есть где развернуться. В Монголии степной волк крупный и производит впечатление могучего животного. Отдельные особи матёрых самцов достигают 70, а то и 80 кг веса. Это зверь скорее бурого, чем серого цвета, часто с рыжеватыми подпалинами на боках и животе. Окраска прямо под цвет пожухлой выгоревшей степной травы.

Наша база, две нарядные гостевые юрты, была разбита прямо в открытой степи, в районе предполагаемой охоты. Рано утром на рассвете

мы выехали на трёх «уазиках»: на одном — посол, на втором — Балхажав, на третьем — я. Моими проводниками были председатель аймачного совета и председатель совета района. Настоящие охотники, знающие бескрайнюю степь, как свой дом родной. Водитель — ас. Он и должен быть асом, так как преследование волка проходит на большой скорости, при полном бездорожье. Любая хорошая рытвина или большой камень могут стать на такой охоте последним. Благо степь в основном довольно ровная, кроме района сопки, где могут быть камнепады, расщелины и промоины. Скоро машины потеряли друг друга из вида. Мы въехали на сопку, возвышающуюся над большим участком степи, одни. Рассвело. Все четверо, включая водителя, с биноклями в руках разглядывали степь и ближайшие сопки. Я думаю, видимость — километра на два вокруг. В это время года волки живут ещё на ограниченных площадях, не уходя далеко от мест, где у них имеется логово. Хотя их ночной переход в поисках пищи нередко превышает 20–30 километров. Под утро волки возвращаются, как правило, к месту своей днёвки.

Мы смотрим во все стороны и во все глаза. Шарим через стёкла биноклей по окрестности. Вдруг вижу, именно я вижу, по склону идёт «он». Далеко, наверное, метрах в 800, а то и в 1000. Говорю, что вижу волка, и показываю председателю аймачного совета. В его голосе и в замедленных движениях явное недоверие. Скажу сразу: у монголов особое «степное» зрение и огромный навык видеть то, что далеко не всякий увидит. Председатель смотрит на указанную мной далекую сопку и вдруг весь преображается. «Все в машину!» На ходу показывает направление водителю. С рёвом, уже никак не скрываясь, мчимся наперерез уходящему волку. Есть одна особенность в поведении волка: он, как правило, бежит, уходит от преследования по выбранному один раз азимуту, почти по прямой линии, не меняя направления. Это особенно ясно видно в степи. Конечно, он выбирает направление к известному ему укрытию, в сопки, к оврагам. Вот наш волк исчез из поля зрения. Но мы едем уверенно ему наперерез. И он вновь появляется. До волка метров 200. Сближаемся. У меня в руках ружье, заряженное картечью. Я готов стрелять из окна машины на полном ходу. Расстояние сокращается до 50, затем 40 метров. Водитель всё знает. Мы едем не прямо в след, а слева, сзади от волка. Стреляю. Удачно. Волк переворачивается, но тут же вскакивает и бросается на машину. Стреляю почти в упор, в голову. Всё. Вылезаю. Волк, матерый красавец, убит наповал, видимо, вторым выстрелом в голову. Первый мой волк!

Мы уехали от лагеря далеко и решили возвращаться назад. Но

Монголия решила преподнести мне охотничий сюрприз в полной мере. Через полчаса мой хозяин, председатель аймачного совета Доржи, первым замечает волков, хотя и сидит на заднем сиденье УАЗа. Несколько секундами позже мы все видим стаю из пятого волков. На махах они уходят от нас под углом. Бегут цепью один за другим, всего в 150–200 метрах. Хорошо виден вожак, крупный волк впереди стаи. Сближаемся. Видно, что за вожаком идут также на махах более молодые волки второго года, и последние два, видимо, совсем молодые волки этого года — прибылые, как их называют охотники. «Берем матёрого!», — объявляет Доржи. История повторяется. Пытаемся поравняться со стаей. Но волки бегут ещё очень быстро. Машину изрядно трясёт, хотя это и степь. Хорошо, что мало крупных камней, очень опасных для машины на её предельной скорости. Стреляю — раз, два. Промах. Судорожно перезаряжаю ружье, Доржи держал патроны наготове. Стреляю. Попал. Волк на этот раз падает сразу. Команды водителю Доржи отдаёт по-монгольски, и я только потом понимаю суть плана. Машина, только немного замедлив ход, подъезжает к волку, тормозит и передним колесом переезжает волку шею. Тут же вновь взревел мотор, и мы мчимся за следующим волком. Вновь стрельба, и вновь колесо переезжает через шею волка. Из стаи, из пяти волков, взяли четырех. Затем по своему же следу проехали весь маршрут гонки и собрали всех подстреленных волков. След машины в степи по сухой низкой траве хорошо виден, а водитель ориентируется отлично.

Привал. Спадает моё нервное напряжение. Хозяева открывают бутылку шампанского. Монголы хвалят мою стрельбу и тут же начинают снимать шкуры. Они большие мастера своего дела. Волка прикрепляют задними ногами за бампер и вдвоем снимают шкуру чулком, одновременно, где нужно, работая острыми ножами. Шкуры закрепляются на крыше головами вперед. В пасть вставлены свернутые в трубку картонки, что даёт возможность подсушить всю шкуру изнутри. Картина невероятная — пять волчьих морд торчат прямо над передним стеклом УАЗа.

Возвращаемся в лагерь часа в два дня. Посол Сергей Павлович уже отдыхает. Видимо, перекусил и радостно объявляет, что взял двух волков. «А как у Вас?» — «А вот они», — я показываю на крышу. Торчащие морды, которые он сразу не заметил, производят большое впечатление на него, он не может поверить и требует «сознаться», что шкуры подарили монголы, но быстро понимает, что они свежие и только что сняты.

Волка в Монголии уважают как очень умного зверя и достойного противника. Среди охотников ходит много рассказов, а иногда и легенд о волках. Мне приходилось неоднократно слышать, как араты утверждали,

что волчья семья, живущая неподалеку от стойбища пастуха, не нападает на его стадо, довольствуясь падалью, или уходя на охоту в другие районы. Умное мирное сосуществование. В первом пограничном отряде, на реке Халхин-Гол, на самом востоке страны, мне достоверно рассказывали сами участники одной драмы такую историю. Два пограничника делали объезд своего участка. Довольно далеко, километрах в 15 от месторасположения отряда, они наткнулись на волчье логово и заметили двух неосторожно показавшихся волчат. За убитого волка в МНР дают небольшую премию, одинаково, как за взрослого волка, так и за щенка. Не за шкуру, а за факт уничтожения хищника. Пограничники забрали волчат, чтобы получить эту премию. Взрослые волки, видимо, пара — самец и самка — к ночи по следу пришли в отряд. В Монголии в каждом погранотряде держат скот, в первую очередь, овец. Овец на ночь загоняют в кошары — огороженное плетнем место, частично под навесом. Кошару ночью никто не охраняет, да и не от кого. Случаи нападения на такие укрытия волков в Монголии неизвестны. Наверное, пищи хватает и подальше от человека. На этот раз волки, перепрыгнув через забор, порезали все стадо овец, более 50 штук. Это была ясно выраженная месть, «продуманная» и беспощадная.

Волчица щенится где-то в половине апреля, на 62–64-й день после вязки. Волчата слепые и прозревают на 12-й день и до четырёх-пятинедельного возраста волчица кормит их молоком. Затем и волк, и волчица кормят волчат вдвоём наполовину переваренной пищей, которую они легко отрыгивают из своих желудков. С двух месяцев взрослые волки приучают волчат есть сырую, а часто и полуживую, пищу. Как правило, взрослые волки приносят диких мелких животных: зайцев, сурков, куропаток. В это время волки стараются не нападать на домашних животных, сохраняя «нейтралитет» с соседними аратами. Немного позднее волки начинают перемещаться и совершают далекие вылазки. Особенно ценной пищей для весеннего времени является тарбаган. Это крупный, мясистый и очень жирный сурок. Жир тарбагана имеет исключительные лечебные свойства, видимо, в связи с обилием в нем витаминов и других лечебных компонентов. Сами монголы лечат жиром тарбагана и раны, и желудок, и простуду. Волк знает, когда и кого есть. Пастухи так и говорят: «Да, волки были, но ушли на юг охотиться на тарбагана, восстанавливать силы и здоровье».

Совсем в другом регионе, на севере Монголии, в Селенгинском аймаке произошёл случай неожиданной охоты на волка. Был ясный солнечный осенний день. Около 10 часов утра. На УАЗе мы едем по полевой дороге. Дорога вьется несколькими полосами, а слева и справа — бескрайние поля,

на которых ещё недавно колосилась пшеница. Ноябрь, но снега почти нет. Он в Монголии на таких полях не тает, а испаряется. Сзади в моей машине местный монгол, охотник, сопровождающий нас на охоте. Вторая машина едет далеко позади, чтобы не быть в облаке пыли от нашей машины.

Вдруг вижу: прямо на нас двигаются черные, как мне показалось против солнца, силуэты. Сближаемся. Монгол кричит: «Волки!». И тут... Прямо на нас бежит врассыпную стая волков, штук восемь «серых разбойников». Буквально перед машиной они разворачиваются веером в сторону сопок, до которых километра три. Говорю моему водителю: «Коля, попробуй за самым крупным. Догони!». Карабин упакован в спальный мешок, для сохранности оптики. Судорожно начинаем вместе с монголом развязывать и доставать его. Волк сразу ушёл на дистанцию метров в двести, а то и триста. Поле мягкое, стерня, машина буксует и ревет, двигается со скоростью не более 40 километров в час. Продолжаем отставать. Карабин достали. Но вот расстояние до волка начинает быстро сокращаться: 150, 100 и вот уже метров 70. Машина закипела — пробуксовки и небольшой подъем поля не заставили себя ждать. Кричу: «Коля! Стоп!». Выскакиваю из машины. Из карабина стрелять на ходу невозможно. Целюсь. Уверенно ловлю волка в оптику, хотя и волнуюсь. Попадаю первым выстрелом. Видно, как по спине волка прошла красная полоса. Пуля вспорола шкуру и, кажется, задела его более серьёзно. Несколько шагов, и волк сел. Бросаюсь в машину, подъезжаем на дистанцию 15 метров. Сидит огромный волчище. Не пытается бежать — не может. Добиваю выстрелом в голову. Что же произошло?

Мы забрали тушу и отъехали на несколько километров к ручью, месте, которое знал наш проводник. При разделывании волка выяснилось, что у него в желудке масса, килограмм 10, свежего мяса. Мясо прямо с кусками лошадиной шкуры.

Утверждают, что матерый волк способен съесть сразу до 15 килограммов мороженого мяса. Именно вот эта прожорливость и погубила опытного хищника. Стая только что сожрала лошадь. Кстати, как поговаривают охотники, лошадь — это любимое волчье кушанье.

При всех обстоятельствах волк боится человека и не нападает на него. Монголы волков не боятся. Но волка все: и араты, и охотники — уважают. И это не для красного словца сказано. О волках говорят всегда уважительно. Сам я несколько раз встречал «умного» волка. Эти эпизоды связаны, прежде всего, с охотой на волка загонем. Облавой такую охоту в Монголии назвать нельзя. Волков не обкладывают, как в наших лесах, никакие флажки не используются. Как правило, загон проходит на лошадях

по большому периметру. Стрелки также перекрывают значительное расстояние, находясь в 150–200 метрах друг от друга, на номерах. Охотимся мы в долине реки Керулен, километрах в 150 на восток от Улан-Батора. Лесистые холмы. Но лес довольно редкий, видимость хорошая, кустов мало. Лежу за поваленным деревом на склоне, почти на вершине холма. Загон должен быть снизу, со стороны полей. Напряжение возрастает. Вижу, как параллельно линии стрелков между редкими деревьями небыстро идёт косуля — на выстреле, метрах в семидесяти от меня. Не стреляю, так как охота только на волка, и всё чётко определено. Охоту организует генерал пограничной службы, ветеран и опытный, известный охотник на волка. Утверждает, что убил сам более четырёхсот волков. Верю! Неожиданно вижу, что прямо за косулей, также не спеша, на расстоянии буквально 10–15 метров от неё идёт матёрый волк. Это он «пустил впереди себя косулю», как пробный шар, и ждёт: как она пройдёт опасную зону. У меня секунды. Целюсь между деревьев, позади косули. Вот и волк. Стреляю. Волк исчез. Спускаюсь на след волка. Вскоре подходит и наш ветеран, и руководитель охоты. Изучаем ситуацию. Находим кровь. Волк ранен, но ушёл. Наш генерал находит двух опытных загонщиков и посылает их по следу раненного волка. К вечеру они привозят добытого волка. Его догнали в двух километрах от места охоты. Не смог уйти серый.

В другой раз, при очень похожей ситуации, я не выдержал ожидания. Загон был организован силами самих охотников, передвигались пешком, и он очень затянулся. Наконец, внизу у подножия сопки, на которой я сидел в укрытии, появились две косули. Они повернули в сторону — на меня не пошли. Стрелять было далековато, но удобно. Стреляю в косулю. Попал. Но получил потом замечание от моих партнёров, находившихся в загоне. Оказывается, вслед за косулями шли два волка, которые после моих выстрелов по косуле изменили направление и исчезли в кустах у соседней сопки.

А вот ещё один пример. В заказнике под Улан-Батором я однажды участвовал в охоте на волка. Охота была организована с целью прогнать волков из района, где выращивали изюбра. Изюбров в этом районе много, и ведётся даже заготовка пантов как экспортного товара. Волк режет телят изюбров безжалостно. Загон проводится зрителями (егерями) заказника на лошадях. Поэтому ждать возможного зверя пришлось недолго. Волк вышел из лесного массива уже на махах, чтобы пересечь довольно широкое поле. По моим расчётам, он должен был пройти от меня метрах в 70. Другие стрелки стояли значительно дальше. Бежит, сближаемся. И вдруг,

метров за сто пятьдесят от меня, волк исчезает. Ещё двадцать метров вперёд, появляется на мгновение его спина — и снова его нет. Ещё и ещё раз вижу спину. Но стрелять буквально некуда. Он не так быстро, как вначале, но всё же бежит, почти прижимаясь, по дну пересохшего ручья, как будто понимая, что стрелять будут здесь, на открытом месте и надо укрыться. Петляет вместе с изгибами ручья (обычно волк бежит по прямой), но из ложа ручья не выскакивает. Хитёр же. Ушёл.

Волки умеют удивительно приспособливаться к обстановке и климатическим условиям. Утверждают, что волки живут на сравнительно небольшой площади, делая свои походы-набеги в радиусе 20–40 километров. За ночь волк нередко проходит более 25 километров и возвращается в ту местность, где у него было логово. Но вот когда по Монголии (это три юго-восточных аймака на границе с Китаем) проходит миграция азиатской антилопы — джейрана и дзейрана, волки, иногда стаями, идут вслед за стадами антилоп. Они подбирают больных и падших, иногда — молодняк. Джейранов сотни тысяч, и волкам перепадает хорошая добыча. В это время волки проходят сотни километров, но потом по своим волчьим законам возвращаются к своим исконным местам.

О хитрости волков рассказывают много, но один из таких рассказов меня заинтересовал особенно. Известно, что волк ест любое мясо, но уж очень любит конину. Действительно, конина — питательное мясо с большим содержанием полезных веществ, особенно в Монголии или Казахстане, где лошади круглый год пасутся на пастбищах. Так вот, как утверждают араты, волки живут где-то рядом с большим табуном. Не нападают на лошадь в табуне, а терпеливо ждут, когда какая-нибудь лошадь падёт (сломает ногу в тарбаганьей норе или заболит). Это всё — премия волкам за терпение. Но самое интересное, что кони, весь табун, привыкают к волкам, не боятся их, свыкаются с их запахом и постоянным присутствием. Утверждают, что волки ночью даже находятся внутри табуна, и как лошади, так и сами пастухи перестают их как бы замечать. «Свои волки». Ведут они себя, как пастушьи собаки.

При проведении охоты на волка загонном большое значение приобретает выявление наличия волка, возможные направления его ухода от загонщиков, и в этой связи выбор мест для номеров, т. е. стрелков, находящихся в засаде. В этом непростом разговоре с природой особую роль играет прочтение следов зверя.

Задача обнаружения и выслеживания волка особенно хорошо может решаться по «белой тропе», т. е. по снегу. Охотники на волка в Монголии при осмотре следов зверя довольно точно определяют, в первую очередь,

время, которое прошло с момента, когда прошёл волк. Для опытных охотников в прочтении следа всё имеет значение. Глубина и размер бороздки, которая остается позади следа, осыпь снега в следе и т. д. Все это важно на фоне погодных условий, глубины и свежести снежного покрова и влажности.

В Монголии, как правило, мы сталкивались зимой с настом и сухим снегом. След в таком случае осыпается, и прочтение его затруднено. Но мастера знали своё дело и, как мне казалось, легко справлялись с этой задачей.

На этот раз мы были на южной границе Центрального аймака, в 200 километрах на юг от столицы. Стояла тихая морозная погода. Снег уплотнённый, надувной наст. Волк по такому снегу идёт, не проваливаясь, даже крупный зверь легко проходит всюду, кроме мест, где есть заносы. След от когтей хорошо виден. И вот наша разведка проведена, следы прочитаны: зверь есть, хотя, кажется, где ему укрыться — кругом белое покрывало, как в долине, так и на не очень высоких сопках.

Охотники далеко уехали на машине организовывать загон. Меня ведёт проводник на номер. Место на вершине сопки, несколько метров ниже самой вершины в сторону загона, под ветер. До нижнего края сопки метров 120. А дальше — подъем следующей, более высокой сопки. Слева и справа тоже довольно высокие сопки. От меня до их склонов метров 500 и это уже не мой район, так как слишком далеко для успешного выстрела. Где-то ещё три стрелка, но я их не вижу: они на других сопках. Всё кругом бело, всё одинаково. Почему волк должен пойти в мою сторону? Перевалить через высокую сопку и выйти ко мне на выстрел? В таких сомнениях нахожусь в небольшой ямке, вырытой в снегу. Лежу прямо на снегу. Правда, «упакован» надёжно. Хорошие валенки, меховые сапоги, полушубок. На мне ещё белый халат и наволочка, завязанная на шапке. Деталь немаловажная, так как на таком белоснежном фоне любая одежда охотника выглядит черным пятном, и охотник может быть виден очень далеко.

Лежу не шевелясь, — это одно из условий нахождения в засаде на таком открытом со всех сторон месте. Скептически размышляю о том, что успех более чем сомнителен. Загон должен проходить пешком, долго, а мороз градусов 20–25. Хорошо, что нет ветра. Тихо, загонщиков не слышно. До них далеко, и местность сильно пересечённая. Тишина... И тут... Не верю своим глазам. С противоположной высокой сопки спускается волк. Его хорошо видно: крупный зверь. Идёт неспешно. Очевидно, загона пока не боится, а уходит от людей на всякий случай. Идёт вниз, прямо в мою сторону. И вот зверь уже на разломе двух сопки и сейчас

должен пойти наверх, прямо ко мне. Но тут он поворачивает влево и идет прямо по разлому. Ещё десять метров — и волк скроется за край моей сопки — тогда пиши пропало. Далековато, более 100 метров. Но карабин с оптикой, пристрелян. Целюсь. У меня по времени в распоряжении только один выстрел, и волк уйдёт из поля зрения. Беру небольшую поправку на движение зверя. Целюсь ему по носу. Не дышу, стреляю! Волк замирает и падает прямо на месте. Жду, карабин, конечно, перезарядил. Но зверь не шевелится. Второй выстрел не нужен. Иду вниз. Появляется и мой проводник. Он был где-то недалеко, сзади. Осматриваем зверя. Пуля попала прямо в глаз. Конечно это случайность, однако, проводник высоко оценивает выстрел. Я тоже доволен. Вроде и не волновался, а помню все, как будто это было вчера. Смотрим — матёрая волчица. Очень красивая. Охота происходит в феврале. Шкура самая лучшая: толстый пушистый мех. Подпушек такой густой, что буквально палец не воткнешь. Нежно-рыжего цвета уши. Светлые бока, также с местами нежного цвета светлого какао. Спина же тёмная. Вся шерсть чистая и блестящая. Одна из редких шкур, которую я сохранил и показываю до сих пор друзьям. Опыт и особое чутье моих проводников, вот что обеспечило успех сложной по организации охоты. А красавицу-волчицу и сейчас жалко.

Опыт и квалификация охотников имеет при загонной охоте совершенно особое значение. А когда такие опытные охотники отсутствуют, то охота может превратиться в анекдот. Гуляя недалеко от дачи посла в Баянголе (предгорье, покрытое лесом), я встретил на спуске в овражек, прямо возле зимней дороги, наполовину съеденную тушу крупной косули. По свежим следам было хорошо видно, какая лесная драма здесь разыгралась. Были хорошо видны свежие следы четырёх волков. Волки перехватили косулю на спуске под горку сразу с двух сторон. Туша косули была совсем свежая, ещё не совсем замёрзла. Кругом следы крови, но для четырёх зверей съедено вроде бы мало. Я даже не исключаю, что я спугнул хищников, когда подходил к месту драмы. Я рассказал всё виденное Сергею Павловичу и своему помощнику Киму, страстному охотнику и энтузиасту, всегда готовому к охотничьим выездам и походам. Через пару дней выехали немного дальше за дачу, в предгорье, в направлении, куда, как нам казалось, ушли волки. Выбрали довольно открытый большой склон, на котором должны были ждать стрелки, т. е. посол Сергей Павлович и я. Водители прикрыли с машинами правый фланг, а Ким пошёл обходить покрытую лесом сопку, чтобы выгнать на стрелков зверя, если не волка, то, во всяком случае, косулю. Район подходящий, места непуганные. Сергей Павлович одет как на европейском горнолыжном курорте: шведские

утеплённые кроссовки, зимние модные западные штаны, стёганая куртка. Я — как всегда для зимней охоты: валенки, ватные лёгкие штаны, полушубок. Одежда посла сразу вызывает у меня сомнения. Но он сам бодр и мужик здоровый, так что всё вроде бы нормально. Инструктаж обычный. Сидеть скрытно, не шевелиться и ждать зверя. Расположились в укрытиях, метрах в 150 друг от друга. Ким ушёл в загон, минут через 20–30 мы должны были услышать его выстрелы уже на стороне сопки, на склоне, обращённом к нам. Прошёл час — тишина. Ещё минут тридцать. Начинаю мерзнуть и вспоминаю о после. Он одет явно легкомысленно для 15–20-градусного мороза. Не выдерживаю и иду к нему. Сергей Павлович вылезает из своего укрытия — ямки в снегу. Вид удручающий. Он совершенно замёрз. Подхожу ближе. У него синие губы и какая-то приглушенная речь. Кричу ему, чтобы он бежал к машине и на одной из них уезжал на дачу. Благо это в 10 минутах. Вместе с водителем растираем посла водкой. Даём ему выпить. Отходит медленно, постепенно, но обморожений нет. Мужик он был на редкость здоровый и крепкий. Спрашиваю, как же он сидел, буквально замерзая? Его объяснения просты. Было сказано, что успех охоты зависит от соблюдения всех условий. В первую очередь: скрытность и неподвижность. Но не до такой же степени! Много лет спустя Сергей Павлович сам, уже со смехом, вспоминал не один раз, как он едва не замёрз в соответствии с моим инструктажем. А Ким вышел к машине ещё через час, так как промахнулся в лесу и пошёл в обход не первой сопки, а следующей за ней, т. е. ещё километров 7–8 по карте.

Охота на волка с вертолётa — это совершенно особая охота, ни на какую другую не похожая. Техника (вертолёт) меняет всю ситуацию. Это уже вроде и не охота, а промысел. Хотя в России, на севере, в степях южного Урала, а особенно в животноводческих районах Казахстана такой вид охоты практикуется добросовестными профессионалами. Я о такой охоте слышал из первых уст, от директора Прибалхашского заказника.

Я имел возможность охотиться на волка при помощи вертолёта дважды, с интервалом в два года, и оба раза на самом востоке Монголии, в районе известной реки Халхин-Гол. Я был гостем в 1-м монгольском погранотряде вместе с министром общественной безопасности МНР Жамсранжавом и командующим погранвойсками страны. Мы прибыли в отряд на вертолётe. Министр и командующий занялись смотром отряда, а мне предложили посмотреть район с вертолётa и, возможно, поохотиться на волка. Пилот — монгол, учившийся у нас, с хорошим опытом, и, по характеристике нашего советника по погранвойскам, талантливый лётчик.

Он оказался настоящим асом. Местность под нами — это небольшие холмы, покрытые редкими деревьями и кустами. Много оврагов. Ближе к горам места труднопроходимые, а об охоте на машине, как это делается в степных районах, не может быть и речи. Осень, но снега ещё нет. Середина дня, и видимость отличная. Волк в это время должен залегать где-то в укрытии, и я не очень рассчитываю на быстрый успех, т. е. на то, что мы быстро найдём зверя. Но очевидно, шум вертолёт, я бы даже сказал — рёв настолько необычен в этом заповедном краю, что волк не выдерживает, покидает своё укрытие и бежит, бежит куда глаза глядят. Я подготовился. Достаточно тепло, дверь открыта, и я прикреплён, буквально подвешен на ремнях, с тем, чтобы можно было высунуться из машины и удобно стрелять. Стрельба из ружья. У меня моя двустволка. На такой охоте желательно, как я знаю, иметь полуавтомат с пятью или даже с десятью зарядами. Два выстрела в короткое время, пока волк на выстреле, маловато. Но вот летим, не более 80 метров над землей. Смотрим во все глаза: я, пилот, мой помощник, второй пилот и наш погрансоветник. Стрелять могу только я: дверь одна. Прошло не более пятнадцати минут. Волк! Бежит. Пилот знает своё дело — снижается до 40–50 метров над землёй. На большой дистанции стрельба картечью не даёт должного результата. Пилот точно проинструктирован по этому виду охоты. Быстро сближаемся со зверем. Вертолёт чётко принимает немного вправо, давая мне угол обстрела в 15–20 градусов. Мы летим в три, а то и в четыре раза быстрее, чем бежит волк. Продуманно стреляю по хвосту зверя. Вижу, что даже этого упреждения мало. А времени всего 10 секунд. Стреляю второй раз. Снова промах. Упустили. Но нет. Вертолёт закладывает вираж. И вот мы вновь в погоне за волком. Он не успел дойти до оврага. На этот раз стреляю успешно. Снижаемся. Волк лежит, но жив. И мой помощник стреляет ему в голову из мелкашки, чтобы не испортить шкуру, стреляя ещё раз картечью. Забрали тушу в вертолёт, и снова — в воздух. Волков много. Охотников в этом забытом богом уголке Восточной Монголии просто нет: добраться трудно, да и у местных жителей для этих целей нет транспорта. Но главное: организация охоты очень непроста.

Наша вертолётная охота продолжается. Каждые десять-двадцать минут на горизонте появляется новый волк. Я пристрелялся, и промахов стало меньше. Техника стрельбы улучшилась очень быстро. Мои товарищи ловко прыгали из машины и забирали убитых волков. Пилот был бесподобен. Позднее я летал с ним ещё несколько раз по делам и убедился в правоте моего первого впечатления. Хотя процесс проходил раз за разом как бы по одному сценарию, но всё в целом было захватывающей охотой. Это и

волки, и вертолёт, и стрельба, провисая на ремнях из открытой двери кабины. В общем, очень необычно и азартно. Время пролетело, как один миг: полтора часа полёта, посадок в самых неожиданных местах и опять взлётов. В узкой кабине (половину кабины занимает огромный ярко-жёлтый бензобак) гряда убитых волков. Вдруг — небольшая паника среди моих товарищей. Ким, мой помощник, кричит: «Он живой! Что делать?». Один волк задышал и пошевелился. Ким схватился за ружье, но тут же был остановлен. Стрелять в кабине нельзя. Это катастрофа. Замерли. Ждём, что будет с ожившим волком. Приготовили ножи. Но тревога явно преждевременна. Волк чуть дышит, но не шевелится. Наконец прилетели в отряд. Выгрузили шесть волков на вертолётной площадке, к общему удивлению, так как таких «успехов» не видел ни министр, ни начальник погранвойск. Вертолеты были в МНР только в армии и у пограничников. Никто на волка таким образом здесь не охотился. А промысловики-охотники на волков в МНР не охотятся, у них другой, более выгодный промысел: в центре страны — это марал (мясо на экспорт); на севере — кабарга (для китайской медицины) и соболь в тайге; а по всей стране — тарбаган на экспорт меха.

Если у нас при охоте на волка добывается только шкура, то монгольский профессионал берёт и другие части туши. Охотник сразу смотрит, пустой ли у зверя желудок. Если пустой, то весь желудок вырезается и далее высушивается и используется как лекарственное сырьё для лечения желудка и кишечника. Очевидно, что у волка мощная система пищеварения, недаром он переваривает любые кости и лошадиную шкуру. Секреты желез желудка в сухом виде и служат лекарственным стимулятором для больного. Берут также язык и подъязычные железы для этих же целей. По специальному заказу вырезают определенные части туши «на мясо». Это мясо дают больным легочными заболеваниями, и этот «допинг» якобы даёт положительный результат.

Охота на волка — очень увлекательное занятие. В условиях Монголии такая охота считается полезной и встречает общее одобрение.

И, конечно же, радовала меня в Монголии рыбалка. Рыбачил я там в разные времена года. Говорят, рыбалка в Монголии похожа на рыбалку на глухих сибирских реках. Хорошо ловится таймень, иногда и больших размеров. Мой рекорд — таймень, пойманный на «мышь» на реке Халхин-Гол, в 18 кг веса. («Мышь» — это лёгкая деревянная болванка 15–16 см длиной, обтянутая тонким мехом и снабжённая 3–4 крупными крючками.) Замечательна рыбалка на ленка, красную рыбу из семейства лососевых. Есть в Монголии и другая пресноводная рыба — почти всех видов — от

щуки в 10–15 кг до налима и хариуса.

Ещё одна достопримечательность Монголии — это грибы. «Китайский белый» гриб очень похож на наш белый гриб, но он абсолютно белого цвета и растёт только на сопках в голой степи. Грибница видна с большого расстояния как большой правильный круг диаметром в 50–60 метров. Этот круг выделяется своей необычно яркой зелёной окраской. Грибы растут только в траве по кругу и нигде больше. Китайцы неоднократно предлагали монголам продать им выкопанную грибницу, считая, что этот белый гриб содержит эффективные лечебные компоненты. Монголы грибницу не продали. Собрать этих грибов на удачной грибнице можно до 10 кг за 30–40 минут, причём червей в них не бывает. И свежий, и сушёный, «белый китайский» гриб очень вкусный.

Я проработал в Монголии около пяти лет. Отношения с новым руководством страны, и особенно с министром общественной безопасности, в последние годы сложились самые доброжелательные. Наше представительство старалось укреплять отношения с МНР и помогать монгольскому народу. Замечаний со стороны Центра к нам не было, и когда моя командировка завершилась, я получил из уст начальника разведки В. А. Крючкова положительную оценку моей работы.

В Москве меня назначили на должность старшего консультанта начальника разведки. Это была почётная должность, но далёкая от оперативной работы, и в начале «перестройки» я ушёл в отставку, что на тот момент полностью отвечало моему желанию.

Послесловие

Всегда буду помнить моих великих учителей в разведке Ивана Ивановича Агаянца и Александра Михайловича Короткова.

В 1952 году И. И. Агаянец возглавлял в течение короткого времени европейский отдел разведки, и я после окончания школы № 101 получил назначение в этот отдел. Но главная моя работа под мудрым (не боюсь этого слова) руководством Агаянца проходила в службе «Активных мероприятий». Эту службу создавал сам Иван Иванович. При нём служба заняла важное место в ПГУ и добилась в ряде случаев выдающихся успехов. Я прекрасно понимаю, что годы работы в службе стали основой для моего роста. В первую очередь, не в должностях и званиях, а в развитии эрудиции разведчика, расширении политического кругозора. Масштаб задач, ширина и глубина проработки операций обязывали к очень напряжённой деятельности. Я знакомился с очень большим объёмом информации, и с годами это начало приносить свои плоды. Атмосфера усердия, напряжённой работы, углублённого анализа возникающих проблем постоянно в службе «А» поддерживалась лично Агаянцем. Сам он работал, не жалея себя. Где-то в начале 1964 года Агаянцу сделали операцию на коже, небольшую, казалось бы, он уже вышел на работу, но через 2–3 месяца вновь лёг в «Кремлёвку». Я, как партийный секретарь службы и «старый» кадр, служивший с первых дней создания службы, регулярно бывал в ЦКБ у Ивана Ивановича. Болезнь развивалась очень быстро. Однажды Агаянец пригласил меня пройтись по парку. Было тепло. Говорили о делах. Но вдруг он остановился и сказал, что у него неожиданно появились опухоли в районе подмышек и в паху и... замолчал. Я попросил его разрешения посоветоваться в службе о возможности помочь в лечении, так как этот вопрос, как я понимал, приобрёл чрезвычайный характер. Прибыв на работу, доложил о своих худших опасениях заму Агаянца С. А. Кондрашову. Он при мне позвонил Ю. В. Андропову, председателю КГБ. Реакция была немедленной. Председатель тут же поручил организовать у Агаянца консилиум лучших врачей Москвы.

Я был при проведении консилиума в ЦКБ. Выводы были неутешительными: быстро прогрессирующий рак. Один из профессоров прямо назвал сроки жизни — 3–4 недели. Так и случилось. Вечная память Ивану Ивановичу Агаянцу! Он был редкого ума и организаторских

способностей разведчик и руководитель.

Разведчиком от Бога был Александр Михайлович Коротков. Он обладал особым чутьём на фальшь и опасность. О нём много написано: как о его работе в годы войны, так и на посту руководителя службы нелегальной разведки. Я имел возможность убедиться в его невероятных способностях, работая под его руководством в самом начале моей службы в разведке — в двух небольших, но ответственных командировках в Женеве (о чём повествовал в начале моего рассказа). Мне просто повезло, так как я сразу окунулся в активную работу под руководством опытного и талантливого профессионала. Рано он ушёл из жизни, и я буду помнить, с каким искренним почитанием о нём говорил на Новодевичьем кладбище приехавший в Москву хорошо известный бывший шеф разведки ГДР, а ныне писатель Маркус Вольф. Помню, как он сказал примерно следующее: «Дорогой Саша! Ты — выдающийся профессионал и патриот своей великой Родины — Советского Союза. Но ты стал для нас, немецких разведчиков, и для всего народа Германской Демократической Республики родным и любимым человеком».

Я же полностью разделяю эти слова Вольфа. Всегда помню Александра Михайловича Короткова и свою работу с ним.

В этом очерке описана лишь небольшая часть моих воспоминаний. Естественно, многое в работе разведчика остаётся секретным навсегда. Хотелось бы только подчеркнуть, что разведка играла и играет важную роль в жизни нашей страны. Для нас эта роль была очень выпуклой в годы «холодной войны». Но совершенно очевидно, что значение разведки для нашей Родины сохранилось полностью и сейчас.

Я любил свою работу на любом месте и под любым прикрытием, и сейчас с почтением и любовью отношусь к нашей разведывательной корпорации. Для России хорошая внешняя разведка очень важна. Противников у нас меньше не стало.

Иллюстрации

Р. Зорге во время работы в Японии

Ким Филби

И. И. Агаянц

Знаменитый Лонсдейл (Конон Трофимович Молодой)

Блестящий нелегал полковник Р. И. Абель (Вильям Генрихович Фишер)

С Черняевым и Энгером, возвращающимися из американской тюрьмы

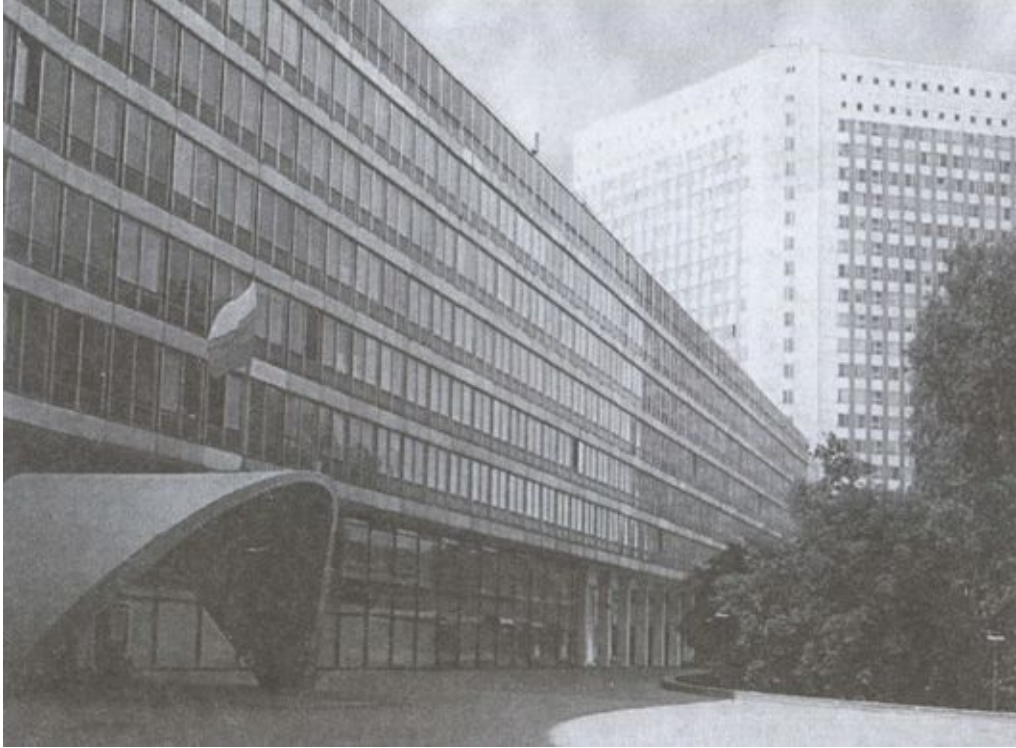
Вид на Женевское озеро

Место встречи в Париже

Здание ЮНЕСКО. Мои окна на третьем этаже

Здание СВР. Седьмое окно слева на пятом этаже — моя комната

Флаги перед зданием ООН в Нью-Йорке

Легчик Ф.-Г. Пауэрс

С Александром Коротковым. Центральный аэродром. Перед отлетом в Женеву. 1955 г.

В гостях у магараджи. Бенарес, 1958 г.

С Зоей Мироновой. Представительство при ООН в Женеве. 1973 г.

На встрече с руководителем службы кубинской разведки. 1978 г.

На яхте с кубинскими коллегами

Хороший улов в заливе Хемингуэя. 1979 г.

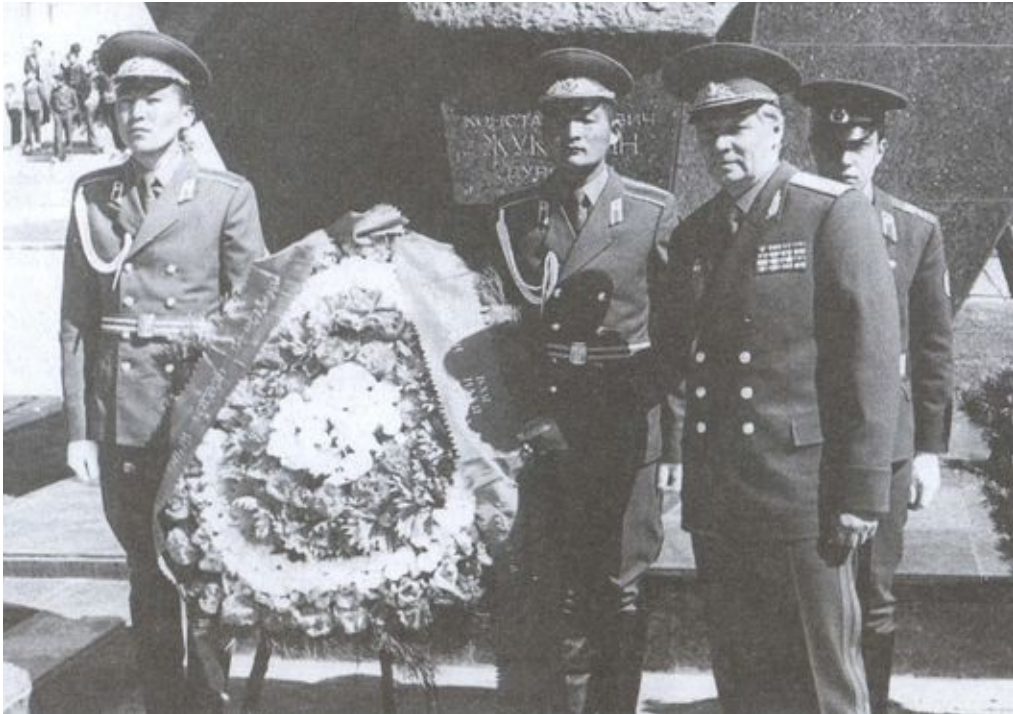
Беседа с Цеденбалом. Посол в МНР Сергей Павлов

Министр Жамсранжав и космонавт Гуррагча

Министр общественной безопасности МНР Жамсранжав и мои коллеги на приеме

Возложение венка к памятнику Г. К. Жукову. Монголия

Генеральный секретарь МНРП Батмунх и посол в МНР С. Павлов в гостях у айрата

Сын Андрей. «Сам поймал тайменя». Монголия

Волки, волки... Серые волки...

notes

Примечания

Уильям Е. Колби, директор ЦРУ США, *Харт Д. Л.* Русские агенты.
ЦРУ М.: Олма-пресс, с. 5.